

Джеймс Херберт В плену у призраков

Аннотация

Где грань между сном и явью? Возможно ли, чтобы призрак преследовал другого призрака? Что происходит в реальной жизни, а что - лишь плод воображения?

Всю жизнь Дэвид Эш искал ответы на эти вопросы и пытался доказать, что любому сверхъестественному явлению, даже совершенно невероятному с точки зрения здравого смысла, можно найти вполне достоверное научное объяснение.

Но стоит ли отрицать очевидное?

Если Эш прав и призраков не существует, то почему они как ни в чем не бывало обитают в старинных особняках и даже днем свободно бродят по улицам?

Джеймс Герберт В плену у призраков

Сон. Воспоминание

Шепотом произнесенное имя.

Мальчик вздрагивает во сне. Бледная, неясная луна сквозь туман освещает комнату. Вокруг лежат густые тени.

Он крутит головой, и, когда поворачивается к окну, лицо превращается в нежную и чистую, начисто лишенную красок маску. Но сон мальчика беспокоен, и глаза под опущенными веками лихорадочно движутся туда-сюда.

И вновь кто-то шепчет имя:

— Дэвид...

Звук доносится словно издалека.

Мальчик хмурится. Голос звучит в его сновидении — нежный, вкрадчивый зов во сне. Руки выпускают влажные простыни, губы приоткрываются в безмолвном шепоте. Свободно блуждающие мысли произвольно возвращаются из далеких странствий к

действительности. По мере того как он просыпается, застрявшие в горле слова протеста вырываются наружу.

Он недоуменно смотрит на холодную, безжизненную луну, силясь понять, не приснился ли ему собственный крик.

Сердце его наполняет щемящая печаль. Она леденит ему кровь, которая движется в венах так медленно, словно делает над собой усилие, чтобы продолжать выполнять эту тяжелую, нудную и даже безнадежную работу. Но свистящий шепот прогоняет, уничтожает эту внутреннюю вялость и лень.

– ...Дэвид... – снова зовет голос.

И он знает его источник, и это знание заставляет содрогнуться.

Мальчик садится и вытирает глаза – он плакал во сне. Он пристально смотрит на неясные очертания двери спальни, и его охватывает страх. Он боится и... он зачарован.

Откинув одеяло, он встает и идет к двери, отвороты помятых пижамных брюк спускаются до самого пола и бьют его по пяткам. Мальчику не больше девяти лет, он маленький, темноволосый, бледный и выглядит необычно изможденным и усталым для своего возраста.

Он стоит перед дверью, словно боясь дотронуться до нее. Однако он озадачен. Больше того, его разбирает любопытство. Он поворачивает ручку, холод металла пронизывает его ледяной энергией, будто исходящей от хозяина зимней стужи. Но он едва чувствует этот холод, ибо все тело его сотрясает озноб. Он открывает дверь, за которой парит густая тьма, которая тут же черной тенью проникает в спальню. Это всего лишь иллюзия, но мальчик еще слишком мал, чтобы осознать и понять природу явления. Он отшатывается, отказываясь вступать в контакт с чернотой.

Зрение его постепенно проясняется, глаза привыкают к чернильной темноте, которая словно рассеивается и одновременно густеет. Он снова идет вперед, скорее робко и боязливо, чем осторожно, выходит за порог и, дрожа, останавливается на площадке лестницы, внимательно оглядываясь вокруг. Спуститься сейчас по лестнице – все равно что попасть в глубокую черную яму, ибо там царит крошечная тьма.

И вновь приглушенный, но настойчивый шепот:

– ...Дэвид...

У него больше нет сил сопротивляться, ибо этот призыв сулит ему надежду. Хрупкую надежду; находящуюся за гранью разумного, за его строгими и четкими пределами, и в то же время в этом призыве – пусть слабое, но отрицание чего-то ужасного, что заставляет его лихорадочно трястись от страха.

Он еще с минуту прислушивается, будто надеясь, что посторонний голос разбудит его родителей. Из их комнаты не доносится ни звука – горе лишило их и физических и душевных сил. Охваченный страхом, он вглядывается в царящую внизу тьму и, боясь все больше и больше, начинает медленно спускаться.

Пальцы руки скользят по стене, царапают тисненую бумагу. В душе его смешаны недоверие, любопытство, страх; глаза, в зрачках которых отражаются непонятно откуда взявшиеся искорки, похожи на два слабых огонька, медленно спускающихся в черную глубину.

У подножия лестницы он вновь останавливается и оглядывается через плечо, словно ища поддержки у своих обессиленных родителей. Но из их спальни по-прежнему не доносится ни звука. Во всем доме царит полная тишина. Не слышно даже голоса, который звал его.

В другом конце того коридора, в котором он сейчас оказался, виднеется слабое свечение, и оттуда тянется струйка пахучего дыма. Очень медленно, с трудом переставляя ноги, он движется на этот свет, пока не останавливается перед закрытой дверью. Теперь он действительно слышит звук – слабое движение, будто дом вздохнул. Возможно, это всего лишь легкий сквозняк.

Пальцы ног купаются в струящемся из-под двери свете; он пристально разглядывает их,

стремясь оттянуть момент того, что ему неизбежно предстоит сделать. Неровный мерцающий свет мягко играет на пальцах. Рука крепко хватается за ручку двери, и на этот раз он не чувствует холода – металл влажный. Или это его ладонь влажна от пота?

Прежде чем повернуть дверную ручку, ему приходится вытереть ладонь о курточку пижамы. Но и после этого слабая рука скользит по гладкой поверхности, прежде чем ему удастся крепко ухватиться за ручку и повернуть ее. У него даже промелькнула мысль о том, что кто-то держит дверь с другой стороны и мешает ему открыть ее. Но вот наконец дверь открывается. Он, заставляя себя войти внутрь, и лицо его заливает мерцающий свет.

В комнате горит множество свечей – их пламя колеблется, изгибается от ворвавшегося в открытую дверь воздуха, и аромат воска окутывает мальчика у входа. Тени мгновенно растворяются, но едва лишь пламя огромного количества свечей успокаивается, тени возвращаются вновь, по-своему приветствуя мальчика.

В дальнем конце комнаты, на покрытом кружевной скатертью столе, стоит гроб. Маленький детский гробик.

Не сводя с него глаз, мальчик идет дальше.

Ноги его словно налиты свинцом, но он с широко распахнутыми глазами приближается к открытому гробу. В неверном свете свечей на лбу его поблескивают капельки пота.

Он не хочет заглядывать в гроб. Он не хочет видеть лежащую в нем фигуру, ставшую такой чужой. Но выбора у него действительно нет. Он всего лишь ребенок, и разум его открыт для самых невероятных возможностей. В душе столь юных существ оптимизм может иногда приобретать весьма причудливые формы, но тем не менее он весьма им свойствен. Голос прошептал его имя, и он откликнулся на зов, у него были свои причины, чтобы попытаться понять непостижимое.

Он подходит все ближе и ближе, и постепенно взору его открывается фигура, лежащая в гробу, обитом изнутри шелком.

На ней платье, какие обычно одевают девочки на первое причастие, с бледно-голубым бантом на груди. Она немного старше мальчика. Руки ее сложены на груди, как для молитвы. Темные волосы обрамляют мертвое лицо, и в этот момент она словно воплощает спокойствие и похожа на спящего невинного ребенка. Хотя она лежит абсолютно неподвижно, играющий в уголках рта свет создает впечатление, что она изо всех сил старается подавить улыбку.

Но мальчик, несмотря на свое нежелание поверить в это, знает, что в этой бледной оболочке нет жизни. Даже более чем ее неожиданное и мучительное отсутствие, в этом его убедили все те горестные и печальные обряды, которые происходили в последние два дня и еще не были завершены. Он наклоняется к ней совсем близко, лоб его морщится от отчаяния и тоски. Он хочет произнести ее имя, но горло перехватывает от чувства беспредельной жалости. Он моргает, пытаясь прогнать слезы с глаз. Он склоняется еще ниже, будто осмеливаясь вдруг поцеловать мертвую сестру.

И ее глаза вдруг широко распахиваются.

Она улыбается, и лицо ее вдруг теряет свою невинность.

Рука ее вздрагивает, словно в стремлении коснуться его.

Мальчик застывает на месте. Рот его раскрывается, губы растягиваются, обнажая зубы, и лишь через одно-два мгновения с губ его срывается замерший на них крик, который затем переходит в визг и разрезает царящую в доме мертвую, звенящую тишину.

Крик его постепенно стихает, растворяется в воздухе, в то время как разум ищет убежища за черной стеной забвения...

1

...Глаза его открыты, и одновременно с пробуждением возникло ощущение неуверенности и неопределенности. Металлический стук колес о рельсы, ритмичное покачивание вагона прогнали последние остатки сна. Он раз или два моргнул, избавляясь от смутной череды образов, не имевших ни формы, ни содержания. Дэвид Эш глубоко вздохнул

и повернул голову к окну, следя за проносящимся мимо пейзажем.

Поля были пусты. Листья, еще недавно желтые и хрупкие, теперь намокли и завяли. Они скапливались под деревьями – словно прокаженные, от которых отказались их хозяева. То тут, то там у подножий и на склонах холмов возникали вдруг одиночные постройки или группы домов, но они казались чем-то чужеродным на фоне окружающего ландшафта. Позднее осеннее небо было серым и столь же материальным, как и земля, над которой оно простиралось, почти касаясь вершин холмов и смягчая их очертания.

Поезд вошел в туннель, и стало совершенно темно, стук колес превратился в оглушительный грохот. Вспышка света, человек, одиноко сидящий в купе, освещенный крохотным языком пламени.

Эш потушил зажигалку, и красный кончик сигареты сделал еще более густыми тени возле его скул и лба. Пристально глядя в темноту, он пытался вызвать в памяти сон, который заставил его дрожать в ледяном ознобе. Но сон был, как всегда, неясным, ускользающим. Он выпустил колечки дыма, недоумевая, почему он так уверен в том, что это был все тот же сон, сон, после которого он всегда испытывал одни и те же ощущения. Возможно, причиной тому был слабый запах воска, витавший в воздухе, точнее в его воображении, после этого сна, а быть может, все дело в сердцебиении, которое всегда было невозможно быстро унять. Или, может, уверенность основывалась на невозможности вспомнить детали этого сна.

В купе вновь ворвался дневной свет – поезд мчался через какую-то забытую Богом станцию. Радуюсь этому отвлекающему обстоятельству, Эш подумал, что когда-нибудь между городами и населенными пунктами вообще не останется промежуточных остановок и железная дорога превратится в широко разветвленную сеть, требующую минимального обслуживания. Что станет тогда с этими заброшенными станциями? Будут ли все так же выстраиваться вдоль платформ похожие на призраков пассажиры? Будет ли все так же звучать из динамика предупреждение “Двери закрываются”? Поглощенные бетоном и деревом образы будут воспроизведены и вернутся через много лет после того, как они существовали в действительности, когда окружавшие их реалии уже исчезнут. Такова была одна из принятых в Институте теорий относительно “призраков” и одна из тех, которые он сам считал правильными и наиболее приемлемыми. Не окажется ли это предметом его нового исследования? Быть может, и нет; существует множество других объяснений так называемого “феномена”, так что выбор велик. Он следил за лениво поднимавшимся вверх сигаретным дымом.

Поезд с грохотом промчался через переезд. За шлагбаумом стояла одна-единственная машина, напоминавшая маленького зверька, лишенного способности двигаться, заипнотизированного пробирающимся мимо хищником.

Эш взглянул на наручные часы. Должно быть, уже недалеко, утешал он себя. Во всяком случае, путешествие оказалось спокойным, у него даже была возможность поспать... Хотя нет, не таким уж спокойным. Этот сон – хотя он не мог вспомнить его содержания – несколько взбудоражил его. Как и всегда после сна, который он никак не в силах был воспроизвести в памяти, Эш ощущал тупую боль в голове. Он слегка нажал кончиками пальцев на внутренние уголки глаз, чтобы снять боль. Не помогло, хотя он был уверен, что непременно подействует – безотказное средство. В поезде не было вагона-ресторана, а потому выпить было негде. Может, оно и к лучшему – едва ли ему удастся произвести благоприятное впечатление на клиента, если при первой же встрече от него будет разить алкоголем.

Откинув голову на спинку сиденья, он прикрыл глаза, сигарета свободно повисла в уголке рта, пепел падал прямо на помятый пиджак.

Поезд мчался вперед по сельской местности, время от времени останавливаясь на станциях, где те или иные пассажиры покидали его и редко кто садился в вагоны. За окнами купе мелькали поля, холмы и пастбища, над которыми нависло мрачное, окутанное тучами небо, кое-где встречались редкие городки и поселки.

Наконец поезд замедлил ход и остановился на маленькой сельской станции под названием Рэйвенмур – путешествие Эша закончилось. Он быстро поправил узел галстука и накинул пальто, лежавшее на противоположном сиденье. Сняв с багажной полки чемодан и портплед, поставил их на пол и распахнул дверь купе в тот момент, когда поезд в последний раз со скрежетом дернулся и окончательно замер.

Спустившись на платформу, он повернулся, взял багаж и локтем захлопнул дверь. Он оказался единственным, кто вышел из поезда на этой станции. Она была совершенно пуста, безжизненна, и его вдруг охватило странное чувство, что станция уже превратилась в призрак. Эш потряс головой, чувствуя себя сконфуженным и смущенным, – только ему могла прийти в голову подобная мысль. Впереди, на дальнем конце платформы возникла фигура в форме – человек вышел из дверей здания, поднял руку и махнул ею в сторону машиниста. Поезд тронулся и стал набирать ход, а человек вновь скрылся внутри, уже не заботясь о том, чтобы состав благополучно покинул станцию. Прежде чем войти в одноэтажное станционное здание, Эш подождал, пока последний вагон скрылся из вида и мерный стук колес замер вдали. И лишь после того как поезд исчез за поворотом, он переступил порог темного кассового зала.

Внутри никого, дежурного нигде не видно. Возле пластикового окошечка кассы стояла пожилая пара, мужчина наклонился и беседовал с кассиром через узкую щель для подачи денег, не желая почему-то воспользоваться расположенной выше специальной решеткой для переговоров. Эш вышел на дорогу по другую сторону здания.

Ни одной машины и никого, кто встретил бы его. Он нахмурился, поставил багаж на край тротуара и взглянул на часы. Эш простоял на месте несколько минут, внимательно оглядывая дорогу, бывшую, по всей вероятности, главной улицей поселка. Он увидел несколько магазинов, непременно здание Строительной ассоциации, почту и, прямо перед собой, на другой стороне – гостиницу “Рэйвенмур”. Закурив очередную сигарету, он сунул руки в карманы и принялся ждать хоть какую-нибудь попутную машину. Однако тщетно. Эш ходил взад и вперед по тротуару, мучаясь от холода и жажды.

Прошло еще минут десять. Пожав плечами, Эш подхватил чемодан и портплед и перешел пустынную дорогу.

За дверью гостиницы располагался холл, по обе стороны которого были ведущие в бары двери. Эш вошел в один из баров, посетители которого едва удостоили его своим вниманием. Время ленча было в самом разгаре, но Эш без труда отыскал себе место возле стойки и тут же поймал на себе взгляд бармена. Широколицый человек прервал разговор с одним из завсегдатаев и бросился приветствовать нового посетителя, всем видом выражая гостеприимство радушного хозяина.

– Что желаете, сэр? – спросил он, и в голосе его сквозила некоторая холодность по отношению к посетителю, не относящемуся к числу завсегдатаев бара.

– Водку, – спокойно ответил Эш.

– Что-нибудь еще?

– Лед.

Хозяин окинул его внимательным взглядом и лишь после этого повернулся к рядам бутылок. Поставив бокал перед Эшем, он бросил туда два кубика льда из стоявшего рядом ведерка.

– С вас...

– И пинту лучшего пива.

Бармен повернулся, чтобы налить ему пива, а Эш тем временем бросил на стойку две монеты по фунту и сделал большой плоток водки, отпив почти половину. Опершись на стойку, он сел вполоборота и оглядел помещение. Интерьер не был типичным для вокзальных забегаловок: низкие балки потолка, большой камин, полку которого украшали блестящие медные конские головы, были выдержаны в сельских традициях. Из угла холодными немигающими глазами на Эша внимательно смотрел худой человек в плоской шляпе, с обветренным лицом синевато-красного цвета. Трое вполне делового вида людей,

сидевших за уставленным холодными закусками столом, дружно рассмеялись какой-то сказанной вполголоса шутке. Возле двери, тесно прижавшись друг к Другу бедрами, сидела среднего возраста пара. Они увлеченно беседовали и походили скорее на любовников, чем на супругов. У камина расположилась компания в твидовых костюмах и перчатках. Мужчины слушали болтовню своих спутниц, потягивая джин с тоником и размышляя о достоинствах (или недостатках) одинокой жизни. В целом атмосфера была наполнена гулом голосов, дымом трубок и сигарет и едким запахом пива. Завсегдатаи чувствовали себя здесь спокойно и уютно, в то время как постороннему человеку обстановка казалась враждебной и чужой.

Заказанная пинта пива появилась на стойке, и Эш снова повернулся к хозяину.

– У вас есть телефон?

– Там, за дверью, через которую вы вошли, – кивнул бармен.

Эш поблагодарил его и взял сдачу. Он отнес свой багаж к столику возле окна и вернулся за напитками. Прежде чем взять их, он отпил немного пива вместе с пеной, потом поставил его и водку на столик.

Сбросив на ходу пальто, Эш направился к двери, прихватив с собой бокал с водкой.

Телефон-автомат находился в конце вестибюля. Эш порылся в карманах, отыскивая монетки, и разложил их на полке возле телефона. Перебрав их пальцем и найдя десятипенсовик, он опустил его в щель, потом набрал номер, и когда на другом конце ему ответил женский голос, слегка подтолкнул монетку, чтобы она пролетела вниз.

– Дженни? Это Дэвид Эш. Будьте любезны, соедините меня с Маккэррик.

Зазвонил телефон примерно в сотне миль отсюда в одном из кабинетов Института психологических исследований. Вдоль стен помещения стояли полки, заполненные книгами о парапсихологии и различного рода аномальных явлениях, а также папками, содержащими описания конкретных примеров разных типов феноменов. В нескольких промежутках между полками располагались высокие шкафы для хранения документов. Напротив распахнутой двери стоял заваленный бумагами, журналами и справочниками письменный стол; другой, поменьше, на котором царил такой же беспорядок, приютился в углу. Кабинет, до отказа набитый всякого рода печатной продукцией, в настоящий момент был пуст. Телефон настойчиво продолжал трезвонить, пока в коридоре наконец не послышались быстрые шаги. В кабинет торопливо вошла женщина уже довольно почтенного возраста. На ней было пальто, а щеки горели румянцем от холодного уличного воздуха и быстрого подъема на второй этаж. В руках она держала большую сумку и пухлый конверт большого формата. Женщина быстрым движением схватила трубку.

– Кабинет Кейт Маккэррик, – задыхаясь, произнесла она.

– Кейт?

– К сожалению, мисс Маккэррик сейчас нет.

– А когда она будет? – разочарованно спросил Эш.

– Дэвид, это вы? Это Эдит Фипс.

– Привет, Эдит. Только не говорите мне, что до сих пор трудитесь в офисе.

– Нет, – коротко усмехнувшись, ответила женщина. – Я только что пришла. Мы с Кейт собираемся вместе пообедать. Откуда вы звоните?

– Не спрашивайте. Слушайте, вы не могли бы найти сейчас Кейт?

– Думаю, что... – услышав, что кто-то вошел, Эдит подняла голову. – Дэвид, Кейт как раз здесь, передаю ей трубку.

Кейт Маккэррик с улыбкой протянула руку и вопросительно подняла брови.

– Это Дэвид Эш, – пояснила пожилая женщина. – Он, кажется, сердит и раздражен.

– А когда он бывает другим? – фыркнула в ответ Кейт и, взяв телефонную трубку, обошла стол и уселась в свое кресло. – Привет, Дэвид!

– Ну, и где же те, кто должен был меня встретить?

– В чем дело? Где ты?

– А где, черт возьми, ты думаешь, я могу быть? В Рэйвенмуре, конечно. Ты уверяла, что меня встретят на станции.

– Так и должно было быть. Подожди минутку, я найду письмо.

Кейт вышла из-за стола и направилась к шкафу с документами. Быстро перебрав закладки с именами, она остановилась на той, где было написано Мариэлл. Взяв папку, Кейт вернулась к столу и раскрыла ее. Внутри было всего два письма.

– Кейт, будь добра... – донесся до нее из трубки раздраженный голос Эша.

Кейт взяла трубку.

– Вот оно передо мной... Да, все правильно. Некая мисс Тесса Вебб уверяет, что встретит тебя на станции в Рэйвенмуре. Ты сел в поезд, отправившийся в 11.15 с Паддингтона, так ведь?

– Да, я сел в этот поезд. И в пути не было никаких задержек. Ну и где же эта леди?

– Ты звонишь со станции?

На том конце провода несколько мгновений молчали.

– Ну-у-у... нет, не оттуда. Здесь через дорогу есть забегаловка.

Голос Кейт посуровел.

– Дэвид...

В кабачке в Рэйвенмуре Дэвид в это время допил остатки водки и встряхнул бокал, гоня по нему кубики льда.

– Ради бога, Кейт, сейчас время ленча, – ответил он в трубку.

– Да, некоторые во время ленча едят.

– Только не я и не на пустой желудок. Так что мне прикажешь делать?

– Позвони в тот дом, – хмурясь, ответила Кейт. – Номер их телефона у тебя с собой?

– Ты мне его вообще не давала.

Она быстро просмотрела лежащие перед ней письма.

– Да, извини. Мисс Вебб ни в одном из писем его не указывает. Мы говорили с ней по телефону, но звонила она мне сама. Я совершила глупость, не узнав у нее номер домашнего телефона. Но ты можешь найти его в телефонной книге – посмотри на фамилию Мариэлл. Насколько я понял, мисс Вебб – родственница хозяев дома или даже секретарь. Усадьба называется Эдбрук.

– Да, у меня где-то есть адрес. Я позвоню.

– Дэвид... – тихо позвала Кейт.

Прежде чем повесить трубку, Эш минуту в нерешительности помедлил.

– После того как ты до них дозвонишься, – продолжила Кейт, – почему бы тебе не подождать на станции?

Дэвид устало вздохнул.

– Я порчу репутацию Института, не так ли? О'кей, это моя первая и последняя на сегодня порция спиртного. Поговорим позже, ладно?

Эдит заметила, что у ее начальницы несколько озабоченная улыбка.

– Хорошо, Дэвид, – ответила Кейт. – Удачной охоты.

– Всего хорошего, – холодно попрощался Дэвид.

Кейт задумчиво положила трубку на аппарат.

– Что-то не так? – встревоженно подалась вперед сидевшая по другую сторону стола Эдит.

Кейт подняла голову, и ее милое, симпатичное личико осветилось улыбкой.

– Нет, с ним все будет в порядке. Просто наши клиенты не встретили его. Вероятно, какая-то путаница во времени или она просто опоздала. – Она порылась на столе, отыскивала заваленную бумагами книгу регистрации заказов. – У вас сегодня два сеанса, Эдит, – снова заговорила она, открыв нужную страницу. – Недавно овдовевшая женщина и пожилая пара, желающая подтвердить факт смерти сына. Представляете, он числится среди пропавших без вести еще со времени конфликта у Фолклендских островов.

– Бедняжки, – печально покачала головой Эдит. – Столько лет полной неизвестности. Они хотят, чтобы я определила, где обитает его дух?

– Я посвящу вас во все детали за ленчем, – кивнула Кейт, вставая и отодвигая кресло. –

Лично я сейчас готова съесть целую лошадь. Но я полагаюсь на вас и надеюсь, что вы меня вовремя остановите.

– Может быть, мы ее просто поделим?

– Ну, в этом деле вы плохой помощник, Эдит.

Женщина-медиум улыбнулась.

– Нам просто придется во время еды напоминать друг другу о необходимости подсчитывать калории. А это вполне возможно при наличии нескольких лишних фунтов. А по пути вы мне расскажете о нашей вдовушке...

Эш водил пальцем по строчкам телефонного справочника, найденного им на полке под телефоном. Он что-то бормотал себе под нос, пытаясь отыскать эту черт знает куда подевавшуюся фамилию Мариэлл. Он переворачивал страницы, ища другие возможности написания фамилии. Возможно, два “р”? Нет, такой тоже нет. Он перелистал справочник, отыскивая фамилию Вебб. Нашел несколько, но ни одной с именем Тесса. И ни один из обладателей фамилии Вебб не жил в Эдбруке. На всякий случай он просмотрел все на букву “Э”, но Эдбрука там тоже не оказалось. Эш чертыхнулся. Эта мисс Вебб должна была предупредить Кейт, что их телефона нет в справочнике.

Он уже готов был со злостью захлопнуть справочник, когда почувствовал легкое прикосновение к своему плечу и вздрогнул от порыва холода, ворвавшегося в открытую дверь.

2

Она была невысокого роста, темноволосая, с белой кожей и тонкими чертами лица. Она улыбалась, однако натянуто и тревожно.

– Дэвид Эш? – спросила она.

Он кивнул, к своему удивлению на миг лишившись дара речи. Теперь в ее глазах сверкали веселые искорки.

– Вы мисс Вебб, если не ошибаюсь? – наконец смог произнести он.

– Ошибаетесь, – ответила девушка. – Я – Кристина Мариэлл. Мисс Вебб – моя тетя. Я уговорила ее позволить мне встретить вас на станции и доставить в усадьбу. – Она изучающе смотрела на него, слегка склонив голову набок. – Извините, что опоздала.

Эш откашлялся и почувствовал вдруг, как напряглось все его тело, но все же улыбнулся ей в ответ.

– Все в порядке, – ответил он, – так или иначе, мне необходимо было подкрепиться.

Одета она была очень просто. Длинное облегающее пальто слегка изгибалось на уровне груди, но приподнималось на ней едва заметно, плечи подчеркивались, но не слишком, воротник плотно охватывал шею. Он не мог понять, то ли она ультрасовременна, то ли безнадежно старомодна, – он во всем этом плохо разбирался.

– Я очень хотела первой встретиться с вами, – сказала она, словно извиняясь за свое присутствие.

– Вот как? – удивленно отозвался Эш.

– Ведь это так здорово! Я имею в виду охоту за привидениями.

– Я бы не сказал, что это так. А откуда вам известно, кто я?

Девушка показала ему книгу, с обложки которой на него смотрела его собственная черно-белая фотография.

– Вы известная личность, – сказала она.

– Действительно, – усмехнулся Эш. – Я продал около трехсот экземпляров. Могу я предложить вам выпить?

– Мои братья с нетерпением ждут вас в усадьбе. Нам и правда нужно ехать.

Эш постарался скрыть свое разочарование.

– Ну, если вы в этом уверены... тогда позвольте мне пойти и забрать свой багаж из бара.

– Я подожду на улице, – сказала она, обернувшись на ходу.

Эш озадаченно посмотрел ей вслед. Потом пожал плечами и направился в бар. Прежде чем взять чемодан и портплед, он допил свою пинту пива, потом кивнул худому мужчине с красным лицом, по-прежнему сидевшему в углу и безразлично наблюдавшему за ним из-под полей плоской шляпы. Наконец, Эш снова вышел в вестибюль, а оттуда через главную дверь на улицу, в холодный осенний день.

Он остановился и с восхищением оглядел машину, за рулем которой ждала его Кристина Мариэлл. Эту модель он не видел уже много лет, да и прежде только в специальных журналах, посвященных старинным машинам. Корпус и колеса “Уолсли” были, судя по всему, в прекрасном, можно сказать идеальном, состоянии, мотор работал ровно, мягко выбрасывая из выхлопной трубы легкий дымок. Девушка перегнулась через сиденье и открыла дверь со стороны пассажирского места, улыбкой приглашая его сесть.

Эш забросил чемодан на заднее сиденье и сел вперед, положив портплед на колени.

– Редкая машина, – сказал он. – Не думаю, что автомобилей того времени осталось много.

Не ответив, она включила первую скорость и выехала на полупустую дорогу. Лишь отъехав на некоторое расстояние, она снова заговорила.

– А какая машина у вас?

– Ну-у-у... в данный момент никакой. Мне разрешат снова сесть за руль только через четыре месяца.

В брошенном на него взгляде он заметил одновременно удивление и веселые искорки.

– Не думаете же вы, что я по собственной воле воспользовался железной дорогой?

Кристина вновь повернулась и внимательно смотрела на дорогу, но на губах ее по-прежнему играла легкая улыбка.

– Ну так рассказывайте, – потребовал Эш.

Она казалась несколько озадаченной, но продолжала улыбаться.

– Рассказывать о чем?

– О том, почему ваша семья так настаивала, чтобы именно мне поручили эту работу.

Девушка не отрывала глаз от дороги.

– Вы сумели завоевать высокую репутацию в решении такого рода таинственных загадок, паранормальных явлений.

– Я предпочитаю называть их нестандартными, – он поправил на коленях портплед и вытянул ноги. – В Институте работают многие исследователи, и они ничуть не хуже меня.

– Уверена, что некоторые из них вполне квалифицированные специалисты, но все же вы – лучший из всех. Мой брат Роберт наводил подробные справки, прежде чем пригласить вас. И вас особенно рекомендовала миссис Маккэррик. Кроме того, мы читали ваши статьи, посвященные пара... – она издала короткий смешок, – простите, нестандартным явлениям, и, конечно же, вашу книгу.

– Кто это мы? – заинтересовался Дэвид.

– Оба моих брата – Роберт и Саймон. Даже нянюшка проявила к этому интерес.

– Нянюшка?

– Няня Тесс, моя тетя...

– Мисс Вебб?

Кристина кивнула.

– Нянюшка воспитывала нас после смерти родителей. Или, наоборот, это мы заботились о ней, не знаю, что более соответствует истине.

Машина выехала на окраину, и теперь по обеим сторонам дороги попадались лишь редкие дома. Приземистое здание церкви возвышалось над рядами могил, словно каменный путь на небеса. Какая-то фигура в черном, застывшая в безмолвном горе, подняла голову, когда машина проезжала мимо, и они увидели бледное лицо, такое же холодное и суровое, как и могильные камни вокруг.

– И все вы испытали это на себе... вас всех преследовали призраки? – спросил Эш, вновь обращаясь к девушке. – Кажется, именно так выразилась мисс Вебб в своих письмах,

присланных в Институт. Вы все испытали на себе этот феномен?

– О да! Первым увидел Саймон...

Дэвид поднял руку.

– Нет, не сейчас. Не говорите мне ничего. Для начала посмотрим, что мне удастся обнаружить самому.

– Но вы не будете знать, что именно следует искать.

Эш заметил, что волосы ее на самом деле золотисто-каштановые и оттенок их зависит от освещения. А глаза у нее голубые с сероватым отливом.

– В данный момент в этом нет необходимости, – объяснил он. – Если вас и в самом деле преследуют призраки, я в скором времени это выясню. Или вы сомневаетесь во мне?

– Вы не нуждаетесь даже в намеках? – снова улыбнулась она.

– Ни капельки, – улыбнулся он в ответ. – Во всяком случае пока.

* * *

Две таблетки оказались на удивление противными на вкус и напоминали раздутые шарики, которые невозможно проглотить. Эдит сделала большой глоток “Перье”, смывая внутрь эту гадость. Вот так-то, дьяволы, подумала она, хватит издеваться надо мной, лучше займитесь своим делом и заставьте старую кровь двигаться побыстрее.

Она с улыбкой поблагодарила официанта, поставившего перед ней тарелку с филе тунца, и взглянула на сидевшую напротив Кейт, которая угрюмо изучала салат из анчоусов с яйцом. Эдит покачала головой.

– Мне бы следовало мучить всей этой здоровой пищей только себя, – несколько виноватым тоном произнесла она.

– Это расплата за то, что во время уик-энда я позволила себе лишнее, – ответила Кейт, выжимая лимон на зеленые листья салата. – И все же одно дело – искупление грехов, и совсем другое – мазохизм. – Она отпила большой глоток белого вина и пожала плечами. – Это вполне компенсирует неудобства.

Эдит приветственно подняла бокал с “Перье”, словно это было шампанское. Она вдруг заметила мелкие морщинки, разбегавшиеся от уголков глаз Кейт, отвердевшую линию рта, свидетельствующие о том, что “юность” уступает место “зрелости”. Что ж, сорок лет теперь не возраст для женщины, а внешняя привлекательность останется с Кейт и в пожилом возрасте – таково ее свойство. Не то что я, подумала Эдит, никогда не обладавшая такими чертами лица, которые ей хотелось бы сохранить до конца жизни. Для некоторых людей, и для меня в том числе, размышляла она, возрастные изменения можно расценивать как награду, ибо “внешняя некрасивость” с годами становится менее заметной, сглаживается. Может быть это одна из причин того, что все старики так похожи друг на друга, их физические свойства как бы уравниваются, возвращая их к почти одинаковому для всех состоянию при рождении.

– Эдит, вы витаете сейчас где-то очень далеко, – прервал ее мысли голос Кейт.

Медиум заморгала глазами.

– Извините меня, в последнее время я что-то часто задумываюсь.

– Для медиума в этом нет ничего странного.

– Наши мысли требуют руководства и контроля.

– Но не всегда же. Не забывайте, сейчас время ленча, а потому вы можете расслабиться.

– Брать пример с вас? – подтрунивающе спросила Эдит. – Когда вы в последний раз позволяли себе полностью расслабиться, Кейт?

Молодая женщина, казалось, искренне удивилась.

– У меня в этом плане вообще нет никаких проблем. Вам следовало бы видеть меня, когда я дома.

– Сомневаюсь. В Институте всегда так много работы, а тем более сейчас, когда на носу конференция парapsихологов...

– Да, каждый год эта конференция доставляет нам массу забот, а уж тем более когда мы являемся принимающей стороной.

– Вы сейчас принимаете участие во многих исследованиях?

– Большинство так называемых паранормальных явлений оказываются самыми обычными, вызванными естественными причинами, хотя обстоятельства иногда бывают неординарными. Как правило, нашим сотрудникам требуется всего лишь несколько часов, чтобы это установить.

– Но в других случаях необходимы недели и даже месяцы напряженной работы.

– Да, это правда. Но если говорить честно, именно такие ситуации нравятся нам больше всего. – Кейт разрезала яйцо и принялась за еду. – Кстати, тот случай, над которым работает сейчас Дэвид, может оказаться очень интересным. Там могут быть настоящие призраки. Надеюсь, Дэвид сумеет сделать все как следует.

– Вы тревожитесь о нем? – спросила Эдит, беря в руки вилку и нож и чуть наклоняясь вперед.

– Меньше, чем обычно, – смущенно улыбнулась Кейт.

– И как это понимать? Значит ли это, что вы уже не так влюблены в него, как прежде, или что он наконец остепенился?

– Вот уж не думала, что о наших отношениях всем все известно.

– А зачем делать из этого тайну? Вы разведены, он холост, вы часто и подолгу бываете вместе – достаточно веские основания для того, чтобы люди пришли к такому выводу.

– Наши отношения никогда не были столь серьезными, – покачала головой Кейт. – Думаю, это можно назвать не более чем эпизодическими встречами.

– И теперь эти эпизоды случаются все реже?

– Значительно реже.

Эдит попробовала рыбу и удержалась от искушения добавить соли.

– Он очень необычный человек, – помолчав, сказала она. – Меня удивляет, что вы потеряли к нему интерес.

– Я этого не говорила.

– Значит, он...

– Дэвид иногда чересчур рационален и поглощен собой, чтобы у него еще оставалось время на какие-то отношения.

– А может быть, он чересчур поглощен работой? – предположила Эдит.

– Это почти одно и то же.

Пожилая женщина некоторое время обдумывала ответ собеседницы.

– Я вас понимаю... У него такое сильное предубеждение ко всему, что связано со спиритизмом... Я иногда удивляюсь, как нам с ним удастся оставаться друзьями.

Кейт с улыбкой коснулась руки медиума.

– В этом нет ничего личного, Эдит. Он воспринимает ваш душевный склад как неправильно ориентированный, но вполне искренний по своей природе. Мне кажется, что он высоко ценит вашу способность утешить тех, кто потерял своих близких. Он ненавидит жуликов и шарлатанов, тех, которые обманывают людей ради собственной выгоды. Но вы совсем не такая, и он это хорошо знает. Он убежден, что вы действительно помогаете тем, кто в этом нуждается.

– И как только вам это удастся, Кейт? Заставить мирно сосуществовать под одной крышей такие разные направления деятельности?

– Исследования, проводимые Институтом, требуют баланса в этом вопросе. Для того чтобы совершить настоящие открытия в области паранормальных явлений, нам необходимы люди, от природы здравомыслящие и трезво рассуждающие, такие как Дэвид.

– Даже если он упорно отрицает факты независимо от их очевидности? – Эдит понизила голос, потому что за соседний столик усаживалась пара. Ресторан был полон, в воздухе витал гул голосов, вокруг царила суета. – Многие из таких, как я, терпеть его не могут за то, что он вечно нападает на нас. Они воспринимают его как угрозу своим

способностям и авторитету.

– Но другие, и их тоже много, это люди посторонние, считают такое отношение единственно правильным. Будем откровенны, Эдит, у него есть весьма основательные данные и факты, а также огромный опыт в разоблачении всякого рода обманов и в объяснении появления призраков и других феноменов вполне рационально и материалистически.

– У меня такое впечатление, что вы на стороне неверующих скептиков.

– Вы слишком долго меня знаете, чтобы и в самом деле так думать. Но как директор Института я обязана прислушиваться как к логичным, так и к алогичным точкам зрения. Неужели вы не понимаете этого?

– Конечно же, понимаю, – ответила Эдит и с веселой искоркой в глазах добавила: – Мне также хорошо известно, как часто вы встаете на сторону логики, когда внутренний голос диктует вам прямо противоположное.

Кейт рассмеялась и в знак согласия подняла свой бокал. Сделав несколько глотков, она вновь без всякого энтузиазма принялась за салат.

Когда Эдит вновь заговорила, лицо ее было серьезным.

– Но ведь проблема Дэвида, его конфликт, гораздо серьезнее. – Она положила на стол нож и вилку и сделала еще глоток воды, в то время как Кейт не сводила с нее взгляда.

– Я не понимаю, о чем вы, – сказала наконец Кейт.

– Разве? Но вы, несомненно, догадываетесь. Ведь вы его так хорошо знаете, что не могли этого не заметить!

– Эдит, к чему вы клоните? – мягко спросила Кейт. – Вы хотите сказать, что все это время Дэвид скрывал от меня какую-то страшную тайну? Что-либо запертое в чулане, например, свой возраст? Уверяю вас, вы в корне ошибаетесь...

Эдит с улыбкой подняла вверх руку.

– Кейт, дорогая, я верю вам. И совсем другое имею в виду. Неужели вам никогда не приходило в голову, что Дэвид обладает особым даром? Или, может быть, это лучше назвать проклятием? – Она тряхнула головой. – Его экстрасенсорные возможности жестоко подавлены, глубоко скрыты, но они несомненно есть. И проблема в том, что он не хочет признаться в этом даже самому себе. Только я не понимаю, зачем он это делает.

– Вы ошибаетесь, – возразила Кейт. – Все, что он делает, говорит... – Она раздраженно взмахнула рукой. – Он всю жизнь посвящает тому, чтобы опровергать такого рода вещи.

Эдит усмехнулась.

– Простите мне мои слова, Кейт, но познавать душу другого человека – занятие очень увлекательное. Я много раз проникала в мысли Дэвида, но ему всегда удавалось очень быстро изгнать меня из своего разума. У него есть нечто вроде автоматического выключателя. – Эдит задумчиво перебирала вилкой еду в тарелке. – Вы только представьте себе, какое смятение парит в его бедной голове! Как вы правильно сказали, он посвятил многие годы опровержению того, что сам в душе подсознательно считает правильным и реально существующим.

– Не могу согласиться с вами, Эдит. Для такого рода душевного расстройства Дэвид чересчур уравновешен и хладнокровен.

– Уравновешен? – переспросила медиум, глядя Кейт прямо в глаза. – Так ли это? Неужели вы действительно в этом уверены, Кейт?

Молодая женщина ничего не ответила, но ее неуверенность была очевидна.

3

“Уолсли” мчался по сельской равнине, и чувствовалось, что девушка, сидевшая рядом с Эшем, достаточно опытный водитель, хотя Дэвид предпочел бы ехать чуть помедленнее. По обе стороны дороги стояли густые леса, жилье попадалось довольно редко. На одном из перекрестков им попалась телефонная будка с разбитыми стеклами, вокруг которой росла

высокая трава. Грач клевал какой-то покрытый шерстью комочек, валявшийся возле обочины. Едва лишь машина проехала, птица подскочила к краю дороги, держа что-то в клюве. В редких просветах между деревьями мелькали немногочисленные поля и холмы.

Эш время от времени посматривал на девушку. Ему нравились нежные черты ее лица, особенно глаза, в которых прятались веселые, озорные искорки. Кристина напевала себе под нос какой-то простой мотивчик, похожий на детскую песенку, и машина, несмотря на преклонный возраст, шла очень легко и безукоризненно слушалась управления. Рука девушки грациозно лежала на руле, как будто ей не приходилось преодолевать никакого сопротивления.

День был унылым и серым, тучи сплошным пухлым покрывалом закрывали небо, их однообразно-свинцовый цвет местами имел более темный оттенок.

Кристина и Эш всю дорогу молчали, но время от времени она с улыбкой поворачивалась в его сторону и тут же вновь уделяла все внимание дороге, не позволяя ему даже ответить.

Вскоре машина свернула на подъездную аллею, перед въездом на которую были широко распахнуты массивные, украшенные орнаментом ворота. Перед ними оказалась посыпанная гравием и давно требующая ремонта дорога. После небольшой полоски леса по обе стороны дороги простирались поля и лужайки, но чем ближе “Уолсли” подъезжал к дому, тем все более замысловатым становился окружающий ландшафт. Цветочные клумбы, подстриженные газоны и живая изгородь представляли собой живописное зрелище и были сделаны таким образом, что с разных точек выглядели по-разному. Дом стоял вдалеке от газонов и лужаек, и создавалось впечатление, что архитектор стремился сделать так, чтобы здание не сливалось с окружающей природой, а доминировало над ней. Эдбрук производил неизгладимое впечатление: построенный из серого камня, он поражал холодной мрачностью, несмотря на полукруглые выступы и великолепно спроектированные эркеры и стеклянные фонари. Неожиданно в душе Эша что-то дрогнуло, настроение его резко упало, и он почувствовал себя странно усталым. Не отрывая взгляда от дома, он пытался понять, что же с ним происходит.

Кристина остановила машину возле каменных ступеней, ведущих к входу в дом. Выключив мотор, она выскочила из автомобиля и буквально вприпрыжку взбежала по лестнице к открывающейся двери.

Эш вышел спокойно и степенно, потом наклонился, чтобы взять из машины багаж, и еще некоторое время постоял, изучая окружающую обстановку.

В проеме открытой двери стояла женщина, с тревогой вглядываясь в прибывшего исследователя.

– Я опоздала, нянюшка, – услышал он голос Кристины, – но быстро разыскала нашего мистера Эша.

Он поднялся по ступеням, в то время как женщина, которую называли нянюшкой, еще шире распахнула одну из двух створок двери. При дневном свете хорошо были видны ее седые волосы и морщинистое лицо. Она отступила назад, освобождая путь Кристине и Эшу, который приветствовал ее кивком головы.

– Здравствуйте, мисс Вебб, – произнес он.

Она с беспокойством всматривалась в Дэвида, словно сомневаясь в том, что это действительно он.

– Спасибо, что приехали, мистер Эш, – наконец ответила она, удовлетворенная результатами своего осмотра.

Потребовалось какое-то время, чтобы глаза Дэвида привыкли к сумраку полутемного холла, в котором он оказался. Дневной свет сюда практически не проникал, а темные дубовые панели еще более усугубляли темноту. Холл сужался к концу, где тоже была дверь, а прямо против входа широкая лестница вела на огражденную балюстрадой площадку.

У подножия лестницы стояли в ожидании двое мужчин.

Старшему из них, подумал Эш, должно быть лет тридцать пять или чуть больше. Он

был одет в строгий костюм с галстуком и первым пошел навстречу Дэвиду, протягивая руку для приветствия.

– Разрешите представиться, – заговорил он, и тон его был столь же официальным, как и его костюм. – Я Роберт Мариэлл, а это мой брат Саймон.

Младший из мужчин приветствовал Эша не столь холодно и сдержанно, как его брат, однако его рукопожатие было вялым и слабым. Белая рубашка с открытым воротом, джемпер с V-образным вырезом и свободного покроя брюки, а также короткая стрижка придавали ему мальчишеский вид.

Внимание Эша привлекло какое-то движение за спинами мужчин. Темнота под лестницей расщепилась, словно кто-то приоткрывал пошире дверь, и тень скользнула вперед. Прежде чем стало ясно, что это собака, послышалось угрожающее рычание.

Эш невольно напрягся. Такого пса ему никогда не приходилось видеть: мощная холка, возвышающаяся фута на два над полом, черная жесткая шерсть, спутанная и не очень длинная, прямоугольной формы голова с плоским черепом и крепкими челюстями. Зверь крадущейся походкой шел навстречу Эшу, не отрывая от него овальной формы глаз.

– А это Охотник, – сказал Роберт Мариэлл, похлопывая собаку по боку. Пес высоко поднял голову, по-прежнему не сводя взгляда с непрошеного гостя. – Не позволяйте ему запугать вас, мистер Эш. Он очень быстро привыкает к незнакомым людям.

– Да, вероятно, если только его недавно покормили, – ответил Дэвид, который не то чтобы очень испугался, но чувствовал себя все же не слишком уютно.

– Мы не позволим ему приставать к вам, – весело расхохотался Саймон Мариэлл. – Уйди, Охотник, отправляйся на место. – Он подтолкнул собаку к открытой двери, и пес безропотно подчинился.

Заметив недоуменное выражение лица гостя, старший из братьев пояснил:

– Это фландрский бувье, мистер Эш. Бельгийская пастушья собака. Не правда ли, весьма необычный экстерьер? Они могут быть необычайно свирепыми, если их разозлить, и их мощь и сила вполне соответствуют внешнему виду. Великолепный помощник, если необходимо держать на расстоянии нежелательных посетителей.

Только после того как за собакой закрылась дверь, Эш вздохнул свободно.

– Ну, а теперь позвольте предложить вам ленч, – сказал Роберт Мариэлл. – После столь долгого путешествия вы, должно быть, голодны.

– О нет, я перекусил в поселке, – возразил Эш.

– Надеюсь, моя сестра не заставила вас ждать слишком долго.

Дэвид улыбнулся в ответ на улыбку Кристины, затем еще раз оглядел холл и галерею наверху.

– Что я действительно хотел бы сейчас сделать, так это распаковать вещи и затем осмотреть дом и его окрестности.

Держа руки в карманах, Саймон вновь присоединился к остальным.

– Но зачем осматривать окрестности? Мы всегда встречали нашего призрака внутри дома.

– Причиной того, что здесь происходит, могут быть какие-либо внешние факторы, – ответил Эш.

– Подземные источники, оседание грунта, заброшенные туннели... – вступил в разговор Роберт.

– Вы самостоятельно проводили исследование?

– Все это я вычитал в вашей книге, посвященной подобным проблемам. Не думаю, что вам удастся отыскать что-нибудь в этом роде здесь, в нашем парке.

– У вас есть подробная карта поместья?

Саймон, не выдержав, воскликнул.

– Господи! Вам ничего этого не понадобится! Проблема и в самом деле заключена внутри дома. Послушайте, мы должны рассказать вам о том, что видел каждый из нас...

– Нет, Саймон, – возразила ему Кристина, – мистеру Эшу это не нужно. У него совсем

другие принципы работы. Он предпочитает выяснить все самостоятельно.

Эш внимательно по очереди оглядел всех присутствующих. Няня Тесс – мисс Вебб – все еще стояла возле двери, словно опасаясь, что он в любую секунду может сбежать.

– Что ж, – сказал он, – скажем так: я люблю сначала прочувствовать атмосферу, настроение, потом выявить все недостатки в устройстве дома, земель вокруг... – Он подошел к одной из стен и постучал костяшками пальцев по обшивке. – Прогнившие балки и скрытые пустоты часто становятся источником огромного числа так называемых проявлений. В нужный момент я непременно побеседую с каждым из вас по отдельности и выясню, что испытали или видели лично вы.

Няня Тесс покинула свой пост возле двери, хотя по-прежнему оставила ее открытой. Когда она заговорила, голос выдавал ее волнение.

– Сколько вам потребуется времени, мистер Эш? Как долго вы здесь пробудете?

Несколько обескураженный прямой вопрос, Эш ответил:

– Все будет зависеть от обстоятельств. Все исследование может быть проведено за один день, а может потребовать и недели. Посмотрим, улыбнется ли мне удача.

– Вы наш гость ровно столько, сколько пожелаете, – мягко сказал Роберт. – Мы крайне заинтересованы в том, чтобы выяснить все до конца относительно этих... э-э-э... неприятных моментов. Возможно, мы обсудим все уже сегодня вечером за ужином, после того как вы завершите предварительный осмотр?

– Меня это вполне устраивает.

– В таком случае, я покажу вам вашу комнату, – сказала няня Тесс, и в голосе ее Эшу послышались нотки раскаяния и сожаления.

Эш взял свои вещи, постоянно чувствуя на себе пристальные взгляды хозяев. Он уже пошел было вслед за тетушкой Мариэллов, но его остановил голос Роберта:

– Прежде чем вы приступите к своим исследованиям, мне хотелось бы выяснить еще один момент.

Эш вопросительно поднял брови.

– Ничто из того, что вам удастся здесь обнаружить, не должно выйти за пределы этого дома и официальных отчетов Института экстрасенсорики. Наша семья живет весьма обособленно, и нашим соседям доставит истинное удовольствие посплетничать относительно призраков и полтергейстов в Эдбруке – им дай только тему. И одному только Богу известно, во что превратит эти слухи людская молва.

Эш понимающе кивнул.

– Возможно, мне придется посетить архивы или библиотеку в ближайшем городе, проконсультироваться с властями относительно истории этих мест, но вам не о чем волноваться. Все останется в тайне. Для всех я выполняю лишь инспекцию вашей собственности. И что бы мне ни удалось узнать или обнаружить в процессе своего исследования, независимо от того, сумею или нет я найти объяснение, останется между вами и Институтом. Если, конечно, вы не измените мнение и сами не решите сделать материалы исследования достоянием общественности.

Он стал подниматься по ступенькам, но голос Роберта вновь заставил его остановиться:

– Значит, вы допускаете, что некоторые явления и обстоятельства не поддаются объяснению? А мне показалось, что вы вообще не верите в существование сверхъестественного как такового.

– Необъяснимое отнюдь не всегда означает сверхъестественное, – ответил Эш терпеливо. – Часто это означает лишь, что мы не обладаем достаточным количеством знаний, чтобы найти объяснение. Во всяком случае, в данный момент.

Роберт выслушал его с непроницаемым выражением лица, но когда Эш повернулся, чтобы подниматься дальше, он успел заметить многозначительную и таинственную улыбку, которой обменялись Кристина и Саймон.

Няня Тесс, слегка ссутулившись, шла впереди него по полутемному коридору, и шаги ее на удивление гулко отдавались на деревянном полу. Воздух был сырым, в нем витал запах пыли – такое впечатление, что окна не открывались уже много лет. В конце коридора шторы были задернуты лишь наполовину, оттуда проникал слабый дневной свет.

Женщина остановилась и пояснила, что ванная чуть дальше по коридору справа, после чего открыла одну из дверей по левой стороне. Пропустив Эша вперед, она остановилась в дверном проеме, наблюдая, как он кладет на кровать свои вещи.

– Извините, что я не встретила вас на станции... – начала она.

Он уже устал от извинений и быстро покачал головой:

– Не беспокойтесь, все в порядке, правда.

– Кристина иногда бывает очень упрямой, – продолжила она, и в улыбке ее промелькнуло нечто похожее на сожаление. – Она спрятала мои ключи от машины, и потому я не смогла встретить вас.

– Ей так хотелось меня встретить? – удивленно спросил Дэвид.

– Она любит подшучивать. Они все очень любят это, – ответила она задумчиво и грустно, словно вспоминая далекие времена. И вдруг резко распрямилась, стряхивая с себя грезы, и уже совсем другим – резким и решительным – тоном добавила: – Если вам что-либо понадобится, дайте мне знать. Мои комнаты расположены этажом выше. Мы ужинаем в семь часов, так что у вас еще достаточно времени для осмотра дома.

– И парка, – добавил он.

– Да, и парка тоже, – с этими словами она вышла из комнаты и бесшумно прикрыла за собой дверь.

Эш внимательно осмотрел комнату и с облегчением отметил, что она по крайней мере освещается, хотя и не слишком хорошо, дневным светом, проникающим через окно, выходящее на юг. Здесь стояла большая кровать с крепкими спинками и боковинами. Проверив ее на мягкость, Дэвид был приятно удивлен: она оказалась более удобной, чем могло показаться на первый взгляд. Напротив кровати у стены возвышался массивный дубовый шкаф, а около двери стоял высокий комод. Возле стола с лампой пол покрывал огромный ковер, здесь же было маленькое бюро, на котором тоже стояла лампа. Он подумал, что условия весьма сносные, во всяком случае, чтобы прожить здесь пару дней. Эш не видел оснований задерживаться в доме дольше, хотя и предупредил Мариэллов, что исследование может затянуться. По какой-то ему самому не понятной причине Эш очень надеялся, что этого не случится.

Скинув пальто, он положил его на кровать и стал распаковывать вещи, доставая то, что может пригодиться в исследованиях: магнитофон, два фотоаппарата, один из которых – “Поляроид”, оба со вспышками и экспонометрами, раздвижные штативы, термометры, лупу, рулетку, графитовый порошок и пудру, лабораторные весы и другие полезные предметы, как, например, графитовая бумага, компас, вольтметр.

Разложив все мелкие приспособления по ящикам комода, он оставил оба фотоаппарата и треноги на его верхней крышке. Портативный магнитофон сунул в карман пиджака, а записную книжку – в другой. Свернув плотную ткань, которой были обернуты все хрупкие предметы, Эш закрыл крышку чемодана и защелкнул замки, потом дотянулся и взгромоздил чемодан на шкаф, после чего расстегнул молнию портплекта. Вытащив смену белья и одежду, он переложил все в шкаф, а туалетные принадлежности временно оставил на кровати. Последним предметом, лежавшим на самом дне портплекта, была бутылка водки. Едва он протянул к ней руку, за окном послышался тихий смех.

Отвинчивая на ходу пробку, он подошел к окну и выглянул в парк. Отпив лишь один глоток, он вновь завинтил крышку. Увидев, что кто-то крадучись пробирается сквозь заросли кустарника, Эш нахмурился.

Это был Саймон Мариэлл, он улыбался, присев на корточки и прячась за кустами. Эш заметил, что к нему приближается еще какая-то фигура. Она была одета во все белое, но Эш

узнал золотисто-каштановые волосы Кристины, локонами рассыпавшиеся по плечам. Она искала Саймона и окликала его по имени. Она громко рассмеялась, а ее брат пригнулся в кустах еще ниже и даже зажал руками рот, не позволяя вырваться наружу собственному смеху. Эш прильнул к окну, совершенно сбитый с толку этой детской игрой.

Невдалеке от этих двоих шевельнулась еще одна фигура. Кто-то стоял возле дерева, наблюдая за их развлечениями. Совсем юная девушка...

Саймон на четвереньках выбирался из своего укрытия, и это на минуту отвлекло внимание Дэвида. Когда он обернулся к дереву вновь, третья фигура исчезла...

Он опять посмотрел на Кристину и едва по глупости не окликнул ее, чтобы предупредить, что брат крадется в ее сторону. Однако сдержался, хотя костяшки пальцев уже коснулись стекла. Дэвид улыбнулся, развеселившись при мысли о том, что сам едва не оказался вовлеченным в игру.

И все же девушка, словно почувствовав на себе его взгляд, уже оборачивалась в его сторону.

Эш непроизвольно затаил дыхание. Девушка медленно подняла голову вверх, туда, где находилось окно комнаты Эша, и он в замешательстве хотел было отступить назад. Однако вдруг почувствовал, что словно зачарованный буквально прирос к месту в ожидании, когда их глаза встретятся.

Ее профиль возникал так постепенно, что он вдруг поймал себя на том, что мозг его странным образом ускоряет ход собственных мыслей, создавая иллюзию вялости ее движений. Он еще успел поразмышлять о том, кто виноват в этом несовпадении во времени – Кристина или он сам. И кто за кем наблюдает на самом деле.

Она стояла уже боком к нему, и лицо ее вот-вот должно было повернуться полностью, когда раздался громкий стук в дверь.

Он вздрогнул и заморгал, инстинктивно отворачиваясь от окна.

Дверь открылась, и в комнату заглянула Кристина.

– Вы уже готовы пойти осматривать дом? – улыбаясь, спросила она.

Эш от удивления лишился дара речи. Он вновь выглянул в окно.

Девушка исчезла. Парк был пуст.

5

В Эдбруке царил холод, и причиной его была не только погода за окнами. Некоторые комнаты и коридоры были сырыми и затхлыми, другие – совершенно пустыми, казалось, что в них уже много лет никто даже не заглядывал. Дом был очень велик, такого типа строения Эшу не раз приходилось обследовать, и он знал, что очень часто хозяйство в подобных домах ведется экономно и на их содержание тратятся весьма скудные средства; это было связано с высокими налогами на наследство, когда поместья переходили из поколения в поколение. Однако Эдбрук вовсе не походил на заброшенный особняк, и едва ли его хозяева особенно заботились об экономии.

Кристина провела Эша по комнатам верхнего этажа и мансарды, потом они спустились вниз и прошли через библиотеку, большую и малую гостиные, кухню, буфетную, столовую и кабинет. Он щупал доски пола, панели на стенах, облицовку каминов и дымоходов, иногда прикладывался ухом к стене и слушал звуки, пытаясь определить их источник, время от времени замирал, чтобы ощутить воздушные потоки и уточнить их направление. У первой ступеньки лестницы, ведущей в подвал, он на минуту замер, вспомнив о том, что где-то там, внизу, обитает бувье. Но Кристина, уже спустившаяся вниз, рассмеялась и укорила его за трусость. Она заверила Дэвида в том, что Охотник ничего ему не сделает, если, конечно, не почувствует, что от него исходит угроза, но ведь это абсолютно исключено, не так ли? Эшу, хотя и с опаской, пришлось последовать за ней. Откуда-то издали донеслось грозное рычание, но сам пес не появился.

Подвалы были заставлены рядами полок, наполовину заставленных бутылками с вином,

которые покрывал толстый слой пыли. Кроме того, здесь хранился всякий хлам: сломанная мебель, часть которой валялась здесь очень давно, судя по количеству пыли, разбитые скульптуры, пустые рамы от картин. По одну сторону было несколько темных ниш, но что именно находилось в этих нишах, Эш никак не мог определить. Холод здесь был ужасный, хотя это вполне соответствовало атмосфере хорошего винного погреба, но что было гораздо важнее для Эша – это свидетельствовало о наличии поблизости подземных ключей или отверстий в прилегающих пластах почвы, через которые проникал ледяной воздух, просачиваясь затем сквозь трещины в старых кирпичах. С исследовательской точки зрения это было весьма интересное место, однако Дэвиду не хотелось задерживаться здесь надолго, главным образом из-за враждебно настроенной собаки Мариэллов.

Эш вместе с девушкой поднялись обратно, и Дэвид испытал несколько неприятных моментов, заметив, что Охотник покинул свое убежище и следует за ними по пятам.

Он с облегчением выбрался из подвала и через кухню и буфетную вышел в парк.

Хотя Дэвиду было трудно разделить восторги Кристины по поводу поместья, он все же мог представить себе, что когда-то Эдбрук служил уютным домом для большой семьи Мариэллов. Что произошло, определить было трудно, но отчасти это было связано со здешней атмосферой, а также с недостатком тепла (причем не только в физическом смысле). Прекрасное место для обитания призраков, решил он, если, конечно, вообще допустить возможность их существования.

Эш оглядел парк и разочарованно отметил, что тот вовсе не так хорошо ухожен, как ему показалось на первый взгляд. И все же планировка, несмотря на некоторое однообразие, представляла собой великолепное сочетание изгибов и линий, а густой лес вокруг создавал прекрасный фон. Дэвид глубоко вдохнул, пытаясь освободить легкие от спертого и затхлого воздуха, которым они наполнились в доме.

– И давно вы занимаетесь охотой за привидениями, мистер Эш? – с лукавой улыбкой спросила Кристина.

– Я не охочусь за привидениями, – совершенно серьезно ответил он. – Я ищу причины возникновения необычных явлений. Кстати, меня зовут Дэвид, и я предпочел бы, чтобы вы называли меня именно так.

– Согласна, Дэвид. Так давно ли вы занимаетесь поисками причин таинственного?

– С самого детства, – с улыбкой ответил он. – Меня всегда интересовали необычные явления, но по-настоящему я увлекся после своего первого сеанса.

– Сколько вам тогда было лет?

– Ну-у-у... чуть больше двадцати. – Он задумчиво покачал головой. – Поверите ли, я в то время был уже инженером-стажером. Одному Богу известно, что заставило меня тогда пойти на этот сеанс, – возможно, любопытство в сочетании со все возрастающим интересом к этому вопросу. Видите ли, хотя я никогда не понимал, почему люди верят в такого рода вещи, мне всегда хотелось узнать о них как можно больше. И тот первый сеанс поистине раскрыл мне глаза.

Кристина остановилась.

– Вам действительно удалось войти в контакт с потусторонним миром?

– Как раз наоборот, – со смехом проговорил Эш. – Медиум был великолепным, и ему на какое-то время даже удалось одурачить меня. Он сумел всех нас убедить в том, что мы видим призрак родственницы одного из тех, кто присутствовал на сеансе, – его любимой бабушки, которая принялась рассказывать сидевшей рядом со мной женщине обо всех болезнях, которые мучили ее за последние десять лет. Речь шла, конечно, об этой женщине, а не о бабушке, которая со времени своего переселения в мир иной чувствовала себя как никогда прекрасно.

Эш снова покачал головой, предаваясь приятным воспоминаниям. Он продолжал идти по широкой мощеной террасе, и Кристине ничего не оставалось, кроме как стараться не отстать, время от времени заглядывая ему в лицо.

– Вся сцена выглядела весьма странной и причудливой, – продолжал свой рассказ

Дэвид. – Я видел какой-то туман, неясную фигуру, возникшую позади медиума, и, должен признаться, почувствовал, как по спине у меня ползет холод. Но меня рассмешили те пустяки, о которых посредством медиума говорила бабуля. – Даже теперь он фыркнул при воспоминании об этом. – Я ожидал чего-то проникновенного, трогающего за душу, возможности взглянуть изнутри на мир, лежащий по ту сторону нашей жизни, понять его спиритическую сущность...

– И?.. – нетерпеливо сказала Кристина, после того как Эш глубоко задумался и умолк.

– Так вот, все мы слышали, что вставная челюсть дяди Альберта покоится в дерьме под его домом – он уронил ее в унитаз вместе со всем содержимым своего желудка, напившись однажды вечером в стельку. И при всем этом у сидевшей рядом со мной женщины вид был такой, словно она наконец узрела местонахождение Святого Грааля. Я посмотрел на окружавшие меня лица – Боже, до чего все они были серьезными. И тогда я расхохотался, как дикая гиена.

Эш все еще продолжал улыбаться, но тон его стал мрачным.

– Не знаю почему, но я вдруг почувствовал удивительное облегчение, словно с меня вдруг свалился тяжелый груз. Я понял, что все это не более чем фарс. Медиуму, естественно, моя реакция не понравилась. Он попросил меня уйти, что я и сделал с огромным удовольствием. Но прежде чем переступить порог, я включил свет – не знаю, не то от злости, не то из простого любопытства.

Они прошли мимо французских окон гостиной, где, насколько Эш мог судить, в тот момент никого не было. Над ними возвышался серый и мрачный, погруженный в тишину Эдбрук. Дэвид поспешил отойти подальше от этого величественного сооружения, в тени которого он чувствовал себя неуютно.

– При свете все присутствовавшие смогли увидеть, что “бабушка” на самом деле всего лишь старая фотография, с помощью специальной подсветки спроектированная на кусок полотна. Для большего эффекта из отверстия в стене шел пар, который, проникая сквозь материал, заставлял изображение шевелиться. В полутьме все это, конечно, было весьма впечатляющим, но только не на ярком свете.

– Но то, что она говорила этой женщине?! – удивленно воскликнула Кристина.

– Абсолютно пустая информация. Такого рода сведения легко получить от родственников или друзей клиента, например от того, кто привел ее в это общество. Понимаете, медиуму достаточно узнать кое-что лишь об одном или двух посетителях, чтобы произвести впечатление на остальных.

– Должно быть, все они пришли в ярость, когда увидели, как все было сделано.

– О да, конечно. Но злились они главным образом на меня.

– На вас? – в голосе Кристины слышались удивление и недоверие.

Дэвид кивнул.

– Я разрушил их надежды. И они вовсе не собирались благодарить меня за это.

Некоторое время Кристина и Эш шли молча. Когда девушка заговорила вновь, тон ее выражал сомнение:

– Но ведь не все же они шарлатаны. Среди них, конечно же, есть и настоящие медиумы.

– Есть, я сам знаю нескольких. А с парочкой даже дружу. Но я не в силах объяснить, что именно они делают и как им это удастся. Но в одном я уверен: они не беседуют с мертвецами. – Они спустились на несколько ступеней, от которых, огибая клумбы, вели три мощеные дорожки. Они пошли по средней. – Только тогда мы сможем найти объяснение паранормальным явлениям, когда начнем хоть немного разбираться в том, что происходит в нашем собственном мозгу.

Кристина нахмурилась.

– И что произошло потом? Вы во всем разуверились?

– Нет, не разуверился. Как я уже говорил, тот факт, что мои сомнения подтвердились, заставил меня почувствовать огромное облегчение. И в то же время я был еще больше заинтригован. Было ли все это обманом и притворством? Все, что мне когда-либо

приходилось читать или слышать о паранормальных явлениях, – вранье? Я с головой ушел в изучение вопроса, и к тому времени, когда мне удалось прояснить кое-что, это стало делом моей жизни. И чем больше ошибок и несоответствий я обнаруживал, тем больше меня все это раздражало. – Они приближались к низкой каменной стене, кое-где осыпавшейся и разрушенной, которая тянулась от центра парка. – Несколько лет назад меня пригласили на работу в Институт парапсихологических исследований. Мне кажется, они предпочли иметь меня при себе и использовать, чем терпеть мои нападки.

Из всего сказанного Кристина сделала вдруг совершенно неожиданный вывод:

– Вы считаете, что мы совершаем огромную глупость, воображая, что этот дом населен призраками? Вас это тоже раздражает?

– Ни в коем случае. Просто я считаю, что вы ошибаетесь. И мне необходимо немного времени, чтобы это доказать.

Они вплотную подошли к низкой, примерно до уровня коленей, каменной стенке, и теперь Эш увидел, что она окружает большой живописный пруд, похожий на маленькое озеро со стоячей темно-бурого цвета водой, заросшей водорослями и увядшими лилиями. Зрелище буквально потрясло Эша, ибо, несмотря на то что парк в целом содержался отнюдь не в таком порядке, как следовало бы, запущенное состояние пруда было поистине удивительным.

Эш заглянул в пруд, и у него перехватило дыхание от исходящего из его глубин зловония.

Он обернулся к девушке и только теперь обратил внимание, что она незаметно отстала и остановилась в отдалении. Взгляд ее был обращен мимо Дэвида – она смотрела на пруд так, будто и сама была потрясена его видом и тем, что они зашли так далеко. С испуганным выражением лица она попятилась назад.

– Кристина?.. – удивленно окликнул ее Дэвид. Мутная вода за его спиной покрылась рябью, водоросли задрожали, зашевелились...

* * *

...Лоб Эдит покрылся испариной. Она дернулась в кресле, и глаза ее широко раскрылись, видение немедленно исчезло.

Сидевшая напротив пожилая пара тревожно вглядывалась в ее лицо.

– Мисс Фипс? – подавшись вперед, окликнул ее седой мужчина. – С вами все в порядке? Вы рассказывали о нашем сыне...

Эдит заморгала глазами, ей потребовалось время, чтобы осознать, что она находится в одном из изолированных помещений Института. Предвидение прервало Контакт с сыном этой пожилой пары, молодым матросом, погибшим во время последней войны, которую вела Британия, причем юноша погиб при обстоятельствах столь ужасных, что о них не следовало рассказывать все еще горько оплакивающим свою потерю родителям.

– Мне... извините... мне очень жаль, – ответила Эдит. – Я ослабила концентрацию. Я... – она глубоко вдохнула, чтобы немного успокоиться, – ...я попытаюсь связаться с Майклом снова.

Но едва она закрыла глаза, прежнее видение вернулось, хотя на этот раз не столь отчетливо.

Она увидела фигуру мужчины, стоявшего спиной к ней. Но она точно знала, что это Дэвид Эш.

Помимо весьма странного ракурса было еще что-то... видение дрожало и колебалось перед ее глазами, словно... словно она смотрела сквозь воду... темную грязную воду. Вокруг фигуры все находилось в движении, стебли водных растений напоминали шевелящиеся щупальца. К Дэвиду тянулись две обнаженные руки, тонкие, жемчужно-серые, со скрюченными пальцами. Эти руки не были ее, Эдит, руками, они принадлежали кому-то другому.

Они тянулись сквозь воду к стоявшему наверху мужчине, вокруг них обвивались полусгнившие водоросли, и руки эти были совершенно бескровными.

Это были мертвые руки.

6

Столовая была погружена в полутьму. Вокруг стола, за которым собрались Мариэллы и Дэвид Эш, горели свечи, свет их был мягок, но совершенно недостаточен, некоторые светильники, расположенные вдоль стен, не горели вовсе. Эш ожидал, что в доме есть горничная или хотя бы экономка, но няня Тесс сама накрыла на стол, даже без помощи Кристины. Теперь ему стало ясно, что семья Мариэллиов отнюдь не так богата, как в прежние времена. Однако, несмотря на то что все, что касалось Мариэллиов, весьма интересовало Эша, их финансовое положение не имело никакого отношения к его работе в настоящее время. Он потягивал вино, хотя с удовольствием предпочел бы выпить чего-нибудь покрепче.

Саймон шепнул что-то на ухо Кристине, она хихикнула, и сидевший во главе стола Роберт Мариэлл остановил их строгим взглядом. Девушка зажала рот рукой и опустила глаза, изображая смущение, в то время как сидевший рядом с ней Саймон продолжал усмехаться.

Роберт обратился к сидевшему на другом конце стола Эшу:

– Как прошел ваш сегодняшний осмотр? Удалось ли вам обнаружить какие-либо тайные воздушные потоки или водные течения, которые помогут разгадать нашу маленькую загадку?

Дэвид занялся лежавшим перед ним на тарелке бифштексом, чересчур, на его вкус, пережаренным.

– Этого я пока сказать не могу, – ответил он, – поскольку не знаю, в чем именно заключается ваш секрет. Но мне удалось обнаружить массу конструктивных недостатков дома, которые могут являться причиной определенного беспокойства.

– Достаточно серьезных, чтобы создать призрачные видения, мистер Эш? – все еще улыбаясь, спросил Саймон.

– Возможно, вас это очень удивит, но часто люди принимают за привидение обыкновенное облачко тумана или дыма. Или, например, капающая и стекающая по невидимому желобу вода кажется им звуком шагов призрака. Рассыхающиеся доски пола, естественно, скрипят, особенно если в доме жарко или горит камин, между ними возникает трение, и звук этот воспринимается как чьи-то призрачные шаги. При наличии воображения всевозможно.

– Видение, которое мне... всем нам... являлось, вовсе не было плодом наших фантазий, – вступила в разговор до сих пор молчавшая и практически не притронувшаяся к еде няня Тесс, сидевшая слева от Эша. – Если бы вы знали...

Дэвид предостерегающе поднял руку.

– Завтра. Каждому из вас завтра будет представлена возможность рассказать обо всем, что он видел и слышал, обо всех своих ощущениях. А сейчас я хочу сохранить абсолютную объективность, не подвергаясь ничьему влиянию.

– Но я не понимаю, как вы узнаете, что именно следует вам искать, – возразила Кристина.

– Я ищу своего рода феномен, принимающий, предположительно, форму призрака. Это все, что мне в данный момент необходимо знать.

Губы Роберта тронула едва заметная улыбка.

– Вы верите в такого рода вещи, мистер Эш? Блуждающие духи, существа, появляющиеся по ночам...

– ...Стенающие во тьме привидения, – возбужденно подхватил Саймон, – демоны, вампиры...

– ...Оборотни, – добавила Кристина.

Саймон по-волчьи завыл, и она громко расхохоталась. Даже Роберт широко улыбнулся.

Не разделяя их восторга, Эш взглянул на няню Тесс, но она отвела глаза. Судя по всему, их черный юмор тоже был ей не по душе.

– Вы отнюдь не похожи на людей, преследуемых призраками; похоже, вас это ничуть не беспокоит, – обратился Эш к Роберту.

– А разве нам следует беспокоиться? – услышал он в ответ. – Неужели подобные явления способны нанести нам физический вред?

– Как правило, нет, – покачал головой Эш, – но обычно те, кто видят такого рода явления, впадают в панику и вредят сами себе.

– Тогда о чем же нам волноваться? Но вы так и не ответили на мой вопрос: верите ли вы сами в существование призраков?

– Это зависит от того, что именно вы под этим подразумеваете. Наваждения, телепатические видения или электромагнитные образы. Можно даже назвать их колебаниями атмосферы. Они могут существовать независимо от понимания нами их значения, то есть сами по себе.

– Но вы не склонны воспринимать их как духов умерших людей? – спросила няня Тесс.

Все взоры обратились к исследователю. Он откашлялся и в свою очередь посмотрел на каждого из них по очереди.

– Ни в малейшей степени. Ни одно из моих исследований не предоставило мне убедительных доказательств существования жизни после смерти. Я слишком часто разоблачал так называемых спиритуалистов как шарлатанов и обманщиков, чтобы верить в возможность общения с мертвыми.

– Так мы и думали, мистер Эш, – тихо и вкрадчиво ответил Роберт. – Но, надеюсь, вы не обвиняете нас во лжи?

– Конечно же, нет. Вам, безусловно, кажется, что все, что вам довелось увидеть и испытать здесь в Эдбруке, вполне реально. Иначе зачем бы вы стали оплачивать мои услуги? Я лишь хотел сказать, что все происшедшее может иметь вполне рациональное объяснение.

Саймон положил локти на стол и оперся головой на руки.

– Мне кажется, вам все-таки следует рассказать.

– Всеу свое время, – ответил Эш. – Для начала дайте мне возможность выяснить все, что удастся, самому.

– Вам совсем не обязательно испытывать то же, что пришлось испытать нам, – подал вновь голос Роберт.

– Мне и в голову не приходило делать это. Парапсихологическая связь может существовать только между вами и тем, что здесь происходит. Посмотрим, что будет дальше.

– Парапсихологическая связь? – Саймон снова выпрямился. – Что это означает?

– Представьте, если можете, что наш разум представляет собой нечто вроде радиоприемника. Вы, обитатели этого дома, имеете возможность настроить его на чью-то частоту.

Саймону показалось забавным такое предположение.

– На волну того, кто вещает с того света?.. – Он оглядел родственников в поисках поддержки. Эш не поддался на его шутку.

– Назовем это мыслительным процессом кого-то, кто в данный момент находится в другом месте, или оставленным им впечатлением. Может случиться так, что вы в силу вашей тесной связи с Эдбруком настроены именно на эту волну.

– Весьма интересная теория, – признал Роберт. – Но не слишком правдоподобная, не так ли?

– Не в большей степени, чем предположение о существовании призраков, – парировал Эш.

Кристина промокнула губы салфеткой, глаза ее мягко отражали пламя свечей.

– Чем мы можем помочь вам в ваших исследованиях? Кроме того, что расскажем обо всем, что видели и испытали?

– Ничем, разве что будете держаться в стороне, – ответил Эш. – Сегодня вечером я хочу

установить вокруг дома кое-какое оборудование, особенно в тех местах, где, на мой взгляд, возможны всякого рода необычные явления. После того как я это сделаю, прошу вас не подходить близко к этим местам. Лучше всего, если всю оставшуюся часть дня вы проведете в своих комнатах.

Услышав последнюю просьбу, Мариэллы и их тетушка переглянулись.

– Что-то уж очень круто, – недовольно проворчал Саймон.

– Только на один вечер, – заверил его Эш. – Может быть, в дальнейшем мы сможем сосредоточить внимание на одном-двух особо интересных участках.

– Мы окажем вам полную поддержку и сделаем все, что в наших силах, – ответил за всех Роберт. – Вам необходимо что-то еще?

– В данный момент нет. Да, чуть позже мне нужно будет позвонить Кейт Маккэррик – проинформировать ее о том, как идут дела.

– Няня Тесс говорит, что мисс Маккэррик одобрила наш выбор, то, что для этого исследования мы пригласили именно вас. Похоже, она высоко оценивает вашу работу.

– Она и сама специалист высочайшего класса в области парапсихологии. Должен признаться, мы с ней не всегда сходимся во мнениях, но в этом вопросе гораздо больше догадок и предположений, чем доказательных фактов. Кстати, если мои опыты в Эдбруке дадут положительные результаты, будет хорошо, если она сумеет приехать сюда с независимым и непредвзятым наблюдателем.

Резкость, с какой няня Тесс отреагировала на это предложение, поразила Дэвида.

– Нет, нет! – воскликнула она. – Это совершенно невозможно!

Отказ Роберта прозвучал более мягко.

– Как я уже говорил, мистер Эш, мы настаиваем на том, чтобы все держалось в строжайшей тайне. Надеюсь, вам понятны наши причины для этого и вы отнесетесь с уважением к нашей просьбе.

– Никакой огласки не будет, – заверил его Эш. – Все останется в стенах Института и будет отражено лишь в его архивах.

– Давайте не будем торопиться и проведем исследование спокойно и не спеша, – произнес старший из братьев Мариэлл. – Таково ведь и ваше желание, не так ли?

Эш слабо улыбнулся.

– Согласен. С моей стороны не будет никакого давления. Все в ваших руках.

С дальнего конца стола на него холодно смотрели глаза Роберта.

– Это не совсем так. Я бы даже сказал, совсем не так...

* * *

Держа в одной руке прижатую к уху массивную черную телефонную трубку, другой он в отчаянии стучал по аппарату. Бесплезно. Телефон молчал. То ли этот допотопный аппарат давно отслужил свой срок, то ли произошло что-то на самой линии, за пределами дома. Как бы то ни было, ситуация возникла не из приятных.

Услышав за спиной в холле чьи-то шаги, он резко обернулся, удивляясь своей нервозности. Еще больше его поразило то облегчение, которое он почувствовал, увидев, кто именно к нему приближается.

– Мисс Вебб, э-э-э... вы знаете... телефон... такое впечатление, что он отключен, – выдавил он из себя.

Она подошла совсем близко и заглянула ему прямо в лицо.

– У нас постоянно проблемы на линии, – сказала она. – Это одно из немногих неудобств жизни в сельской местности. – Она взяла у него трубку и, даже не потрудившись проверить, есть ли гудок, положила ее на место. – Завтра я поеду в поселок и попытаюсь что-либо выяснить.

Все это время она не сводила с него глаз, и Дэвид вдруг подумал, всегда ли они полны такого беспокойства, как сейчас. Этой маленькой хрупкой женщине было, наверное, далеко

за шестьдесят, ближе к семидесяти или даже чуть больше. Кем же была она для Кристины и ее братьев? Да, она приходилась им тетей, но кем еще? Насколько он мог судить, она полностью вела все хозяйство в доме, и в ее возрасте, должно быть, это было совсем не легкой задачей.

– Мистер Эш... – начала она, не решаясь продолжить.

Он ждал.

– Обещайте мне, что будете очень осторожны, пока находитесь в Эдбруке, – почти шепотом сказала она.

Дэвид не смог удержаться от улыбки.

– Я уже говорил, что призраки не в состоянии причинить нам вред. Они даже не могут испугать нас, если нам известны причины их появления.

– Но... призраки могут преследовать нас... по-разному... – она с трудом подбирала слова от волнения.

– Мне казалось, что вы поняли мою точку зрения...

– Но вы не понимаете, – довольно резко ответила она.

– Тогда объясните, – напряженно попросил Эш.

Прежде чем она успела ответить, послышался еще один голос:

– Наш гость не хочет забивать себе голову твоими глупостями, няня.

Они одновременно подняли головы и увидели Роберта Мариэлла, наблюдающего за ними с верхней ступеньки лестницы.

– Разве не так, мистер Эш? – с легким оттенком укора в голосе спросил он.

Эш снова повернулся к няне Тесс.

– Все вопросы я задам вам завтра, – ровным тоном произнес он, озадаченный ее поведением.

– В таком случае не станем вам мешать, – сказал Роберт. – Пойдем, няня, пусть наш гость продолжает работать. Спокойной ночи, мистер Эш. Вас никто больше не побеспокоит.

С этими словами он повернулся и исчез в темноте наверху. Избегая встретиться глазами с Эшем, няня Тесс поспешила следом за племянником. Эш смотрел, как маленькая, тщедушная фигурка поднимается по лестнице, потом тряхнул головой. Похоже, тетушка Мариэллов интересуется не столько привидениями Эдбрука, сколько остальными членами семьи.

7

Всю оставшуюся часть вечера Эш занимался установкой оборудования вокруг дома и внутри его. На стенах и мебели он установил четыре термометра, чтобы отметить самую низкую температуру в течение ночи. В гостиной и на кухне он разместил магнитофоны, автоматически включающиеся при малейшем звуке, а в библиотеке и кабинете – фотокамеры, связанные с датчиками, регистрирующими изменения магнитного поля и при малейшем движении поблизости приводящими в действие затворы. В нескольких местах на первом и втором этаже он насыпал тонкий слой специального порошка, а через дверные проемы натянул черные нитки.

Позже в своей комнате Дэвид при свете лампы изучал на скорую руку нарисованный план Эдбрука с его лабиринтами комнат и коридоров, время от времени отхлебывая из стоявшей под рукой бутылки с водкой. Он курил одну сигарету за другой, делал пометки в блокноте и время от времени бросал взгляд в окно, за которым сгущалась ночь. Темнота, казалось, давила на стекла.

Наконец он вышел из комнаты и отправился бродить по дому, старательно огибая те места, где был насыпан порошок, не входя в помещения, в которых установил аппаратуру, и не приближаясь к дверям, через которые были натянуты нитки.

Эдбрук погрузился в тишину. Все было спокойно.

Где-то в доме пробили часы. Освещая себе путь карманным фонариком, Эш прошел по

коридору мимо своей комнаты и двинулся к окну в дальнем его конце. Несмотря на физическую усталость, все его чувства были обострены до предела, мозг действовал словно беспокойный пассажир заглохшей машины. Кейт Маккэрри определяла такое весьма обычное для него состояние всегда однозначно: “Ты слишком много пьешь и чересчур много куришь. И однажды – возможно, это будет не так скоро, но случится непременно – твой мозг окажется таким же усталым и истощенным, как твое тело”. А может быть, это совсем даже неплохо, Кейт, возможно, даже хорошо.

Выключив фонарик, он подошел поближе к окну и прижался к стеклу, чтобы лучше видеть то, что происходит снаружи. Тяжелые тучи наконец исчезли, а молочно-белые кучевые облака неподвижно застыли в темном небе. Луна висела так, как будто ее серебряный свет поглотил все окружающее пространство. На парк и поля вокруг легли черные тени. За окном видны были не только деревья и кустарник: тени от скульптур указывали в сторону Эдбрука и были похожи на укоряющие пальцы. Издалека, откуда-то из глубины леса, донесся пронзительный крик ночного животного или птицы, но звук был столь тихим, что не вызывал неприятных ощущений.

Эш продолжал стоять у окна, но взгляд его стал неподвижным, ибо мысли в этот момент были заняты совсем другим. В памяти возник другой, прозвучавший еще более издалека, чем этот, жалобный крик животного. Он вспомнил громкий хриплый вопль, пронесшийся над бурлящим водным потоком, и, возможно, перед его мысленным взором возникла бы вся картина в целом, если бы его не заставил обернуться послышавшийся за спиной шум.

Он включил фонарик и направил яркий, разорвавший черноту луч вдоль коридора. В свете фонарика он успел уловить какое-то движение возле лестницы.

Не колеблясь ни минуты, Эш бросился туда и увидел, что мелкий порошок, который он недавно рассыпал по полу, словно подхваченный порывом ветра кружится в воздухе.

Он остановился перед серовато-белым облаком, с удивлением глядя на миллионы мельчайших частичек, плавающих в луче света от фонарика. Не было ни ветра, который мог бы заставить порошок взметнуться с пола, ни кого-либо на ступеньках лестницы, своими шагами вызвавшего такое движение. Бросив взгляд на висевший рядом на стене термометр, он с тревогой обнаружил, что прибор зарегистрировал температуру, близкую к нулю. Однако сам он при этом не чувствовал холода.

Снизу вновь послышались какие-то звуки. Такое впечатление, что кто-то ступал босыми ногами по доскам пола.

Перегнувшись через перила галереи, Эш взглянул вниз, освещая фонариком холл, и успел увидеть нечто не то белое, не то серое, скрывшееся в этот момент за углом.

– Кристина? – шепотом позвал он.

Он бросился к ступенькам, на ходу стряхивая с лица прилипающие частички все еще кружащегося в воздухе порошка. Спустившись почти бегом вниз, он лихорадочно обводил лучом фонарика холл, пока наконец не убедился, что все двери плотно закрыты. И в этот момент до него снова донесся шум. Эш направил луч в дальний конец холла, уверенный, что звуки слышались именно оттуда.

Он торопливо двинулся в этом направлении и вдруг заметил, что дверь под лестницей, ведущая в подвал, чуть приоткрыта, хотя был совершенно уверен в том, что накануне сам ее плотно захлопнул. Он было остановился, но вновь раздавшиеся впереди звуки заставили его продолжить путь.

Эш вбежал в кухню, и луч фонарика выхватил из темноты стол, скользнул к буфету, потом к старинной железной плите, каминной решетке, шкафу с посудой и, наконец, к окну. Совсем рядом послышалось угрожающее низкое рычание.

Он обернулся слишком резко, задев фонариком за косяк двери, и свет тут же погас. К своему неудовольствию, почти потеряв контроль над собой, он зашарил по стене рукой в поисках выключателя, пока наконец дрожащими пальцами не нащупал и не повернул его. Свет был тусклым, но и его было достаточно, чтобы увидеть, что кухня пуста. И что дверь в

противоположной стене, ведущая на террасу и в парк, открыта.

Снаружи кто-то был, Эш услышал приглушенный смехок.

Оставив сломанный и бесполезный теперь фонарик на столе, Эш пробежал через кухню и выскочил в темноту ночи.

Хотя луна светила очень ярко, ему понадобилось некоторое время, чтобы глаза привыкли к окутавшему его мраку, и еще секунда или две, чтобы разглядеть то, что было перед ним. Одета в что-то свободное и белое фигура двигалась вдоль террасы. Но неожиданно она исчезла.

Стоя в потоке лунного света, Эш прищурился и снова едва слышно позвал:

– Кристина?..

Ответа не было, и он снова бросился вперед, пока не достиг ступенек, ведущих с террасы в парк. Уверенный, что фигура в белом исчезла именно здесь, он стал оглядываться, пытаясь вновь отыскать ее взглядом. Но внизу, среди цветов и низкого кустарника не было никакого движения.

Эш спустился по лестнице и пошел по средней дорожке в сторону пруда. Дойдя до полуразрушенной стены, он взглянул на неподвижную, освещенную луной водную гладь, которая странным образом не отражала серебряное сияние.

Неожиданно он вновь услышал знакомый уже звук – шлепанье босых ног по каменным плитам.

Он резко развернулся, чтобы увидеть, кто приближается к нему, но вдруг получил удар такой силы, что потерял равновесие, качнулся назад и, перелетев через стену, рухнул вниз.

Стоячая вода сомкнулась над головой, приняв его в свои ледяные и скользкие объятия. Эш в панике боролся с водорослями, стебли которых охватили его, словно щупальца. Чем отчаяннее он пытался освободиться, тем крепче они держали его. Вокруг него со дна поднимались облака грязи, зловонной пеленой заслонив освещенную луной поверхность пруда.

Пытаясь высвободить руку из липких объятий подводных лиан, он вдруг заметил силуэт, с вытянутыми вперед руками приближавшийся к нему сквозь облака грязи и ила. Фигура развела руки в стороны, словно распятая на кресте, одежды ее шевелились и извивались по краям, а черные распущенные волосы походили на змей на голове Медузы Горгоны.

Зловонная, отвратительная на вкус вода хлынула в раскрытый в крике ужаса рот Эша...

* * *

...Эдит проснулась и широко раскрытыми глазами, в которых ясно стояла картина ее ночного кошмара, уставилась перед собой.

Дрожа от ужаса, она заставила себя сесть в постели. Но страшно ей было отнюдь не за себя.

Она прошептала его имя...

– Дэвид...

Она задыхалась, и воздух со свистом, хорошо слышным в тишине спальни, вырывался из ее груди. Эдит усилием воли заставила себя успокоиться и выровнять дыхание, мягкими движениями потирая грудь в области сердца.

Откинувшись на спинку кровати, она ждала, пока пройдет тяжесть в груди. Устремив взгляд в пространство, она вдруг снова увидела бледно-серые мертвые руки.

Руки, вцепившиеся в Дэвида Эша...

Эш отчаянно извивался под водой, не то пытаясь отвернуться от приближающегося к нему размытого силуэта, не то стремясь освободиться от облепивших и опутавших его

плотным кольцом водорослей. А быть может, ни то и ни другое. Он захлебывался и тонул, и сознание этого кошмара заполняло его полностью, не оставляя места для каких-либо других ужасных мыслей.

И все же сквозь ощущение приближения неминуемой смерти он вдруг почувствовал, как чья-то рука сзади схватила его за горло.

Его тащили назад, и из открытого рта Дэвида стремительным потоком вылетали пузырьки воздуха. Эш пытался сопротивляться, но слабо, ибо сил уже почти не осталось, голову его окутал туман, конечности заоченели от холода. На какое-то краткое, но удивительно ясно осознанное мгновение он вдруг ощутил себя в совершенно ином времени – мгновение дежа вю – и почувствовал, что, совершенно ослабев, сражается со стоячей водой, а чья-то сильная рука тянет его вверх...

Наконец он оказался на свободе, и ледяной ночной воздух окутал его так же, как чуть раньше неподвижная вода пруда, из глубины которого он сейчас выплывал. Другие руки вцепились в его одежду, грубо сдавив тело. Его потащили вверх, перевалили через стену, окружавшую пруд, освещенная серебряным сиянием вода которого уже не была спокойной, взбаламученная его судорожными движениями. Кто-то все тащил и тащил его, и, открыв наконец глаза, он увидел над собой лицо Саймона, с мокрых и слипшихся волос которого на лоб стекала вода. Что-то твердое царапнуло его по спине, и он очутился на неровных каменных плитах, исторгая из желудка и легких заполнившую их грязную воду.

Он корчился на камне, плечи его были напряжены, конечности конвульсивно дергались, он кашлял и судорожно хватал ртом воздух, голова его при этом кружилась.

Эш не знал, сколько времени он находился таком состоянии, но когда он наконец, все еще тяжело дыша, перевернулся на спину, то увидел склоненные над ним лица Саймона, Роберта и няни Тесс. Одежда их была мокрой, а младший из братьев испачкался в грязи с головы до ног.

Эш пытался заговорить, объяснить им все, указывая дрожащей рукой на пруд, но речь его понять было практически невозможно.

– Кто-то... кто-то еще... там... кто-то меня держал...

Роберт Мариэлл склонился над ним и ободряюще похлопал по плечу.

– Теперь с вами все будет в порядке. Отдышитесь и не придавайте всему этому значения.

Эш с трудом приподнялся на локте.

– Да нет же! Там... там есть еще кто-то... девушка... в воде...

Роберт удивленно переглянулся с братом и тетужкой. Попытавшись приподняться повыше, Эш конвульсивно забился в приступе кашля. Он смахнул остатки воды с глаз и со рта.

– Няня, пожалуйста, включите освещение над прудом, – услышал он голос Роберта.

Эш снова взглянул на них и увидел, что няня Тесс уходит. Ее место заняла Кристина, выражение лица которой было совершенно бесстрастным.

Он перекатился набок, и изо рта вновь хлынула вода. Эш крепко зажмурился. Он думал... Но нет... одежда Кристины не была даже влажной. Как, впрочем, и ее лицо и волосы. Вспыхнувший свет заставил его снова открыть глаза.

Эш заставил себя подняться на ноги, чувствуя, что кто-то помогает ему сделать это, но не зная кто именно. Пошатываясь и спотыкаясь, он сделал несколько шагов до стены и рухнул возле нее на колени, всматриваясь в черноту пруда. Намокшая и грязная одежда стала тяжелой и буквально придавливала его к земле. Он почувствовал, что остальные подошли ближе и окружили его, но головы не поднял. Они, как и Эш, вглядывались в освещенную огнями воду.

Но в темной глубине не было заметно никакого движения, и только на поверхности воды слегка подрагивала мелкая рябь.

Он лихорадочно всматривался в заросший водорослями пруд, даже опустил туда руку, чтобы очистить от растений участок воды. Дыхание по-прежнему причиняло ему боль, но все

же он смог произнести:

– Я преследовал кого-то от самого дома. Я слышал чьи-то бегущие шаги...

– А-а-а... я, кажется, понимаю, – услышал он голос Роберта.

Эш обернулся к нему и проследил за его взглядом. Роберт смотрел в противоположную от пруда сторону, в направлении террасы. Тесно прижавшись к земле, там кто-то затаился.

Роберт щелкнул пальцами, и пес с угрюмым видом вышел из своего укрытия.

– Боюсь, что тем, кого вы преследовали, был Охотник. Ночью мы позволяем ему бродить по дому.

– Нет, – возразил ему Эш, – я видел девушку, она убегала от меня...

– Но этого не может быть, мистер Эш. Если только это ты, Кристина, ходила по дому, как лунатик? – Роберт улыбнулся сестре, давая понять, что его вопрос не следует принимать всерьез.

Она слегка нахмурилась и покачала головой.

– Я спала в своей комнате, пока весь этот шум не разбудил меня.

Опираясь на стену, Дэвид с трудом встал. Он все еще дрожал с головы до ног и чувствовал слабость, а потому присел на полуразрушенный камень, уперся локтями в колени и закрыл ладонями лицо.

– Нет, там была... – начал он, но Роберт не позволил ему договорить.

– Услышав на улице шаги, я подошел к окну, но, кроме вас, мистер Эш, никого не увидел. В парке никого больше не было.

– Но в воде...

– Охотник по ошибке принял вас за грабителя и напал на вас, после чего вы рухнули в пруд. Возможно, вам еще повезло, что все случилось именно так, – Охотник иногда бывает очень свирепым. – Он указал на продолжавшие колыхаться под водой водоросли. – Вы оказались в плену этих... этих зарослей, испугались, запаниковали и вообразили, что вас кто-то держит.

Эш снова покачал головой.

– Другого объяснения быть не может, – настойчиво продолжал Роберт. – Разве что... если, конечно, вы не повстречались с нашим призраком.

Эш отнял от лица руки и широко раскрытыми глазами по очереди оглядел всех Мариэллов. Он не мог сказать с уверенностью, ибо был потрясен и смущен, но ему показалось, что, когда он встретился глазами с Кристиной, по ее губам пробежала легкая усмешка.

* * *

Кейт подняла бокал с бренди, и мужчина, сидевший рядом с ней на диване, придвинулся ближе. Он чокнулся с ней и, наклонившись к ее губам, поцеловал. Кейт ответила на поцелуй, но как бы не всерьез и быстро отстранилась, чтобы глотнуть бренди.

Харкорт улыбнулся и тоже сделал глоток из своего бокала. Он ослабил узел галстука, расстегнул воротничок рубашки и пуговицы на пиджаке вечернего костюма, выпустив на свободу уже появившееся и довольно заметное брюшко. Светлые и уже начавшие редеть волосы насквозь просвечивали в свете стоявшей за его спиной лампы.

– Сегодня прекрасный вечер, – тихо сказала Кейт, поглаживая пальцами выпуклую поверхность бокала. Она скинула по очереди сначала левую, а затем правую туфлю и, оставшись в колготках, вытянула скрытые длинной юбкой ноги, удобно откинувшись на мягкую спинку дивана.

– Это еще далеко не конец... – нежно ответил он.

– Нет, не стоит торопиться, – игриво сказала Кейт.

– Ты заслуживаешь награды, и мне хочется сегодня позаботиться о тебе, побаловать. – Он придвинулся к ней еще ближе. – Я не хочу уходить от тебя сегодня.

Кейт удивленно подняла брови.

– Как я догадываюсь, женушки нет дома?

– Нет, – покачал он головой, – это неверный муж в отъезде. Я уехал по делу. Хелен уверена, что меня нет в городе.

– Мне не нравятся такие игры, Колин.

– Но я говорю вполне серьезно, старушка.

Несмотря на его легкий тон, она поняла, что он действительно не шутит.

– Это не то, что я хочу...

Раздавшийся в холле телефонный звонок заставил ее замолчать.

Харкорт взглянул на часы.

– Однако уже несколько поздно для того, чтобы звонить кому-либо. Как ты считаешь? Брось, не подходи, пусть катятся к черту и звонят кому-нибудь другому.

Кейт со вздохом поднялась с дивана.

– Но, может быть, случилось что-то важное. Их счастье, если это действительно так... в такое время... – бормотала она себе под нос, идя через холл к телефону.

Харкорт с недовольным видом потягивал бренди и прислушивался к доносившемуся через открытую дверь голосу Кейт.

– Алло. Маккэррик у телефона... – Пауза. – Эдит?.. Что-то случилось?

Сидя в гостиной своего маленького домика в окрестностях города, Эдит Фипс потуже стянула вокруг горла воротник ночной сорочки. Устроившись в плетеном кресле возле маленького столика, на котором помещались только телефонный аппарат и настольная лампа, она украдкой оглядывалась вокруг, словно даже ночные тени способны были подслушивать ее разговор. Когда Эдит наконец заговорила, голос ее звучал возбужденно и тревожно.

– Кейт... послушайте, это важно. Мне кажется, что с Дэвидом что-то произошло.

– О чем вы говорите, Эдит? – Кейт тоже встревожилась. – Вы получили от него какие-то сведения?

– Нет, меня разбудило приснившееся мне видение.

– Видение? – с ноткой раздражения переспросила Кейт. – Эдит, вы знаете, сколько сейчас времени?

– Извините меня, Кейт. Я не хотела вас будить...

– А вы меня не разбудили, – ответила Кейт, между тем как Эдит продолжала говорить.

– ...Но я видела все так ясно, это было так страшно... Я видела, как Дэвид тонул.

– Успокойтесь, – стараясь скрыть беспокойство, как можно более твердо сказала Кейт. – Это был всего лишь сон.

– Нет, это было нечто гораздо большее, – продолжала настаивать Эдит. – Он в опасности. Я чувствую, что ему грозит опасность. Все было так непонятно... Дэвид был под водой, и что-то тянуло его вниз. Ему было так страшно...

– Вы хотите зарегистрировать предвидение?

– Ради Бога, Кейт, не будьте со мной столь официальные. Я звоню вам как Друг. Что-то не в порядке с тем домом, который обследует сейчас Дэвид. Меня не покидает ощущение грозящей ему беды.

Кейт почувствовала, что, несмотря на раздражение, ее тоже охватывает тревога.

– Ваше беспокойство передалось и мне, Эдит. К сожалению, в данный момент мы с вами мало что можем сделать. Слушайте, завтра я при первой же возможности свяжусь с Мариэллами. – Она заметила, что Харкорт, стоя с бокалом в руке в проеме двери, не сводит с нее взгляда. – Он должен был позвонить мне оттуда еще днем, но, должно быть, слишком увлекся установкой оборудования. Насколько я поняла, Эдбрук представляет собой довольно большой особняк.

– А вы не можете позвонить сегодня? Кейт буквально заставила себя противостоять настойчивости медиума.

– Нет, это слишком неприлично. Сейчас уже очень поздно, чтобы беспокоить их.

– Кейт...

– Пожалуйста, Эдит, не волнуйтесь так, – по-прежнему непреклонно, но уже более

мягким тоном сказала Кейт. – Знаете, вполне возможно, что это все-таки не более чем плохой сон. Разве вы не помните, что за ленчем мы как раз говорили о Дэвиде? Вероятно, что наш разговор стал причиной явившегося вам во сне видения.

– Если вы не хотите сделать это сами, позвольте мне туда позвонить.

– Вы же знаете, что это невозможно. Клиентам нашего Института гарантируется абсолютная секретность. Я не имею права даже обсуждать их проблемы с вами. И к тому же у меня нет их телефона. Мне придется поискать его завтра в справочнике. – Кейт взглянула на бокал с бренди в руках Харкорта и почувствовала, что ей самой сейчас нужен хороший глоток. – А теперь, пожалуйста, возвращайтесь в постель и постарайтесь не волноваться – ваше нынешнее состояние едва ли пойдет вам на пользу. Обещаю, что непременно свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю, – неважно, хорошими или плохими будут новости.

– Пожалуйста, Кейт...

– Спокойной ночи, Эдит.

Услышав щелчок разъединения линии, медиум вздрогнула от неожиданности. Прежде чем положить трубку на рычаг, она еще некоторое время в оцепенении смотрела на нее. Потом перевела взгляд на противоположную стену, и мысли ее вновь обратились к Дэvidу Эшу.

Кейт в задумчивости отвернулась от телефона. Перед ней маячила высокая фигура Харкорта.

– Все это звучало довольно мрачно, – сказал он.

– Это одна из сотрудниц нашего Института – она медиум, – в смятении ответила ему Кейт. – Она была очень расстроена.

– Судя по всему, очень нервная особа, – презрительно отозвался он.

– Как правило, она мыслит не менее здраво, чем мы с тобой.

– Здорово? Человек, который общается с призраками? Перестань, Кейт, я допускаю, что ты относишься к исследованию такого рода вещей очень серьезно, но я уверен, что бывают моменты, когда даже ты с трудом веришь во все эти басни.

– Очень редко, – ответила она, проскальзывая мимо него обратно в комнату и беря в руки бокал с бренди. Он последовал за ней, и Кейт, обернувшись, попросила: – Думаю, сейчас тебе лучше уйти, Колин.

Харкорт застыл на месте.

– Да ладно тебе, что я такого сказал? Я не хотел обидеть ни тебя, ни твой Институт. Мне прекрасно известно, как преданно ты относишься к своей работе. Но нам, обыкновенным людям, иногда бывает очень трудно понять, о чем вообще идет речь.

– Я все понимаю, но я очень устала.

– Ты хочешь сказать, что очень занята, – ответил он.

– Мне не хотелось бы спорить и ссориться с тобой и тем самым портить такой чудесный вечер.

– Так давай его продолжим. Послушай, я якобы уехал по делам.

– Скажи жене, что ты справился быстрее, чем рассчитывал. Это будет для нее приятным сюрпризом.

– Ты серьезно? – не веря своим ушам, спросил Колин.

Кейт кивнула и направилась к двери.

– Да какой бес вдруг в тебя вселился? – Харкорт смотрел на Кейт, и недоверие постепенно перерастало в раздражение. – Это как-то связано с тем человеком, о котором ты говорила по телефону? Дэвидом... или как там его?

– Я просто устала. Уходи, пожалуйста, Колин.

Харкорт со стуком поставил недопитый бокал с бренди на столик и бросился к двери, на ходу схватив со спинки кресла свое пальто.

– Я никогда не смогу понять тебя, Кейт, – сказал он скорее с упреком, чем с сожалением.

– Я позвоню тебе завтра, – извиняющимся тоном проговорила вслед ему Кейт.

Он на секунду задержался в дверях.

– Может быть, не стоит беспокоиться?

– Возможно, ты и прав.

Крайне раздраженный, Харкорт выскочил в холл, и Кейт вздрогнула от грохота захлопнувшейся за ним входной двери.

Кейт с бокалом в руке рухнула на диван. Лицо ее выражало крайнюю озабоченность, а все мысли были о Дэвиде Эше.

Наверное, ей следовало поехать вместе с ним, как она уже не раз сопровождала его в прошлом. Ей вспомнился последний такой случай, когда они вместе работали больше года назад...

9

– Когда ты в последний раз был в церкви? – спросила Кейт.

– Спроси что-нибудь полегче, – ответил Эш.

– Как бы то ни было, сейчас у тебя есть шанс наверстать упущенное.

Он взял у нее из рук водку и поморщился, заметив, что она добавила в нее тоник.

– Этот прозрачный яд в чистом виде убьет тебя, – пояснила Кейт, садясь с ним рядом.

Потерев одну пятку о другую, она скинула туфли и забралась с ногами на диван, опершись на подушки и отпивая мелкими глотками белое вино. Эш ждал объяснений.

– Сегодня появилось одно интересное дело, и мне бы хотелось поручить его тебе, – наконец сказала она.

– Это означает, что я должен надеть на себя сутану?

– Нет, но это означает, что ты должен будешь провести какое-то время в церкви.

– Там что, появились призраки?

– Насколько могу судить, они завладели церковью.

Он встал с дивана и прошел в кабинет, чтобы налить себе еще водки. Кейт укоризненно покачала головой.

– Ну что ж, – вернувшись, промолвил он, – расскажи мне поподробнее.

– Сегодня утром ко мне в офис пришли двое мужчин и поведали весьма странную историю. Честно говоря, мне стоило большого труда поверить им. Убедило меня в конце концов то, что оба они были священниками и казались вполне в здравом рассудке.

– Священники пришли в Институт за помощью?

– Один из них – викарий, преподобный Майкл Клеменс, другой – благочинный настоятель собора. Приход викария находится где-то во Врекстоне.

– А где это?

– Неподалеку от Винчестера. Небольшой городок.

– Там, должно быть, не так уж плохо.

– Отнюдь, если верить преподобному. Он постепенно теряет свою паству. Прихожане боятся заходить в церковь. Они готовы поверить, что она находится в руках демонов.

Эш невольно улыбнулся.

– Прекрати, Дэвид. Бедняга говорил совершенно искренне. Честно говоря, он был чересчур взволнован, однако рассуждал вполне здраво.

– Может быть, ему и его благочинному следует обратиться прежде всего к своему начальству.

– О, это они уже делали. Преподобнейший Клеменс сначала рассказал обо всем благочинному, а тот в свою очередь, когда дела стали совсем плохи, поведал о них епископу. Именно епископ и посоветовал им обратиться в Институт, при условии, конечно, что вся работа будет проведена в строжайшей тайне.

– Естественно.

– Да, естественно. Ибо в случае огласки такого дела Церковь окажется в очень глупом положении. У меня сложилось впечатление, что настоятель вообще был категорически

против обращения к нам, но вынужден был подчиниться приказу и согласиться на холодное, бездушное и, что самое главное, беспристрастное научное исследование. Другого выхода у него не было.

– Викарий, должно быть, говорил очень убедительно.

– Почему ты так решил?

– По опыту знаю, что Церковь – в любых своих проявлениях – предпочитает держать такого рода вещи под своим контролем. Если им необходимо изгнать дьявола, они и сами знают, как именно это сделать, – у них есть свое ноу-хау. Зачем же им допускать к делу посторонних и рисковать при этом превратиться во всеобщее посмешище?

– Да просто потому, что эта, скажем, “одержимость дьяволом” стала известна всему городу. Причем половина жителей видит в этом повод для развлечений, а другая половина трясется от страха. Епископ хочет, пока не поздно, положить всей истории конец и считает, что это вполне по силам такому авторитетному учреждению, как наш Институт.

– Думаю, ты привела достаточно убедительные доводы. Когда я должен начать?

– Мы. Над этим делом я буду работать вместе с тобой.

– Для этого есть какие-то особенные причины? – удивленно спросил Эш.

Кейт отвела глаза в сторону.

– Это даст нам возможность почаще бывать вместе. Мы оба так заняты в последнее время... К тому же я давно не занималась практической работой, и мне иногда хочется отправиться на конкретное задание.

Про себя Эш, однако, подумал, что есть, вполне возможно, и еще одна причина. Не собирается ли Кейт поехать вместе с ним, чтобы держать его под присмотром? Не было ли добавление тоника в водку тонким намеком, словно Кейт таким образом хотела сказать: “Я присмотрю за тобой, Дэвид. До меня дошли кое-какие слухи, была даже парочка жалоб, и теперь я вынуждена контролировать тебя”. Он понимал, что Кейт в данном случае не только заботится о добром имени Института, но и беспокоится за него, Дэвида. Однако ее забота больше раздражала его, чем трогала. Его пристрастие к выпивке никакой проблемы не составляло, он умел держать себя в руках. Нет, настоящей проблемой была внутренняя тревога, смутное беспокойство, с которым ему невозможно было совладать, ибо он не знал его причины. Именно потому, что он не мог определить его источник, противостоять приступам душевной тревоги оказывалось непросто. Алкоголь, по крайней мере, притуплял их остроту.

Кейт коснулась его руки, и он заставил себя прервать подобный ход мыслей.

– Думаю, мы сможем отправиться во Врекстон завтра, – сказала она. – Ты останешься у меня на ночь?

Вопрос был задан как бы невзначай, но ее большой палец мгновенно перестал гладить его руку. Она ждала ответа.

– Мне кое-что понадобится.

– Мы сможем заехать за твоими вещами по пути.

Эш и сам не мог понять, почему мозг его лихорадочно ищет причины для отказа. Что же, черт побери, с ним происходит?

– Потрясающий энтузиазм? – уточнила Кейт.

– Я очень хочу остаться и сам хотел просить у тебя разрешения.

Ответ, конечно, запоздал, но пальцы Кейт тем не менее крепко сжали его руку.

– Может быть, поговорим об этом позже, – предложила она.

Она имела в виду те волнующие мгновения близости и трогательной нежности, когда их обнаженные тела тесно переплетутся друг с другом и темнота отгородит их от всего мира, оставив наедине.

– В этом действительно есть необходимость? – спросил он, и скрытый подтекст этого вопроса был для нее совершенно очевиден.

– Ты же знаешь, что есть, – ответила она.

* * *

Им и в самом деле необходимо было поговорить, но в ту ночь разговор не состоялся. Кейт, правда, попыталась, но и она была слишком утомлена – они так интенсивно занимались любовью, что совершенно обессилели. Дэвид мог быть погруженным в себя, у него часто менялось настроение, но он никогда не страдал от недостатка страсти, думала Кейт, и слава Богу!

Кейт вырулила на своем “Саабе” с боковой дороги и поехала в сторону Винчестера. Скоро должен был появиться указатель на Врекстон. Покосившись на Эша, она увидела, что тот спит, свесив голову на грудь и покачиваясь в такт машине. Ну вот, спасибо большое, в дальнем пути всегда приятно иметь хорошего попутчика. Он, правда, предлагал ехать на его машине, но, во-первых, ей не понравилось то, в каком она состоянии, и, во-вторых, ей не нравилось состояние, в котором зачастую садился за руль Дэвид. Конечно же, он не доводил себя до ручки, но в один прекрасный день его все же поймут на этом. Может быть, это будет и к лучшему.

Дэвид, мысленно обратилась она к нему, проснись, Дэвид, ради себя самого, ради нас, проснись, пока еще не поздно.

– Проснись, Дэвид, – сказала она вслух. – Мы почти на месте.

Что он и сделал.

Однако душа его по-прежнему спала...

* * *

Дверь в церковь была приоткрыта. Эш переступил порог и сразу же ощутил дискомфорт. Помимо всего прочего в церкви стоял ледяной холод, здесь было даже холоднее, чем на улице. Неужели в церквях всегда царит такая смута? Душевное тепло – это одно, но если в этих молельнях будет тепло еще и физически, то их станет посещать больше людей. Он пошел к центральному приделу, и каждый шаг гулко отдавался под сводами. Он в шутку представил себе, что это шаги призрака, идущего за ним по пятам.

Эш остановился и внимательно осмотрел придел, вплоть до нефа и алтаря, убедившись, что здесь нет ничего настораживающего. Лишь полумрак. Высокий алтарь с распятием и свечами, покрытый льняной тканью, не вызывал у Эша никаких возвышенных эмоций. В тусклом свете, проникавшем сквозь витражи окон, белая материя казалась грязно-серой. Он уже хотел было повернуться и уйти, но тут заметил, что перед барьером, возле которого принимают причастие, кто-то стоит на коленях.

Позади себя он услышал голоса, один из которых принадлежал Кейт. Обернувшись через плечо, он увидел ее и рядом с ней, судя по всему, преподобного Майкла Клеменса. Они входили в ту же дверь, в которую чуть раньше вошел он сам. Преподобному Клеменсу было лет сорок-сорок пять, он был худ лицом и фигурой, и, наверное, самой заметной его чертой были очки с толстыми стеклами в роговой оправе. Кейт представила мужчин друг другу, вместо рукопожатия викарий сделал какой-то скользкий жест, лицо его, лишенное улыбки, выражало лишь беспокойство.

– Большое спасибо, что приехали, – произнес он. – Быть может, вы сумеете убедить моего епископа в том, что церковь святого Марка перестала быть подходящим местом для христиан.

– Боюсь, что вы ошибаетесь, – ответил Эш. – Мое намерение состоит как раз в том, чтобы доказать вам, что здесь не происходит никакого святотатства. Во всяком случае, если говорить о настоящих призраках.

Священник взглянул на Кейт.

– Но я думал...

– При проведении Институтом исследования в области так называемых паранормальных или сверхъестественных явлений в большинстве случаев выясняется, что

причины, вызывающие их, вполне естественны, хотя обстоятельства могут быть достаточно таинственными, – пояснила она. – У Дэвида огромный опыт в решении такого рода загадок.

– Понимаю, – разочарованно протянул преподобный Клеменс. – Но боюсь, что в данном случае вы можете потерпеть неудачу.

– Должен вам сказать, что такого рода вещи, как правило, являются делом рук вандалов или хулиганов, – спокойно ответил Эш. – Либо это может быть кто-то, кто затаил обиду на церковь или даже лично на вас.

– Полагаю, вам уже рассказали, что именно здесь происходит?

– Дэвид предпочитает начинать исследование, как можно меньше зная об обстоятельствах и о том, что имело место ранее, – объяснила за Эша Кейт.

– Никаких предварительных и предвзятых теорий, понимаете? – добавил Дэвид. – Но в данном случае придется, вероятно, сделать исключение.

Кейт бросила на него удивленный взгляд.

– Это поможет нам сэкономить уйму времени, – пояснил Дэвид, видя ее недоумение.

– Кровь, мистер Эш.

Оба одновременно повернулись к преподобному Клеменсу.

– Стены и статуи были испачканы кровью. Святые одежды промокли насквозь. Однажды утром я вошел и увидел, что крестильная купель наполнена кровью.

– Где-нибудь были экскременты?

– Простите?

– Люди, проникающие в церковь с дурными намерениями, как правило, стремятся воплотить их в самых отвратительных формах. Экскременты и моча в этом случае служат наиболее простым и очевидным средством.

– Нет, ничего подобного я не видел, ничего до такой степени мерзкого.

– Кровь вызывает не меньшее омерзение. Где эти святыне одежды? Мы могли бы взять кровь на анализ.

– Боюсь, я их сжег. Я не хотел, чтобы хоть что-нибудь напоминало об этом святотатстве.

– Жаль. Какие еще были случаи осквернения?

– Позапрошлой ночью была подожжена заалтарная завеса. Счастье еще, что не сгорела вся церковь.

Викарий повел их по центральному приделу к нефу, по пути указывая на стоявшие в боковых приделах статуи.

– Видите, как они повреждены, изуродованы? Я собственными руками отчищал их от наиболее оскорбительных надписей и других безобразий.

Эш очень удивился, что стоявший на коленях возле барьера для причастия человек исчез. Массивная колонна закрывала ему обзор, но он был почти уверен, что за нею находится еще одна дверь. Когда они подошли еще ближе к алтарю, он убедился, что его предположение оказалось правильным. В тени была видна узкая, но глубокая ниша, скрывавшая маленькую боковую дверь.

– Церковный орган поврежден до такой степени, что починить его невозможно, – продолжал рассказывать викарий, потом указал на кафедру проповедника. – Все резные детали расколоты в щепки, а на дереве остались царапины, похожие на след звериных когтей. Взгляните на эту боковую дверь. – Он подвел их к нише, которую Эш заметил чуть раньше. – Такое впечатление, что ее рубили топором. Такие же следы есть и на другой двери.

– Я их не заметил, – сказал Эш.

– Не мудрено. Ведь они с внутренней стороны. Это сделал не тот, кто хотел войти в церковь снаружи, мистер Эш.

Эш хмурился, внимательно изучая маленькую дверь.

– И, наконец, свечи. Не один раз, придя утром в церковь, я обнаруживал, что все до единой свечи либо зажжены, либо уже сгорели до основания.

– Дом викария совсем рядом с церковью, – вступила в разговор Кейт. – Неужели вы не видели и не слышали ничего подозрительного?

– Мисс Маккэррик, не один раз я всю ночь напролет дежурил возле церкви святого Марка, и ни разу вокруг нее не было заметно даже малейшего движения. Единственный звук, который я слышал в ночи, – удар колокола. Когда я провожу вас на колокольню, думаю, вы согласитесь со мной, что это не могло быть делом рук смертного.

* * *

Подъем на колокольню заставил Эша буквально задохнуться, к тому же он почувствовал страх, поскольку последний лестничный марш оказался очень ветхим – дерево от старости громко скрипело.

– Подождите, минуточку, я сейчас найду выключатель, – сказал священник и исчез в проеме двери, ведущей непосредственно на колокольню. – Боюсь, дневного света здесь недостаточно.

Последовав за ним, Эш и Кейт поняли, почему там так темно: окна были крест-накрест заколочены досками, и потому в помещение проникали лишь тонкие лучики света. К поперечной балке была приделана лампочка без абажура.

Эш указал на массивные колокола, которые висели над отверстиями в полу.

– Теперь понимаю, что вы имели в виду, – колокола без веревок.

– Они без языков, мистер Эш. Языки исчезли задолго до моего приезда сюда, и никто из здешних жителей не знает, когда и как это случилось. А сами колокола давным-давно проржавели. Боюсь, что церковь святого Марка никогда не найдет достаточно средств, чтобы снова привести их в порядок. Никто из моих прихожан не обладает столь щедрым сердцем, чтобы пожертвовать крупную сумму денег.

Он наклонился вперед и ладонью стер пыль с одного из колоколов.

– Как видите, эти колокола никак не могли звонить. И все же один из них неоднократно звонил по ночам, причем звук был очень чистым и громким. Мне казалось, что я слышу погребальный звон.

* * *

– Почему на этот раз ты сделал исключение? – вечером спросила Кейт.

– Что?

Она открыла дверцу “Сааба”.

– Меня интересует, почему ты захотел узнать факты заранее.

– Интуиция, вот и все, – ответил Эш.

– Ты считаешь, что это все дело рук обыкновенного смертного?

– Ради бога, Кейт! Ты же знаешь, что это на самом деле так.

– Тебе именно это и придется доказать, – улыбнулась Кейт, но неожиданно ее улыбка стала напряженной. – Дэвид... мы так и не поговорили...

– Они ждут меня. Викарий с женой хотят, чтобы я вместе с ними помолился, прежде чем сесть за стол.

– Ужин может подождать.

– Нет. Кейт, сейчас не время. Возвращайся в Лондон. Поговорим, когда все закончится.

– Ты снова уходишь от разговора на эту тему.

– Мы же с самого начала с тобой договорились: никаких обязательств. Помнишь? Нас обоих это устраивало. Господи, после истории с твоим замужеством я думал, что ты первая будешь настаивать на соблюдении этого условия.

– Иногда я забываю об этом. – Она села в машину и включила мотор. Прежде чем захлопнуть дверцу, она спросила, глядя в сторону: – Ты позвонишь мне?

– Кейт...

Дверца захлопнулась, Кейт на секунду встретилась с ним взглядом, и “Сааб” рванул с места.

Эш проводил взглядом машину. Он не злился на себя, но чувствовал в душе безысходное отчаяние. Чего же, черт побери, он хочет на самом деле? Почему он всегда все разрушает? Нет, не так, это, пожалуй, чересчур сильно сказано. Сначала он позволял отношениям развиваться самим по себе, потом они так же сами по себе остывали... Он никому не хотел причинить боль, но одновременно не стремился дать слишком много.

Он вернулся к дому викария и увидел, что преподобный Клеменс ожидает его на пороге.

– Мы уже садимся ужинать, мистер Эш. Роз-мари послала меня за вами.

Вслед за священником он вошел внутрь, в душе жалея, что до окончания своего исследования согласился жить в доме викария. Лучше бы ему снять комнату в местной гостинице, хотя, конечно, постоянное пребывание рядом с церковью тоже имело свои преимущества.

За ужином викарий развлекал его рассказами о Врекстоне и его обитателях, в первую очередь о своих прихожанах. Он очень сожалел о том, что из-за неприятностей церковь святого Марка могут закрыть, и тогда ему и его жене придется переехать в другой приход. Несколько раз Эш ловил на себе пристальный взгляд Розмари, которая поглощала столовое вино в еще больших количествах, чем он сам, причем она не всегда вовремя успевала опустить глаза. Она выглядела моложе своего мужа, хотя и не намного, не больше чем на пару лет. Несмотря на некоторую полноватость, ей нельзя было отказать в привлекательности.

Эш с облегчением вздохнул, когда ужин наконец закончился и он получил возможность выйти из дома и отправиться в церковь, чтобы проверить установленное им оборудование. Беседа с преподобным Клеменсом доставила ему мало удовольствия, а взгляды Розмари, задерживавшиеся на нем слишком долго, вызвали немало неприятных ощущений.

После осмотра церкви Эш позвонил Кейт с переговорного пункта на главной улице. Он сказал, что докладывать пока не о чем, и подумал, что Кейт, наверное, про себя добавила: и говорить тоже не о чем. Я позвоню тебе завтра. Если хочешь. Кейт, послушай, давай закончим это исследование. Конечно, Дэвид, это очень важно. Я не имел в виду... Знаю. Держи меня в курсе всего, Дэвид.

Кейт попрощалась с ним весьма холодно, и Эш направился в ближайший кабачок. Спустя некоторое время он вернулся в дом викария.

У него был свой ключ, и Дэвид, стараясь шуметь как можно меньше, тихо поднялся по лестнице, не желая беспокоить в столь поздний час преподобного Клеменса и его жену. В тот момент, когда он уже готов был переступить порог своей комнаты, послышался какой-то шорох – за его спиной кто-то был.

В проеме расположенной напротив двери, придерживая рукой полы халата, стояла Розмари Клеменс.

– Вы меня испугали, – сообщил он.

– Я хотела извиниться за причиненное вам за ужином беспокойство, – приглушенным голосом сказала она.

Он удивленно уставился на нее.

– Мой муж без конца может говорить о своей работе и о своей так называемой пастве. Иногда это бывает весьма утомительно, слишком уж он о них заботится.

Эш чувствовал себя очень неловко. Женщина стояла от него всего в нескольких футах, и рука ее больше не стягивала полы халата. Эш изо всех сил старался не смотреть в образовавшуюся между ними щель.

– Вам не за что извиняться.

Она сделала шаг вперед.

– Не хотите ли пропустить на ночь стаканчик? Всего один? Мне всегда трудно бывает так рано заснуть. Не то что Майклу. – Она кивнула в сторону закрытой двери, расположенной дальше по коридору. – Мы уже много лет спим в разных комнатах, Дэвид.

– Сейчас не так уж и рано, – ответил Эш. – Уже ночь, а рано утром мне необходимо

приступить к работе.

– И все же вы ведь не откажетесь выпить? – Она подошла еще ближе. – Мне хотелось бы поговорить с вами. Всего несколько слов. Только поговорить. Вы представить себе не можете, каково это...

Оба вдруг застыли на месте. В тишине ночи гулко прозвучал удар церковного колокола.

* * *

Кейт сидела в машине, съезжившись от холода и изнывая от скуки. Говоря позавчера вечером Дэвиду о том, что ей необходима конкретная, практическая работа, она и представить себе не могла, что придется заниматься слежкой. Чтобы хоть немного согреть руки, она подула на пальцы.

Глядя на темнеющий силуэт церкви святого Марка, на простирающееся до самой дороги кладбище с черными могильными камнями и надгробиями, она легко могла представить себе, что это место посещают призраки. Уже одна только колокольня, взметнувшаяся к клубящимся в небе облакам, за черными проемами которой таился леденящий мрак, способна была внушить суеверный страх. Она не завидовала Дэвиду, когда прошлой ночью ему пришлось в самое жуткое время взбираться наверх по шатким ступеням, чтобы выяснить, каким образом колокол умудряется звонить. Войдя в церковь святого Марка, он увидел, что вся установленная им измерительная аппаратура, стены и святые иконы забрызганы кровью. Все до единой свечи ярко горели.

Однако ему не удалось никого обнаружить.

Даже на колокольне.

Низкий гул первого и единственного удара затих еще до того, как он вошел в церковь, а когда он наконец добрался до колокольни, тот (или то), кто звонил в колокол, исчез, оставив после себя лишь поврежденное оборудование.

Кейт с трудом сдерживала желание завести хоть ненадолго мотор и включить в машине печку, чтобы согреться. Она искренне надеялась, что Эш, который открыл церковь своим ключом, оставленным ему преподобным Клеменсом, и находится сейчас внутри, мерзнет не меньше, чем она.

Викарий и его жена считали, что он вернулся в Лондон, чтобы заменить испорченное оборудование и прихватить дополнительные приборы, а через пару дней продолжить расследование. На самом деле Кейт в тот же вечер привезла его назад, после того как он пересказал ей одну весьма интересную местную сплетню, подслушанную им в кабачке (великолепное место, чтобы узнать все городские новости). Даже сейчас ее не покидали сомнения. Здесь безусловно совершалось преступление, и не лучше ли поставить обо всем в известность местную полицию? Но принятие такого решения не входило в компетенцию Института – слово оставалось за викарием или его начальством. Если бы преподобный Клеменс не помешался на идее “одержимости дьяволом”, полиция обо всем давно узнала бы и подключилась к работе.

Кейт протерла запотевшее стекло и старалась сдерживать дыхание, чтобы окно оставалось чистым хотя бы некоторое время. Вот оно, опять! На улице кто-то был! Кто-то шел через кладбище, пробирался тайком! И направлялся в сторону церкви! “Надеюсь, ты не заснул там, Дэвид!” – мысленно взмолилась Кейт. Как можно бесшумнее она открыла дверцу машины.

* * *

Эш сидел в дальнем конце церкви, спрятавшись за каменную колонну. Сюда проникал лишь свет луны в те мгновения, когда она выплывала из-за мчавшихся по небу туч. Он поднял воротник пальто, запахнул лацканы и глубоко засунул руки в карманы. И все равно дрожал от холода. Откуда-то из темноты до него донесся шум.

По его лицу скользнул легкий ветерок – где-то открылась дверь.

Вот оно: темная тень с размытыми очертаниями двигалась в темноте.

Эш с замиранием сердца застыл на месте и ждал, что произойдет дальше.

Чиркнула спичка – в пустой церкви звук показался удивительно громким. Зажглась одна свеча, за ней другая... Фигура двигалась, казалось, почти скользила, вдоль прохода, одну за другой зажигая все больше и больше свечей. Церковь осветилась, и Эш, пока еще остававшийся в тени, пригнулся, стараясь рассмотреть фигуру незваного посетителя, которая теперь была видна гораздо лучше.

Она была согнута, словно человек носил на спине горб, одета в какой-то свободный балахон, напоминавший монашескую рясу, голову закрывал большой капюшон.

Эш наконец понял, почему человек показался ему горбатым, – тот нагнулся, чтобы поднять что-то с пола, что-то очень тяжелое.

Эш увидел, что это была канистра... человек поливал из нее какой-то жидкостью алтарь...

* * *

Кейт прихватила с собой фонарик, но включать его не стала.

Она остановилась за церковной оградой и вошла в нее только после того, как человек, за которым она следила, скрылся из вида. Калитка громко скрипнула, и Кейт от досады и страха лязгнула зубами.

Она ускорила шаги, не желая надолго выпускать фигуру из поля зрения. Кто бы это ни был, он, как догадалась Кейт, шел к маленькой боковой двери церкви. Под ногами хрустнул гравий, и Кейт пошла по траве, стараясь не споткнуться о камни и надгробные плиты, с трудом подавляя отчаянное желание включить фонарик.

Дойдя до угла церкви, Кейт осторожно заглянула за него. Никаких признаков присутствия человека, которого она преследовала...

Ее внимание привлек послышавшийся справа шорох. Так и есть: чья-то тень скользит среди надгробий. Но она движется в противоположном от церкви направлении.

Кейт прищурилась. Этого не может быть! Украдкой пробиравшийся по кладбищу человек шел к дому vicария.

* * *

Фигура в капюшоне со свечой в руках вышла на середину церкви, и Эш скользнул под скамью.

Человек на мгновение остановился и огляделся вокруг, словно чувствуя чье-то присутствие, и Дэвид спрятался как можно глубже. Затаив дыхание, он боялся пошевелиться, пока шаги не возобновились.

Как только человек прошел мимо скамьи, под которой скорчился Эш, он высунул голову. Сзади казалось, что над головой незнакомца светится нимб – такое впечатление создавал отблеск свечи, которую тот держал у самой груди. Человек приблизился к двери, ведущей на колокольню.

На какое-то время лестница осветилась, но по мере того как человек поднимался выше, снова погружалась во мрак. Эш бесшумно прополз вдоль скамьи, потом бросился к алтарю, где тоже горели вынутые из подсвечников свечи. Разлитая вокруг жидкость отражала их свет.

Он буквально взлетел по ступеням к алтарю, опасаясь, что свечи стоят в луже бензина.

Но запаха бензина он не почувствовал – пахло чем-то другим. Запах был тяжелым и неприятным. Эш резко остановился перед алтарем, коснулся пальцами жидкости и понял, что это кровь.

* * *

– Стойте на месте!

Кейт включила фонарик и направила его луч прямо в лицо незнакомца. Она видела, как он, крадучись, приблизился к дому, тайком заглянул в освещенные окна, а затем осторожно двинулся к задней двери. Но тут она с шумом обо что-то споткнулась и тем самым выдала свое присутствие. Человек резко повернулся и пригнулся, словно ожидая нападения. Кейт ничего другого не оставалось – она перешла в атаку и ослепила его светом фонарика.

– Что вы здесь делаете? – стараясь, чтобы голос не дрожал от страха, спросила она.

– Выключите этот чертов свет! – потребовал он.

Ни за что, подумала про себя Кейт.

– Я спрашиваю, какого черта вам здесь нужно?

– Не суйтесь не в свое дело и выключите фонарь, уберите свет от моего лица!

Человек шагнул к Кейт, и она с трудом удержалась, чтобы не удрать со всех ног. Мы говорим достаточно громко, чтобы разбудить Дэвида, не говоря уже о тех, кто в доме, убеждала она себя, не бойся и держи себя в руках.

Задняя дверь в доме викария распахнулась, и вырвавшийся изнутри свет осветил фигуру с ног до головы.

– Что здесь происходит?

Кейт узнала голос жены викария Розмари.

– Эрик, это ты?

– Замолчи, Розмари, – не оборачиваясь, сказал человек.

Стоявшая в дверях женщина, щурясь от яркого света фонаря, всматривалась в темноту позади человека, которого она назвала Эриком.

– Майкл, ты же сказал, что у тебя сегодня вечером встреча с настоятелем и потому ты вернешься поздно.

Кейт наконец начала догадываться, в чем дело.

– Значит, это дело рук вас обоих? Это вы устраивали все эти безобразия в церкви! Господи! Как же вам не совестно издеваться таким образом над мужем, миссис Клеменс?

– Кто там? Кто вы?

Кейт вышла вперед, по-прежнему держа фонарик направленным на мужчину, словно луч света был оружием в ее руках.

– Я Кейт Маккэррик, миссис Клеменс. Из Института экстрасенсорики. Вчера я была у вас вместе с Дэвидом Эшем.

– Но... но что вы здесь делаете? – женщина, словно боясь вот-вот упасть, ухватила руку за косяк двери.

– То, что вы изменяете мужу, это, конечно, ваше личное дело, – заговорила вновь Кейт, входя в полосу льющегося из открытой двери света. – Хотя, Бог свидетель, о ваших похождениях известно всему городу. Но осквернять церковь и тем самым доводить мужа до нервного срыва – это уже нечто совсем другое. – Она наконец выключила фонарик, и мужчина с облегчением потер глаза. – Зачем вы так мучаете своего мужа, миссис Клеменс? Чего вы хотите этим добиться?

– Она сошла с ума! – воскликнул мужчина, которого Розмари называла Эриком, злобно глядя на Кейт. – Ты просто ненормальная! – рявкнул он на нее.

– Думаю, вам обоим придется объяснить очень многое, – спокойно ответила Кейт. – Полиция не церемонится с...

Она вдруг замолчала, и все трое как по команде повернулись в сторону серой громады церкви, откуда снова донесся звон колокола.

* * *

Эш поднимался по каменным ступеням внутри колокольни, подгоняемый тяжелым гулом колокола, таким громким в замкнутом пространстве лестницы, что Дэвид буквально

оглох. Он торопливо взбирался все выше и выше, освещая себе путь фонариком, уже задыхаясь и чувствуя боль в ногах. Он споткнулся, ободрав ногу о камень, но тут же снова бросился вперед, полный решимости (хотя в душе уже почти знал правду) выяснить наконец, что за “призрак” посещает церковь святого Марка. Он чувствовал, что в этом храме божьем происходит что-то нехорошее, что в нем царит нездоровая атмосфера, но был абсолютно уверен, что дьявол здесь ни при чем. Разложение – сейчас ему в голову не приходило никакое другое слово – связано со слабостью человеческой натуры, а не с богохульством призраков. От преподобного Клеменса паства отворачивалась отнюдь не по вине церковного здания и не по причине духовного падения.

Добравшись до второго яруса, Эш остановился, чтобы передохнуть, и опустил фонарь. Дальше ступеньки были деревянными и скрипели – ему придется подстраивать шаги под удары колокола и эхо от этих ударов. Сквозь люк и отверстия для веревок над головой просачивался тусклый свет свечи.

Эш не стал больше задерживаться. Ему предстоял самый опасный отрезок пути, а звон колокола достиг своего апогея и стал поистине оглушительным.

Мерцающий свет наверху исчез, словно кто-то намеренно заслонил свечу. Эш поднимался очень медленно, придерживаясь рукой за верхние ступеньки лестницы. Наконец он добрался до люка и предусмотрительно пригнулся, только чуть-чуть высунув голову. Тень человека в капюшоне на противоположной стене казалась огромной.

Эш пролез через люк и увидел стоявшего на коленях спиной к нему человека, одетого в балахон и что-то делавшего возле стены.

Нестерпимо громкий колокольный звон все звучал и звучал, хотя колокола оставались неподвижными, как и скорчившийся у стены человек.

– Немедленно выключите! – рявкнул Эш, не в силах больше выносить этот ужасный грохот. Но человек, похоже, не слышал его.

Эш рванулся к нему, забыв о страхе и кипя от ярости.

– Выключите! – снова крикнул он и включил фонарик, направив его луч на фигуру человека на камнях.

Незнакомец на мгновение застыл на месте, потом медленно обернулся.

Эш держал в вытянутой руке фонарик, словно это был заряженный пистолет.

В первый момент ему показалось, что под капюшоном никого нет, – такая чернота царила внутри. Но луч фонарика высветил вдруг лицо.

– Выключите! – в третий раз крикнул Эш, хотя понимал, что из-за оглушительного гула услышать его невозможно. Он уже готов был оттолкнуть скорчившегося человека и одним ударом заставить этот чертов механизм замолчать, ибо не мог больше выносить буквально сводящий его с ума грохот, эхом отдававшийся от стен и оттого еще более громкий в замкнутом пространстве колокольни. Но даже не слыша ни слова, викарий понял, чего требует от него Эш. Он пошарил за стеной и щелкнул выключателем.

И в ту же минуту пришло облегчение, хотя прошло еще какое-то время, прежде чем стихло эхо.

* * *

– Теперь пусть разбираются сами, – сказал Эш, когда вместе с Кейт они шли через кладбище к “Саабу”. – Мы свое дело сделали, а все остальное – их проблемы.

Помощник настоятеля бесшумно закрыл за ними дверь дома викария, где сам настоятель в это время беседовал по душам с викарием.

– Отчет о результатах исследования Института не принесет ему пользы, – грустно сказала Кейт.

Она была подавлена не столько потому, что все дело яйца выеденного не стоило и свелось к обыкновенной человеческой слабости и моральному падению, сколько из-за симпатии, которую она испытывала к викарию, из-за сочувствия к нему.

– Это уже не наша проблема, – резко ответил Эш. – Ему следовало обратиться за помощью к своему начальству.

– Тебе не кажется, что викарию не так-то просто признаться в том, что его жена переспала с половиной мужчин в городе?

– Ну уж не с половиной, – пожал плечами Эш. – Но их было достаточно, чтобы дать пищу для сплетен. Мне кажется, что за все эти пересуды за его спиной он ненавидел своих прихожан даже больше, чем жену.

– Но имитировать одержимость нечистой силой...

– Он хотел, чтобы церковь святого Марка закрыли навсегда. Он мечтал уехать отсюда и начать все сначала. Разве можно его винить?

Кейт открыла водительскую дверь, а Эш обошел машину, сел в нее с другой стороны и провел ладонями по лицу.

– Я совершенно разбит, устал, как собака.

– Пожалуйста, не засыпай на обратном пути, мне нужен собеседник ночью, – она взглянула на часы, – точнее, уже утром. – Кейт захлопнула дверь. – Ты знал обо всем с самого начала?

– Нет, – устало покачал он головой. – Но подозревал. Он отнюдь не похож на неврастеника. Сейчас уже нет смысла отправлять на анализ залитый кровью покров, но голову даю на отсечение, что это кровь животного. Уверен, что где-нибудь поблизости в поле или в реке мы могли бы обнаружить парочку трупов бродячих собак или кошек.

– Это ужасно! Ведь он слугитель Господа!

– Доведенный до крайности. Возможно, у него все же не совсем в порядке психика. Можно ли с уверенностью утверждать, что во всем виновата одна лишь Розмари? Что меня действительно интересовало, так это то, каким образом он все это проделывал. – Эш вытащил пачку сигарет и закурил. – Кровь, свечи, поджоги, беспорядок – устроить все это с легкостью мог любой, кто имел доступ в церковь. Создавалось впечатление, что тот, кто устраивал все эти безобразия, был вне себя от ярости, но если задуматься... никакого серьезного ущерба церкви причинено не было. Если бы он не контролировал себя, если бы его не сдерживали святыне обеты, им данные, он вообще мог бы спалить церковь.

Оставалась лишь одна загадка: как ему удавалось звонить в колокол?

– Обыкновенный таймер, подсоединенный к магнитофону.

– Именно. Сегодня у него не было времени установить его, потому что большую часть вечера он провел с настоятелем.

Кейт повернула ключ зажигания, и мотор “Сааба” заработал.

– Розмари думала, что он пробудет у настоятеля до поздней ночи и что ее нынешний любовник может прийти к ней без всяких опасений.

– А тем временем преподобный, уверенный, что я благополучно вернулся в Лондон, под каким-то благовидным предлогом рано ушел от настоятеля. Конечно, с его стороны все это было довольно глупо – рано или поздно я все равно нашел бы магнитофон, даже если для этого мне пришлось бы оторвать одну за другой все доски пола или даже разобрать колокольню.

– Думаю, что он не был способен рассуждать здраво.

Эш глубоко затянулся и откинулся на спинку сиденья.

– На откровенный вызов это тоже не слишком похоже. Но есть одна деталь, которая до сих пор не дает мне покоя.

Кейт бросила на него вопросительный взгляд.

– Когда я позавчера впервые вошел в церковь святого Марка, я увидел, что возле алтаря кто-то есть. Этот кто-то или стоял на коленях, или был очень маленького роста. Теперь я думаю, что, возможно, это был ребенок.

Я решил, что этот некто вышел из церкви через боковую дверь, но через несколько минут мы осмотрели ее и она оказалась запертой на засов изнутри изнутри. Пройти незамеченным мимо нас этот человек никак не мог, спрятаться тоже было негде.

Кейт и Эш одновременно оглянулись и посмотрели на темневший за кладбищем силуэт церкви.

10

Пар клубами поднимался вверх, касался потолка и влажными каплями стекал по белому кафелю. Слышались только всплески воды и звуки интенсивного трения губки о тело: процесс, происходивший в ванной, представлял собой не только физическое очищение. Эш с таким остервенением тер свое тело, как будто стремился содрать с себя кожу, чувствуя, что мерзкая грязь проникла под нее и испачкала душу. Ощущение совершенно иррациональное, но избавиться от него никак не удавалось. Грязь в конце концов была смыта, но скверна внутри осталась.

Ванна была поистине огромной, эмаль под старинными вертикальными кранами потемнела от времени и покрылась бурыми пятнами; гнутые ножки словно деформировались под невероятной тяжестью. Над массивной квадратной раковиной висело маленькое запотевшее мутноватое зеркало, рядом стоял табурет, бледно-зеленая краска на котором потрескалась и местами облупилась.

Он наконец вылез из воды, мокрые темные волосы облепили голову и тело. Вытерев пальцами глаза и проведя ладонью по небритому подбородку, Эш шагнул из ванны и направился к висевшему на перекладине за дверью большому полотенцу, стараясь не поскользнуться на блестящем гладком полу. Он яростно растирался жесткой тканью, начиная с головы и постепенно двигаясь вниз, как бы продолжая процесс очищения. В какое-то мгновение он вдруг замер, повернулся к двери и прислушался. Но ничего не услышал – Эдбрук погрузился в тишину. Эш закончил вытираться и натянул на все еще влажное, распаренное тело халат.

Выдернув пробку, закрывавшую сливное отверстие, Эш руками стал стирать со стенок ванны грязные следы, оставленные уходящей водой. Как загипнотизированный, он смотрел на образованную водой воронку возле отверстия, и мысли его в эту минуту были далеко, в совершенно ином времени, подхваченные гораздо более мощным водяным вихрем... Потом он вдруг вздрогнул и вернулся к реальности. Эш глубоко вздохнул, и горло наполнил влажный пар, он сделал долгий выдох, чтобы очистить легкие и заставить себя хоть немного успокоиться.

Ванна наконец опустела, Эш направился к дверям и увидел, что ручка тоже мокрая и скользкая. Прежде чем взяться за нее и повернуть, он какое-то мгновение колебался – его не покидало странное ощущение, что за дверью его кто-то поджидает. Из темного, но пустого коридора на него пахло холодом.

Приглаживая на ходу волосы, Эш босиком вернулся к себе в спальню. Несмотря на возбужденное состояние, он чувствовал себя смертельно усталым и совершенно разбитым.

Заперев за собой дверь, он направился к бюро, на котором были разложены его записи и наскоро сделанные наброски планировки дома. Теперь рядом с ними стоял и стакан, и Эш торопливо плеснул в него приличную порцию водки. Он сделал большой глоток, потом еще один, подождал, пока тепло разольется в груди, а голова станет ясной, как прежде, потом подошел к окну. Выглянув в парк, он с облегчением увидел, что из этой части дома не видны ни терраса, ни пруд.

Ему не нравились скульптуры в парке и тени, отбрасываемые деревьями и кустами. Мог ли он быть уверен, что они являются именно тем, чем кажутся? Да что, черт возьми, с ним происходит? Он упал в пруд, потому что его кто-то толкнул, но этот кто-то не был собакой! И он подумал... вообразил, что именно этот кто-то был рядом с ним в воде, пытался его утопить. Но это мимолетное видение отступило, его заслонили ужасные воспоминания о событиях, происшедших много лет назад, К черту! Он должен взять себя в руки и начать мыслить логически. С Мариэллами связана какая-то тайна, он чувствовал, что они скрывают от него что-то. Идиот! Он сам не велел им ничего говорить, во всяком случае на этой стадии

расследования. Он едва не позволил одному-единственному событию разрушить все остальное. Все члены семьи искренне верят, что их преследуют привидения, он же считал своей задачей разубедить их, представив бесспорные доказательства того, что все происходящее в Эдбруке вызвано вполне земными, рациональными причинами. Привидения, призраки, неприкаянно бродящие души не могут существовать на самом деле. Через день-два, а быть может, и раньше он сумеет это доказать. А сам он вновь обретет уверенность.

Он с отвращением отвернулся от окна и направился к кровати, прихватив по пути бутылку с водкой и стакан. Поставив то и другое на тумбочку возле кровати, чтобы всегда были под рукой, он скинул халат и скользнул под одеяло.

Прикосновение холодных простыней заставило его вздрогнуть. Погасив лампу, он заметил, что тусклая луна почти не дает света. Широко открытыми глазами он смотрел в темно-серое пространство над головой...

* * *

Ни огонька, ни отблеска света изнутри. На фоне черных ночных туч вырисовывалась темная громада Эдбрука. По парку проносился легкий ветерок, он шуршал листвой и шевелил ветви деревьев. В лесу охотились ночные звери и птицы, мгновенно и яростно нанося удары своим жертвам. На стволах деревьев поблескивал зеленовато-голубым светом лишайник, в траве ползали и прыгали жучки. Иногда сквозь разрывы в тучах виднелся бледный, излучающий призрачное сияние диск луны.

Эш спал в доме. Но сон его был тревожным, беспокойным.

Ему снилась вода, вокруг него бурлил и пенился водоворот, давящий со всех сторон. Время от времени ему удавалось чуть приподняться над поверхностью, и тогда с обеих сторон он видел уже недостижимые, удаляющиеся берега. Он закричал, и рот его наполнился ледяной жидкостью, это ужасное ощущение было ему знакомо.

Стремительное подводное течение тащило его вниз, и он вновь скрылся под водой. В глубине рядом с ним кто-то был, неясная тень, как и он, пытающаяся сопротивляться. Растрепанные волосы выются вокруг ее лица, руки и ноги лихорадочно барахтаются в воде. Рот у нее тоже открыт, она кричит, протестуя против ужаса, происходящего с ними. Девочка отдаляется от него, очертания ее фигуры становятся все менее ясными, ее поглощает бурлящий поток, но, к своему удивлению, он вдруг ясно видит ее ногу в белом гольфе и замечает, что туфлю она потеряла. Потом девочка исчезает в мутной воде реки.

Он вновь выплыл на поверхность, слабый мальчик, уже не имеющий сил бороться с потоком, но достаточно легкий, чтобы яростное течение вытолкнуло его наверх.

Он успел увидеть ее еще раз, точнее – только ее голову, маленькое бледное личико, которое появилось словно затем, чтобы попрощаться, прежде чем навсегда исчезнуть, маленькая девочка, навеки унесенная в небытие...

* * *

Эш проснулся с криком, больше похожим на рыдание. Перед глазами все еще стоял ночной кошмар, постепенно уступающий место совсем другим ощущениям – чувству безысходного горя и раскаяния. Все тело его покрылось холодным потом.

В окно проникал свет раннего утра, серый и безрадостный.

Эш встал на колени, чтобы лучше видеть порошок, рассыпанный им на верхней площадке лестницы. Бесполезно, ничего не понять – слишком много ног прошло здесь ночью и, возможно, утром. Он собрал немного порошка и поднялся. Разжав кулак, он смотрел, как порошок медленно опускается на пол, и пытался определить направление воздушных

потоков. Но частички порошка падали вниз, никуда не отклоняясь в своем движении. Он проверил показания висевшего рядом термометра. Температура невысока, но все же не такая низкая, как в прошлую ночь, вполне обычная для утра в это время года.

Эш спустился вниз и направился в сторону, ориентируясь на звук доносившихся оттуда приглушенных голосов. Кристина смеялась над какой-то репликой Саймона, а сидевший во главе стола Роберт улыбался, глядя на обоих. Когда Дэвид вошел, разговор немедленно прекратился.

– Доброе утро, мистер Эш, – приветствовал его Роберт и указал ему место рядом с няней Тесс, напротив своих младших брата и сестры. – Надеюсь, вам удалось выспаться после маленького печального происшествия прошлой ночью.

Эш отодвинул стул и сел.

– Э-э-э... да... я спал, – ответил он. – И все же я так и не смог понять, что же случилось. Я уверен, я настаиваю на том, что видел на улице девушку.

Все смотрели на него, не произнося ни слова.

– Хорошо, – сказал Дэвид, – допустим, в пруд меня столкнула собака. У меня нет никакой уверенности в этом вопросе, поэтому настаивать не буду. Но я твердо уверен в том, что от самого дома преследовал какую-то фигуру, это была молодая девушка. – Он поднял глаза. – Мне показалось, что это были вы, Кристина.

Она только посмотрела на Эша и ничего не сказала.

Воцарившееся за столом молчание прервал Саймон.

– Мне кажется, настало все-таки время рассказать нашему исследователю обо всем, что происходит в Эдбруке.

– Да, пожалуй, – после минутного колебания согласился с ним Роберт. – Мы воздержались от этого прошлой ночью, поскольку вы были несколько не в себе и потому, что вы сами запретили нам это делать, не позволили ничего вам рассказывать до поры до времени. И тем не менее думаю, что нам пора поговорить о наших призраках.

– Да, пора, – кивнул Эш.

– Что ж, в таком случае будет справедливо, если начнет няня. Она первая столкнулась с нашим призраком.

Все взоры обратились к тетушке, которая в этот момент встала из-за стола, чтобы принести Эшу завтрак. Она поставила перед ним тарелку с мизерной порцией яичницы с беконом и грибами и вновь села, опустив глаза и глядя в свою тарелку с недоеденным завтраком. Создавалось впечатление, что она не хочет ничего говорить.

– Ну давай же, няня, не стесняйся, – подбодрил ее Саймон. – Мистер Эш приехал сюда, чтобы помочь нам.

– Расскажите о том, что вы видели и пережили, мисс Вебб, – мягко попросил Эш. – Я не удивлюсь ничему из того, что вы скажете.

Она начала очень неуверенно и запинаясь:

– Я... я видела... несколько раз я видела призрак.

– Всегда в одном и том же месте? – уточнил Дэвид.

– Нет. В разных частях дома. И... и в парке.

– Около пруда?

– Да. Однажды, – ответила она, избегая встретиться с ним глазами.

Эш с мрачным выражением лица обвел всех взглядом.

– Как выглядел этот призрак? – спросил он, вновь поворачиваясь к няне Тесс.

– Это была девушка, – прошептала она. – Юная девушка.

Эш заметил, что Саймон и Кристина украдкой переглянулись и улыбнулись друг другу, но постарался скрыть свое раздражение.

– Одета во что-то свободное, белое и легкое, похожее, скажем, на ночную рубашку... – сказал он, и слова его прозвучали скорее как утверждение, чем как вопрос.

Няня Тесс кивнула, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Как долго?

– Простите? – она подняла на него непонимающий взгляд.
– Как долго все это продолжается? Сколько времени вам приходится наблюдать этот феномен?

– Это, безусловно, призрак, мистер Эш? – вмешался в разговор Роберт.

– Это пока еще не установлено, – резко ответил Эш. – Так как долго, мисс Вебб?

– Уже несколько лет, да, многие годы.

– В таком случае почему только сейчас вы решили провести исследование?

И вновь за нее ответил Роберт.

– Ну... видите ли, до недавнего времени этот... феномен, так сказать, являлся только няне Тесс. А теперь все мы стали свидетелями этого явления.

Саймон зажал руками рот, пытаясь подавить смехок.

– Это что, шутка? – обернувшись к нему, поинтересовался Эш.

– Простите, пожалуйста, моего брата, – извинился за Саймона Роберт. – У него манера все превращать в шутку.

– Не у меня одного, – быстро отреагировал Саймон.

Старший брат никак не отозвался на его слова.

– Вы ведете себя невежливо по отношению к нашему гостю, – проворчала няня Тесс.

– Совершенно справедливый упрек, няня, – с улыбкой сказал Роберт и повернулся к Дэвиду. – Боюсь, няне Тесс пришлось многое испытать от наших глупых шуточек еще со времен нашего детства.

Иногда я удивляюсь, как ей удается терпеть нас столько лет.

– Кому-то нужно было это делать, – тихо, словно про себя, пробормотала няня Тесс. – Кому-то... – она снова опустила взгляд в тарелку с едва тронутым завтраком, как будто увидела там нечто интересное.

Эш тоже попытался приступить к завтраку, хотя аппетита совершенно не было.

– Вы сказали, что теперь вам всем пришлось повстречаться с тем, что вы называете призраком молодой девушки.

– И не однажды, – ответил за всех Роберт. – И все мы видели ее в разных концах дома. Но только няня встречала эту бедную неприкаянную душу за пределами дома.

– Почему вы называете ее “бедной”?

– А разве не таковы все они? Одинокие души, которым при тех или иных несчастливых или даже трагических обстоятельствах пришлось покинуть бренные тела. Я помню, что где-то даже читал об этом.

– Это общепринятая теория.

– Но вы с ней не согласны, – впервые за все утро подала голос Кристина.

Свет, проникавший сквозь высокие окна за ее спиной, по мере того как разгорался день, становился все ярче и окрашивал волосы девушки в ярко-рыжий цвет. Глаза ее искрились смехом; Эш уже начал привыкать к такому их выражению и подумал, уж не подшучивает ли она над ним.

– Я готов поверить, что эмоции, испытываемые некоторыми психически слабыми людьми в момент смерти, могут быть настолько сильны, несмотря на боль, моральную травму или шок, что оставляют после себя некое впечатление. Послеобраз, если хотите. И требуются многие и многие годы, чтобы он рассеялся навсегда. – Он перевел взгляд с Кристины на Роберта. – Предполагаю, что Эдбрук тоже имеет свою историю. Он всегда находился во владении Мариэллов?

– В этом доме жили многие и многие поколения Мариэллов, мистер Эш, – сказал ему Роберт. – Фактически со времени его постройки – с XVI века.

– Тогда, возможно, вам известно...

Роберт не дал ему закончить фразу.

– Мариэллы во все времена предпочитали забывать о своих несчастьях. Насколько я знаю, ни одна трагедия, когда-либо случившаяся в Эдбруке, не нашла отражения в семейных анналах. В жизни нашего поколения тоже произошло несчастье – наши родители погибли,

когда мы были еще совсем детьми. Но это был несчастный случай, произошедший далеко отсюда.

– Быть может, кто-то из гостей или слуг умер в доме при трагических обстоятельствах?

– Ах, были времена (и какие!), когда в Эдбруке работали слуги. А теперь все заботы о доме полностью лежат на няне Тесс. Она прекрасно с ними справляется...

Тетушка, наливавшая в этот момент чай гостю, казалось, была не слишком-то польщена этим комплиментом. Она поставила чашку перед Эшем, которого поразила ее молчаливость и явное нежелание принимать участие в разговоре.

– Однако о каких-либо убийствах или самоубийствах гостей или слуг Эдбрука мне ничего не известно, – закончил Роберт.

– Никого бы не удивило, если бы в таком доме, как Эдбрук, где-нибудь в шкафу была припрятана парочка скелетов. – Эш добавил в чай молоко и продолжил: – Хорошо бы все-таки узнать, кем была эта девушка.

Кристина, положив руки на стол, наклонилась вперед.

– Значит, вы верите, что этот дом посещает призрак?

– Вполне возможно, что здесь задержалось визуальное представление о ком-то, кто прежде жил в этом доме. Вероятно, что именно его я видел прошлой ночью. Своего рода видение.

– Это что, синоним слова “привидение”? – пренебрежительно спросил Саймон.

– Нет, это то же самое, что и “образ”, – ответил Эш, оглядывая сидящих за столом. – Совсем не обязательно это может быть привидением в том смысле, какой вы вкладываете в это слово. Сегодня утром, чуть позже, я хочу, чтобы каждый из вас...

Няня Тесс вскрикнула. В руках у нее была кастрюля с тушеной требухой с клейками, крышка от которой вместе с кучкой требухи и перца лежала сейчас на ее тарелке. Саймон и Кристина расхохотались, а когда няня Тесс начала чихать, хохот стал поистине неудержимым. Даже Роберт улыбнулся и хихикнул.

Эш переводил взгляд с одного на другого и чувствовал себя совершенно сбитым с толку этой детской выходкой.

Взгляд его задержался на Кристине, и она тут же заметила это. Веселье ее немедленно испарилось. Она взглянула на братьев, словно ища у них поддержки, но они, казалось, этого не заметили.

Эш не сводил с нее глаз, но она избегала смотреть в его сторону. Интересно, почему?

12

Через вращающуюся дверь Кейт Маккэррик вошла в Институт экстрасенсорики, пожелала доброго утра сидевшему за барьером вахтеру и по пути взяла у него кипу писем и пакетов. Она просматривала их, поднимаясь вверх в свой офис, то и дело здороваясь с коллегами.

Войдя в кабинет, она бросила всю кипу на стол, сняла шарф и пальто и повесила на вешалку за дверью. Усевшись поудобнее, она быстро пролистала журнал регистрации заказов, другой рукой подняв телефонную трубку и нажимая кнопку “О”.

– Дженни, Дэвид Эш пытался связаться со мной сегодня утром? – спросила она. – Нет? Тогда выясните для меня, пожалуйста, номер телефона.

Продиктовав фамилию и все данные Мариэллов, она положила на рычаг трубку и принялась вскрывать свежую почту.

* * *

В то же самое время в библиотеке Эдбрука Дэвид Эш заново устанавливал на треногу “Поляроид”, стараясь не задеть тонкие провода, соединяющие фотоаппарат с другими высокочувствительными приборами.

Роберт, сцепив за спиной руки, следил за его работой, и, казалось, она его немало забавляла.

– Примерно здесь? – спросил Дэвид, обернувшись и желая уточнить, правильно ли он выбрал место.

– Да, в первый раз здесь, а потом... – Роберт небрежно обвел рукой помещение, – ...здесь, там... в разных местах.

Эш выпрямился и с удовлетворением отметил, что в поле объектива фотоаппарата попадает большая часть библиотеки.

– Она когда-либо произносила хоть слово? Вы сами пытались заговорить с ней?

– Дорогой мой, – нахмурившись, ответил Роберт, – я не имею привычки вести беседы с привидениями. Уже то, что приходится наблюдать такого рода явления, кажется мне весьма подозрительным и неприятным. – Он передернул плечами. – Как бы то ни было, вы весьма удачно установили фотоаппарат, и будем надеяться, что ему удастся зафиксировать что-то. Можете вы мне объяснить, что же все-таки происходит в нашем доме?

– Это называется прибором для измерения емкостного сопротивления, – указал Эш на один из предметов. – При возникновении малейшего движения в помещении он приведет в действие фотоаппарат и магнитофон. Я включу его позднее, когда буду уверен, что никто из нас не войдет в библиотеку. – Он достал из кармана портативный магнитофон. – Пожалуйста, расскажите мне конкретно обо всем, что видели. Я запишу все на пленку.

– Запишете на пленку? – Роберт удивленно поднял брови.

– Это только для институтского архива. Я гарантирую вам строжайшее сохранение тайны. – Он нажал кнопку и положил крошечный прибор на угол стола между собой и Робертом.

Минуту или две Роберт молча смотрел на него, потом заговорил.

– Что ж, ладно. Я видел в этой комнате девушку, хотя поначалу это было лишь туманное видение неопределенной формы. И все же это девушка примерно лет двадцати, по-моему. Я видел ее несколько дней, точнее – ночей, причем чем дальше – тем яснее, как будто ее присутствие постепенно усиливалось. Должен признаться, что при ней сам я чувствовал ужасную слабость.

– Это иногда случается. Видения такого рода как будто отбирают физическую энергию у тех, кому являются, чтобы пополнить собственные силы. Они обладают также способностью вытягивать энергию из воздуха. Вот почему температура в помещении внезапно падает. Их присутствие также может влиять на электричество.

– Невероятно. Но вы и вправду рассказываете о привидениях, мистер Эш.

– Нет, я по-прежнему говорю о необъяснимом феномене. Пожалуйста, продолжайте свой рассказ.

Роберт ходил взад и вперед по комнате, но вдруг вспомнил о лежащем на столе магнитофоне и возвратился на прежнее место.

– Я чувствовал безысходную печаль, связанную с... с этим видением... как будто она искала что-то... что-то потеряла...

Магнитная пленка на медленно кружившихся бобинах фиксировала каждый звук, раздававшийся в комнате, включая шаги и даже трение спички о коробок и ее вспышку, когда Эш закуривал сигарету.

* * *

Оставив дверцы шкафа с документами полуоткрытыми, Кейт вернулась к столу, чтобы ответить на телефонный звонок.

– Маккэррик слушает, – ответила она в трубку и тут же нахмурилась, услышав слова Дженни. – Но должен же быть номер, – настойчиво сказала она. – Проверьте еще раз. – Она снова замолчала, слушая ответ. – Нет в списке? Не может быть! – Она на секунду задумалась. – Хорошо, Дженни, спасибо за помощь.

Кейт положила трубку и погрузилась в свои мысли, постукивая кончиками пальцев по крышке стола.

* * *

Катушечный магнитофон был не таким маленьким, как портативный, но все же достаточно компактным, чтобы его удобно было возить с собой. Он соединялся с вибрационным детектором. Саймон Мариэлл с интересом наблюдал, как исследователь устанавливает оборудование на низкой полочке в подвале Эдбрука. Рядом на треноге был укреплен фотоаппарат с эффектом ускорения движения и электронной вспышкой, снабженный фильтром для улавливания инфракрасного излучения. В фотоаппарат была вставлена черно-белая пленка, фиксирующая инфракрасное изображение, а кнопка спуска соединялась с инфракрасным детектором, регистрирующим малейшие движения.

Царящая в подвале сырость вызывала неприятные ощущения, пыльный и влажный воздух раздражал, но Эш старался не обращать на это внимания. Достав термометр для оранжерей, он повесил его на полку для хранения вина. Все интересующее его пространство освещалось единственной тусклой лампочкой, отчего тени в нишах и углах казались еще чернее. Страхнув с ладоней пыль, Дэвид повернулся к своему спутнику.

– Разве все эти ваши приспособления не зафиксировали ничего прошлой ночью? – спросил Саймон.

– Я не устанавливал аппаратуру здесь, внизу.

– Но в других частях дома?

– Абсолютно ничего. Правда, я тогда еще не определил точное расположение приборов.

– Наверное, вам еще тогда следовало узнать у нас кое-какие детали.

– Мне это не было нужно. Сначала я должен был выяснить, что мне удастся обнаружить самостоятельно.

– Мне кажется, вы обнаружили нечто большее, чем рассчитывали увидеть, – с усмешкой констатировал Саймон.

Он глубоко засунул руки в карманы брюк, казалось, его забавляла вся эта ситуация.

– Итак, что вы хотели от меня услышать? О том, как я лицом к лицу столкнулся в этом подвале с женщиной-призраком?

– Мне было бы интересно услышать об этом. Но сначала скажите мне вот что: сколько лет было вашей матери, когда она умерла?

Саймон улыбнулся, ничуть не смущенный таким вопросом.

– Она в то время была гораздо старше, чем наше видение, друг мой. Мне кажется, вы ищите совсем не там.

– Как отреагировала на это Кристина?

– На смерть наших родителей? Господи! Да так же, как и все мы, – она была потрясена. А чего еще вы можете ожидать? Мы тогда были еще маленькими. На наше счастье, рядом с нами осталась няня Тесс, которая всегда заботилась о нас.

Эш почувствовал удовлетворение, заметив, что при этих воспоминаниях с лица Саймона исчезло наконец насмешливое выражение. Саймон в свою очередь переминался с ноги на ногу, он чувствовал себя не в своей тарелке и был явно недоволен расспросами.

– Послушайте, если вы не против, поговорим лучше о наших призраках, – довольно раздраженно сказал он. – В этом сыром подвале торчать очень неприятно.

– Прошу прощения, – ответил Эш, вытаскивая магнитофон и нажимая на кнопку. – Продолжим. Расскажите, пожалуйста, обо всем, что видели, по возможности подробно.

– Я видел то же, что и все, – по-прежнему недовольным тоном заговорил Саймон. – Девушку. Я видел ее несколько раз, она шла крадучись, или парила, или что там еще делают существа такого рода. В первый раз я встретил ее, когда спустился сюда за вином, – она стояла вон там и смотрела на меня. – Он указал, где именно, и содрогнулся при этом воспоминании. – Должен признаться, что от этого зрелища у меня кровь застыла в жилах.

– Была ли она похожа на кого-то, кого вы знаете? Или знали раньше?
– Конечно, нет! Это, кстати, самое ужасное во всем этом деле. – Он поморщился от отвращения. – С ее лицом и фигурой что-то было не в порядке... Что-то очень неприятное... Она казалась... не знаю... какой-то... уродливой, что ли.
Эш поднес магнитофон ближе к Саймону, чтобы лучше записать звук.
Наверху, в холле, няня Тесс стояла возле полуоткрытой двери, прислушиваясь к разговору внизу...

13

Дверь кабинета открылась, и Кейт оторвала взгляд от пишущей машинки. На самом кончике ее носа чудом держались очки для чтения. Эдит Фипс, словно не решаясь войти, заглянула в дверь. Лицо ее выражало крайнее беспокойство.

– Вы обещали позвонить мне... – ее голос дрожал от волнения.
– Да-да, извините, – ответила Кейт, жестом приглашая Эдит войти. – Но мне нечего пока сказать вам. Все это очень странно, но, боюсь, в поместье Мариэллов вообще нет телефона.

Медиум села напротив Кейт, не сводя с директора Института пристального взгляда.

– Разве Дэвид до сих пор не связался с вами?

Кейт постаралась улыбнуться как можно непринужденнее.

– Нет, но я не вижу в этом ничего странного. Он обладает великой способностью бесследно исчезать на много дней. Дэвид так увлекается своими исследованиями, что подчас напрочь забывает о своих обязательствах перед другими людьми. – Она сняла очки и откинулась на спинку кресла. – Так или иначе, но если у них нет телефона, то Дэвид не имеет возможности связаться с нами – для этого ему необходимо пойти куда-то. Не забывайте также, что он без машины. Вы можете себе представить, чтобы он тащился пешком по полям в поисках телефонной будки? Я – нет. – Она снова улыбнулась, стараясь придать словам шутливый тон.

Лицо Эдит, однако, оставалось бледным и озабоченным.

– Дом расположен в столь отдаленном месте? – спросила она.

– Насколько я могу судить, исходя из полученных мною писем, от него до ближайшего поселка не меньше двух миль. Именно поэтому мисс Вебб пообещала встретить его на станции.

Кейт стала вдруг серьезной. После ночного звонка Эдит ей было очень не по себе, но при свете холодного дня ситуация приобрела более реальные черты. Глупо так беспокоиться из-за потери связи с Дэвидом всего лишь на один день. Хотя Эдит Фипс и великолепный опытный медиум, она тоже не застрахована от ошибок. У любого медиума бывают проколы. И все же Кейт сочувственно относилась к подавленному душевному состоянию своей служащей.

– Вы по-прежнему очень беспокоитесь, Эдит? – спросила она, стараясь говорить как можно мягче.

Медиум сжала дрожащие руки.

– Прошлой ночью ощущение того, что Дэвид в опасности, было таким сильным...

– Да, признаюсь, вы меня тоже очень встревожили. Но нам остается только ждать от него звонка. Ничего другого мы сделать не в силах. Вы же знаете, у него достаточно опыта и он сумеет сам позаботиться о своей безопасности.

– Вы считаете меня глупой старухой, – покраснев от неловкости, сказала Эдит.

– Я слишком уважаю вас и ценю ваши способности экстрасенса, чтобы думать так, – мягко ответила Кейт. – Я только прошу вас быть разумной. Мы мало что можем предпринять, до тех пор пока Дэвид с нами не свяжется. А потому давайте подождем еще немного.

На этот раз, однако, улыбка ее была гораздо менее уверенной.

Тусклое серое утро сменилось ясным днем, а потом взорвалось ярким великолепием осени; последние перед зимой лучи солнца охватили землю крепкими, но холодными объятиями. Дыхание ледяного воздуха было свежим и бодрящим.

Кристина и Эш шли по густому тенистому лесу, время от времени прерывавшемуся просторными яркими лужайками. Иногда они останавливались, наблюдая, как выскакивает из-под ног встревоженный их шагами маленький зверек и бросается в другое укрытие или как прыгают с дерева на дерево, пренебрегая всеми законами земного притяжения, белки. Когда они оказались в густых зарослях, шедшая впереди Кристина вдруг отвела в сторону ветку и резко отпустила ее, так что она сильно ударила Эша в грудь. Эта детская шалость привела ее в восторг, и она громко расхохоталась. Удар не был сильным, и Эш, глядя на довольное лицо девушки, улыбнулся, хотя и несколько удивленно.

Кристина бегом бросилась вперед, вынуждая Дэвида следовать за собой и упрекая его за “старческую” медлительность. Он следил, как девушка, цепляясь за стебли травы и торчащие из-под земли корни, взбирается по крутому склону. Ее длинная юбка при этом приподнялась, открывая изящные ступни и тонкие лодыжки. Ее веселость и беспечность были столь заразительны, что у Дэвида тоже поднялось настроение. Возможно, свою роль в этом сыграло и то, что они оказались вдалеке от мрачной громады дома.

Пытаясь ее догнать, он поскользнулся и упал спиной на землю, укрытую толстым ковром из осенних листьев. Его падение еще более усилило восторг девушки, и смех ее был слышен даже в самых отдаленных уголках леса.

Эш отряхнулся и выдал из себя весьма унылую улыбку, в нем поднималось раздражение – нервное напряжение последней ночи давало о себе знать. Эш снова попытался взобраться наверх, и на этот раз под ободряющие крики Кристины ему удалось это сделать.

Они пошли дальше, наслаждаясь обществом друг друга и почти не разговаривая, так как не испытывали в этом потребности.

Потом они отдыхали на поляне, со всех сторон окруженной деревьями, защищавшими их от ветра, в то время как осеннее солнце согревало их своим последним теплом. Эш, с трудом переводя дыхание, прислонился спиной к толстому стволу дуба, поднял лицо к солнцу и закрыл глаза. Кристина, поджав под себя ноги, села рядом, опираясь рукой о траву.

– Я в гораздо худшей форме, чем думал, – признался он, смахивая с шеи какое-то жужжащее насекомое. – Я чувствую себя сейчас так, будто пробежал по меньшей мере мило в свинцовых ботинках.

– Это издержки городской жизни, – ответила она.

– Пьянство и обжорство когда-нибудь должны были сказаться, – с этими словами Эш достал из кармана портативный магнитофон. – Не возражаете, если я включу его на время нашего разговора.

Она покачала головой. Казалось, ее забавляло это маленькое устройство.

– Нисколько не возражаю. Так о чем вы хотите поговорить со мной? – Вопрос прозвучал почти насмешливо.

– О ваших братьях. О доме.

Она рассмеялась.

– Это достойно того, чтобы записывать на пленку?

– Возможно.

Кристина развела руками.

– С чего же мне начать?

– Расскажите, где вы столкнулись с привидением, – ответил он, нажимая на кнопку.

– Значит, теперь и вы называете то, что мы видели, привидением?

– Только для простоты. На данном этапе терминология не имеет значения.

– Откуда в вас столько скептицизма? – девушка казалась искренне озадаченной.

– Предпочитаю считать себя всего лишь реалистом, – парировал он.

Несколько секунд она размышляла над его словами, потом заговорила:

– Я видела ее в холле. В коридорах. Я видела ее в вашей комнате. Однажды, гуляя по парку, я заметила, что она наблюдает за мной из окна.

– Она никогда не пыталась заговорить с вами?

– Мне кажется, она этого хочет, – спокойно ответила Кристина. – Даже очень. Такое впечатление, что у нее не хватает для этого сил, она может только появиться, не более.

– Вас это пугает?

– Нет, – Кристина слегка качнула головой. – Нет, она вызывает во мне сочувствие и жалость. Она кажется... какой-то потерянной.

Прежде чем задать следующий вопрос, Эш некоторое время задумчиво молчал.

– Как умерли ваши родители, Кристина?

По лицу девушки словно пробежала тень, наверное так и было на самом деле, ибо солнце в этот момент спряталось за верхушками деревьев, качнувшихся под внезапным порывом ветра.

– Это случилось очень давно, – сказала она, и он почувствовал, что она все еще страдает, хотя и старается скрыть душевные муки, готовую вырваться боль. – Они оставили нас на попечение няни Тёсе – младшей сестры нашей мамы. Мне кажется, мама слишком любила наслаждаться жизнью, чтобы обременять себя заботой о детях, а потому наша тетюшка стала нам няней задолго до гибели родителей.

– Вы были еще детьми, когда это случилось?

– Мы были совсем маленькими.

Темно-коричневый лист с загнувшимися краями медленно опустился на землю между ними. Потом еще один. Несмотря на пригревавшее солнышко, Эш чувствовал, как холод, исходящий от земли, насквозь пронизывает его тело.

– Вы спросили меня, как это случилось, – продолжала Кристина. – Автомобильная авария. Они ехали по Франции, намереваясь навестить друзей в Дижоне. Никто не знает, как и почему произошла катастрофа, но, судя по всему, их машина внезапно съехала с дороги. Неизвестно даже, кто в этот момент сидел за рулем, так как машина взорвалась и загорелась. Обнаружили только... два обгоревших до неузнаваемости... скрюченных тела...

Дэвид выключил магнитофон, наклонился к Кристине и тронул ее за руку.

– Простите меня. Я не хотел воскрешать в вашей памяти такие страшные воспоминания.

– Это случилось так давно – теперь это лишь отдаленные, едва ли связанные с реальностью отголоски памяти.

– Вам, должно быть, очень их не хватало.

– К счастью, с нами осталась няня Тесс. И к тому же денег было достаточно, чтобы мы могли жить относительно безбедно.

– Мисс Вебб стала вашим опекуном?

Кристина кивнула.

– Все эти годы няня оставалась хранительницей семьи, несмотря на то, что иногда мы буквально доводили ее до крайности.

Неожиданно настроение ее резко изменилось – увидев недоуменно-вопросительное выражение лица Эша, она рассмеялась.

– Это все наши игры, – пояснила она. – С самого детства время от времени мы любим подшучивать друг над другом, поддразнивать, чтобы повеселиться. Няня говорит, что мы унаследовали любовь к шуткам от мамы – она своими выходками иногда доводила папу буквально до безумия. Точно так же, как мы доводим теперь няню.

– Да, я это заметил сегодня за завтраком, – сухо сказал Дэвид. – Неужели она никогда не сердится на вас?

Она снова рассмеялась, но на этот раз довольно-таки злорадно.

– Очень часто. Но она уже научилась принимать нас такими, какие мы есть. – Она сорвала травинку и кончиком пощекотала себя по губам. – Она часто ворчала на нас, когда

мы были детьми, ругала за то, что иногда мы жестоко обходились друг с другом, – вы же знаете, каковы дети. Пожалуй, я вела себя еще хуже, чем Саймон и Роберт, но чего вы хотите от девочки, которая растет рядом с двумя старшими братьями.

– Вам нет нужды рассказывать мне, какими злыми бывают подчас очаровательные маленькие девочки.

Кристина с любопытством посмотрела на него.

– Вы говорите как человек, имеющий личный опыт в этом вопросе.

– Я... в общем... у меня тоже была сестра, – ответил Эш, избегая ее взгляда.

– Была?

Дэвид невидящими глазами уставился в пространство.

– Ее звали Джульеттой. Она... – он с трудом подбирал слова, – она... утонула, когда мы были еще детьми. Мы упали в реку, но мне повезло больше – меня вытащили. – Он вспомнил вдруг исчезающую под водой маленькую белую ручку с растопыренными пальчиками.

Теперь уже Кристина наклонилась и взяла его за руку. Он вздрогнул от неожиданности.

– Вы по-прежнему боитесь воды? – мягко спросила она. – Именно поэтому вы так испугались прошлой ночью?

Она продолжала держать его за руку, а Дэвид молча смотрел ей в глаза. Потом отвернулся – взволнованный и не уверенный ни в чем.

– Я чувствую себя очень неловко из-за этого происшествия, – наконец сказал он. – Но в связи со смертью Джульетты меня по-прежнему по ночам мучают кошмары. Возможно, прошлой ночью они каким-то образом наложились на реальность.

Он вспомнил вдруг руки, вытягивающие его из воды, но не мог точно сказать, не было ли это отголоском событий, произошедших много лет назад.

– Вы все еще думаете о Джульетте? – поинтересовалась Кристина.

– Я плохо ее помню, – холодно промолвил он.

Он порылся в карманах в поисках сигарет, вытащил пачку. Сунув сигарету в рот, он вдруг спохватился и предложил пачку Кристине. Но она, продолжая пристально наблюдать за ним, отрицательно покачала головой. Эш чиркнул зажигалкой и затянулся. Он хотел было что-то сказать, но вдруг заметил, что Кристина не сводит взгляда с его замершей в воздухе руки, все еще сжимавшей горящую зажигалку. Она завороченно смотрела на маленький язычок пламени.

Эш потушил зажигалку, девушка несколько раз моргнула, потом вскочила на ноги и стала отряхивать длинную юбку от прилипших к ней травинки и сухих листьев.

– Пора возвращаться в дом, – сказала она.

Эш ошеломленно стоял на месте.

– Спорим, я доберусь туда раньше вас, – поддразнила его насмешливо Кристина. Она со смехом повернулась и побежала в гущу деревьев.

Эш вдавил в землю недокурную сигарету и с трудом поднялся на ноги.

– Эй, послушайте, не так быстро! Я могу заблудиться! – крикнул он ей вслед.

Но Кристина не ответила, и ему оставалось лишь смиренно наблюдать, как ее фигурка удаляется все дальше и дальше.

Эш медленно направился вслед за ней, сам не понимая, раздражает его или умиляет детская непосредственность этой девушки. Потеря родителей в столь юном возрасте не способствовала взрослению Кристины и Саймона. Наверное, им очень не хватало в жизни сильной руки отца и умиротворяющего, ласкового отношения матери. Няня Тесс, судя по всему, не способна была дать им ни того, ни другого. Похоже, роль старшего в доме, его главы, досталась Роберту, но он оказался способным не более чем на благожелательное равнодушие.

Впереди Эш иногда видел Кристину, чья фигурка мелькала среди деревьев.

– Кристина! Дайте же мне передохнуть! – крикнул он, но в ответ услышал лишь ее тихий смех в отдалении.

В лесу царила полная тишина, нарушаемая только шорохом и хрустом листьев под

ногами Дэвида. Вскоре он совсем потерял из вида Кристину.

Он остановился и стал оглядываться вокруг. За спиной, как ему показалось, он услышал чьи-то шаги. Он снова назвал Кристину по имени.

Никакого ответа, даже смеха не слышно.

Он опять пошел было вперед и тут же снова остановился.

Кто-то прячется за деревом слева?

Он подождал немного, но не заметил никакого движения. Эта глупая детская игра раздражала его все больше и больше.

Вновь остановиться его заставил совершенно иной звук. Он был похож на смех ребенка.

Резко обернувшись, Эш успел заметить нечто, торопливо скрывшееся среди деревьев. Но все произошло мгновенно, и он не успел ничего рассмотреть.

Странно, но ему показалось, что это была маленькая девочка. Хотя с уверенностью он не смог бы это утверждать. Видение было таким коротким.

Он резко повернул голову. Нет, он не мог слышать чей-то шепот. Конечно же, это ветер шумит в кронах деревьев.

И вновь слабый отголосок смеха.

Эш резко втянул в себя воздух. Ему показалось, что откуда-то из желудка поднимается и охватывает его странное ощущение – будто кровь стынет в жилах, пробегает мороз по коже и холод медленно пронизывает все его тело. Он не мог понять, отчего ему вдруг стало не по себе, но чувство оказалось столь сильным, что игнорировать его было невозможно. Дэвид невольно ускорил шаги и пошел дальше через лес.

Время от времени он внезапно оглядывался назад, резко поворачивал голову то влево, то вправо. Он явно был не один. И все же рядом с ним никого не было.

Эш сдерживался, чтобы не побежать, но шел очень быстро.

Он слышал тихий смешок, чья-то рука коснулась его плеча. Конечно, прикосновение могло быть и легким касанием листьев. Но смешок – это смешок, и ничто другое.

Он едва не споткнулся и ухватился рукой за неровную кору дерева. Но задерживаться не стал и поспешил дальше. Лес стал гуще и темнее, создавалось впечатление, что здесь царят вечные сумерки. Но это невозможно. Быть может, и холод тоже был плодом его воображения? Лоб покрылся испариной, влажная рубашка прилипла к телу, спина тоже была мокрой. Эш торопливо шел вперед, теперь уже не обращая внимания ни на сопровождавшие звуки, ни на бесплотные тени вокруг.

Наконец он вновь оказался на солнце, на просеке, ярко освещенной теплыми лучами, как будто притягивавшей и копившей в себе тепло и свет. Он слышал даже ленивое жужжание мухи, спасавшейся от обычного для этого времени года холода. Эш зажмурился от невероятно яркого, слепящего сияния.

Просека представляла собой пространство, беспорядочно заросшее травой и усыпанное опавшими листьями. От ее неровных краев в стороны отходили несколько тропинок. В самом центре высилось квадратное сооружение, каменные стены которого были покрыты лишайником и какими-то темными пятнами. Высокая дверь из проржавевшего железа с заросшей травой нижней перекладиной была приоткрыта. По бокам от входа стояли две глиняные вазы с увядшими цветами.

Эш догадался, что это заброшенное, полуразрушенное сооружение не что иное, как склеп. Мавзолей? Последнее пристанище многих поколений Маризеллов?

Снедаемый любопытством, он подошел ближе.

Солнце постепенно согревало его, изгоняя холод из тела.

Вдруг изнутри склепа послышался какой-то звук. Какое-то движение.

Эш остановился. Примята его шагами трава вновь поднялась и застыла, скрыв следы.

– Кристина, это вы?

Он подождал, но ответа не было. Но из темноты, царившей за полуоткрытой дверью, вновь послышался какой-то звук.

Дэвид заставил себя принять шутливый тон.

– Ну хорошо, Кристина, хватит меня разыгрывать. Вы, по-моему, уже достаточно повеселились.

Ответом ему была зловещая тишина.

– Кристина... – вновь позвал он со вздохом, устав от этих детских игр.

Воздух вокруг казался странно неподвижным. Эш вплотную подошел к сооружению, протянул руку и ухватился, словно ища поддержки, за прутья двери. Сбоку от входа он заметил табличку с полустертой от времени надписью, почерневшую и заляпанную грязью. Хотя и с трудом, он все же разобрал написанную на ней фамилию Мариэллов.

Он толкнул створку двери, и она со скрипом медленно открылась внутрь. В помещении воздух был сырым и затхлым, и Эшу показалось, что там совершенно пусто. Но потом он заметил, что вдоль стен ярусами расположены узкие бетонные платформы, на которых стоят каменные гробы.

– Кто здесь? – очень тихо спросил Дэвид.

И вновь никакого ответа. Вдруг какая-то тень шевельнулась в темноте и двинулась в его сторону из-за гроба, стоявшего на одной из платформ нижнего яруса.

Послышалось утробное грозное рычание, и черная туша собаки появилась из темноты. Пригнув голову к земле и оскалившись, Охотник на минуту замер.

Эш медленно и осторожно попятился назад. Пес двинулся в его сторону, в полуоткрытой пасти за подрагивающей верхней губой влажно поблескивали острые клыки. Охотник хрипло зарычал, напрягая мышцы и чуть приседая на сильные задние лапы, упирающиеся в земляной пол. И вдруг прыгнул вперед.

15

Эш успел захлопнуть за собой решетчатую дверь, и в ту же секунду в нее с другой стороны всей тяжестью врезался Охотник. Удар был такой силы, что перекладки качнулись. Эш отлетел в сторону. Оказавшийся взаперти зверь буквально обезумел и залился яростным лаем в отчаянии от того, что жертва оказалась недосягаемой для его зубов. Слюна с огромных челюстей струйками стекала по ржавым прутьям двери.

Эш поднялся, ни на секунду не спуская глаз с обезумевшего пса, чей лай эхом отдавался в каменном помещении и оттого казался еще более страшным. Эш торопливо попятился от мавзолея, пригнувшись в ожидании нападения, на тот случай, если псу все-таки удастся пролезть через решетку двери. Только благополучно добравшись до края просеки, он повернулся к мавзолею спиной и побежал, преследуемый остервенелым лаем Охотника и лязгом железа о камень. Он продирался сквозь кустарник, перепрыгивал через мелкие препятствия, отпихивая цеплявшиеся за одежду ветки. Не зная, сколько еще времени незапертая дверь будет удерживать Охотника, он в отчаянии стремился как можно дальше убежать от обезумевшего пса.

Голоса. Нет, здесь не может быть никаких голосов. И все же он их слышал вокруг себя. В гуще леса.

Сам он тоже кричал что-то, но не понимал, что именно.

Сдавленные смешки. Господи! Да они же просто издеваются над ним. Тени мечутся среди деревьев.

– Прекратите! – крикнул – а, может, уже простонал – он.

Они шепчут что-то в ответ.

Сзади послышались шорох листьев и громкий треск веток – кто-то или что-то двигалось очень быстро, преследовало его по пятам. Тяжелая поступь. Это пес несется по траве, собираясь напасть на него.

– Помогите!!! – завопил Эш, но в ответ услышал лишь дразнящий смех.

Он не осмеливался смотреть назад, не решался даже оглянуться через плечо. Он может споткнуться, может упасть или зацепиться за что-то, может увидеть это воплощение черной

ярости, преследующее его. Треск слышался все ближе, он был уверен, что до него явственно доносится тяжелое дыхание и утробное рычание догоняющего зверя, что он уже чувствует вырывающийся из пасти жар.

Ноги отказывались повиноваться ему, как будто вдруг разом ослабели все суставы, он бежал наугад, не координируя движения. Он шатался, при каждом шаге тело дергалось, легкие, казалось, вибрировали и бились о грудную клетку. Пес уже почти догнал его, он слышал – уже слышал! – звук раскрывающейся пасти, класанье зубов и хлюпанье высунутого языка...

Голубизна неба на миг ослепила его, он почувствовал, как чьи-то руки ухватили его за грудь – и увидел стоявшую на его пути фигуру. Эш непременно упал бы, но те же руки подхватили и удержали его.

Он несколько раз моргнул, и затуманенное не то от яркого света, не то от страха зрение прояснилось.

Перед ним на тропинке, так близко, что он ощущал запах пудры, покрывавшей изборожденное морщинами лицо, все еще крепко держа его, стояла няня Тесс. Цветы, которые она несла в руках, теперь беспорядочно рассыпались по земле.

Он задыхался и по-прежнему не в силах был произнести ни слова. Он смог только махнуть рукой, указывая на лес за спиной, с трудом удерживаясь, чтобы вновь не побежать.

Но позади никого не было. Он слышал только возмущенное щебетание птиц, потревоженных его безумным бегом. Деревья и кусты стояли неподвижно, лишь легкий ветерок слегка шевелил листву.

16

Опершись локтями о неровную поверхность стола и сжимая дрожащими губами сигарету, Эш сидел на кухне. Осенние цветы, которые он выбил из рук няни Тесс на лесной тропинке, когда буквально врезался в женщину, лежали рядом. Они слегка завяли, но все еще источали сильный аромат. Он глубоко затянулся и вынул изо рта сигарету, держа ее теперь дрожащими пальцами.

Няня Тесс повернула к нему сморщенное озабоченное лицо и внимательно посмотрела. Стоя возле буфета, она наливала бренди в стакан, и руки ее при этом тоже слегка дрожали. Поставив бутылку на место, но все еще крепко держа ее за горлышко, она на секунду зажмурилась. Потом открыла глаза и, решительно взяв стакан, поставила его на стол перед Эшем.

– Выпейте, – приказала она. – Это поможет вам успокоиться.

Эш сделал большой глоток, потом еще один. Тетушка Мариэллов отодвинула стул и села сбоку от Дэвида. Он чувствовал на себе ее пристальный, изучающий взгляд.

– Так, говорите, Охотник снова напал на вас? – взволнованно спросила она. – Он вас преследовал?

Эш кивнул и уставился в стакан, который сжимал обеими руками.

– Но его нигде не было видно, – сказала она. – Если Охотник гнался за вами, что же заставило его остановиться?

– Не знаю, – голос Дэвида был низким и слегка хриплым от выпитого бренди. – Возможно, увидев вас, он спрятался. Все, что мне известно, это то, что он бросился на меня внутри... внутри этого чертова склепа.

Она заметно вздрогнула.

– Мистер Эш, что заставило вас пойти к семейной усыпальнице?

– Господи, я попал туда совершенно непреднамеренно. Я заблудился и наткнулся на этот склеп. Почему никто не сказал мне, что у Мариэллов есть фамильный мавзолей?

– Мы не сочли это важным, – ответила она. – И я по-прежнему так считаю. Раз в неделю я хожу туда, чтобы заменить цветы, но, боюсь, мавзолей приходит в упадок, как, впрочем, и многое в Эдбруке.

В какой-то момент Дэвиду показалось, что мысли ее витают где-то далеко, совсем в другом времени и месте.

Эш глотнул еще бренди и откашлялся.

– Родители Кристины... они тоже покоятся в мавзолее?

– Их останки были привезены из Франции и погребены в Эдбруке. Вы сказали, что обнаружили Охотника в склепе?

– Да, он прятался где-то в глубине. Я думал... – он покачал в нерешительности головой, – ...я думал, что Кристина прячется там от меня. Она бросила меня в лесу, какая-то поистине детская выходка...

– Вы должны извинить ее, мистер Эш, ее и ее братьев за их... инфантильность. Я думала, с годами, после всего, что произошло, они повзрослеют. Мне казалось, что горе, потеря родителей, поможет им измениться. – Плечи ее поникли, и вся она как будто вдруг сжалась. – Но трагедия оказала на них совершенно противоположное влияние. Она словно заставила их с головой уйти в детские игры и шалости...

– Послушайте, – нетерпеливо перебил ее Эш, – эта собака слишком опасна, чтобы бегать на свободе.

Она вдруг выпрямилась, и тон ее стал довольно резким.

– О нет, Охотник абсолютно безобиден, мистер Эш. Уверяю вас, он не причинил бы вам никакого вреда. Он вообразил, что защищает свою хозяйку, и хотел только испугать вас и заставить уйти.

– О чем, черт возьми, вы говорите? Кристины поблизости не было.

Няню Тесс совсем не обескуражил его гнев, она, наоборот, стала вдруг очень печальной.

– Я и понятия не имела, что Охотник по-прежнему охраняет ее последнее пристанище.

– Я пытаюсь выяснить хоть что-то, мисс Вебб, а вы мне совсем не помогаете, – медленно выговаривая каждое слово, отчеканил Эш. – Чье последнее пристанище?

Она сидела, обхватив себя руками и не глядя ему в глаза. Седые пряди упали на лоб.

– Кристина... – начала она и запнулась, откидывая назад волосы. – У Кристины была сестра-близнец.

Дэвид замер, не донеся до рта сигарету.

– Они были так похожи, – продолжала няня Тесс, – совсем одинаковые... и все же... между ними было одно ужасное различие...

Он ждал, по-прежнему забыв о сигарете.

– Та, вторая, страдала шизофренией. Она могла быть вполне нормальным ребенком какое-то время, но иногда вдруг превращалась в совершенно безумное существо.

– Она умерла? – тихо спросил Дэвид.

– Вы видели то место, где она покоится рядом со своими родителями.

– И никто не счел должным рассказать мне об этом! – Он яростно затаился и выпустил облако дыма.

– А почему это имеет для вас значение?

– Вы действительно не понимаете? Господи! По вашему дому бродит призрак молодой девушки, и никто из вас не считает достойным упоминания тот факт, что у Роберта, Саймона и Кристины была сестра? Даже когда сегодня утром я спрашивал вас!

– Мы не любим говорить об этом.

– Следуя семейной традиции, не так ли? – язвительно спросил он. – Что ж, если вы хотите помочь мне в моем исследовании, помочь самим себе, вам придется сейчас же рассказать мне обо всем.

С шумом отодвинув стул, няня Тесс встала, направилась к буфету и взяла с полки второй стакан. Она плеснула в него изрядную порцию бренди – на этот раз для себя.

Эш поднял и показал ей свой уже почти пустой стакан. Она вернулась к столу и поставила перед ним бутылку. Эш налил себе сам, а она вновь заняла свое место.

Прежде чем заговорить снова, няня Тесс сделала глоток бренди, поморщилась.

– Я не уверена...

– Вам придется рассказать, – настаивал Эш.

– Это случилось так давно. Все это время я старалась изгнать воспоминания из своей памяти...

– Я хочу, чтобы вы кое-что поняли, – уже мягче заговорил Эш. – Если вы, если все вы постоянно пытаетесь подавить в себе какие-то мрачные воспоминания, связанные с ужасным происшествием в прошлом, вполне возможно, что ваше коллективное подсознание – поверьте, это случается достаточно часто – вытягивает это воспоминание на поверхность, не позволяя вам забыть эту девушку. Ваш разум, ваши эмоции объединяются и создают образ – дух, если хотите, – сестры Кристины. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Думаю, что понимаю. Но вы же не верите в сверхъестественное.

– Нет, но я верю в паранормальные явления. Но это нечто другое. Пожалуйста, объясните мне, расскажите мне все.

Она взяла со стола стакан, сделала маленький глоток, потом еще один – побольше. При этом она не спускала глаз с Дэвида, словно решая, как ей поступить. Наконец она заговорила.

– Моя сестра и ее муж никогда и ни за что не признались бы окружающим их людям, что их ребенок может быть... что с их ребенком не все в порядке. Если бы вы только знали их, мистер Эш, и то время, в которое они жили, взаимоотношения в обществе...

– И отношение самих Мариэллов, – перебил он ее.

– Они не допускали даже мысли о том, чтобы отправить куда-то свою дочь, например, в лечебницу. И дело было не в боязни позора, а в той любви, которую они, несмотря ни на что, испытывали к своему ребенку. Сейчас мне даже кажется странным, что моя сестра Изабель столько раз умоляла меня позаботиться обо всех ее детях без исключения, если с ней и с ее мужем вдруг что-нибудь случится. Такое впечатление, что она предчувствовала что-то. Это возможно, мистер Эш? Допускаете ли вы, что она каким-то непостижимым образом знала, что им суждено умереть такими молодыми?

– Некоторые из моих коллег считают, что такого рода предчувствия – явление весьма обычное, – ответил он.

Она опустила голову, обдумывая его ответ.

– Эти две ужасные смерти потрясли всех нас, но для нее, для сестры Кристины, они стали невыносимым испытанием. Она не смогла пережить и осмыслить эту потерю, болезненная часть ее существа все сильнее подавляла здоровую. Она играла в те же игры, что и остальные, но ее выходы становились все более и более опасными. Дети стали бояться ее и в конце концов начали избегать. Когда она находилась во власти черных и злых мыслей, она чувствовала, что единственным ее другом остается Охотник. Ее шалости, шутки и поведение в целом становились все более злонамеренными, и нам пришлось запираить ее ради ее собственной безопасности и спокойствия остальных детей.

Няня Тесс сделала еще глоток бренди, словно для того, чтобы придать себе силы. Эш потушил в поставленной перед ним пепельнице сигарету и молча ждал продолжения рассказа.

– Однажды ночью – не знаю, случайно или намеренно – она подожгла дом. К счастью, мы быстро обнаружили пожар и сумели его потушить. Но она исчезла. Мы обыскали весь дом, и только когда Саймон заметил, что задняя дверь открыта, мы поняли, что произошло. Ее тело мы обнаружили в пруду.

Эш в ужасе смотрел на женщину. Ее мысли были в этот момент где-то очень далеко, среди воспоминаний о той страшной ночи.

– Ее ночная рубашка загорелась, и она бросилась в воду, чтобы потушить пламя. Но, видимо, ожоги были столь сильны, что у нее не хватило сил выбраться на берег. Она утонула, мистер Эш, бедная девочка утонула.

Он был настолько потрясен, что почти утратил способность мыслить четко и ясно.

– Вчера утром, когда Кристина показывала мне парк, ей, по-моему, было страшно подходить близко к пруду...

– Никто из нас не любит ходить туда после всего, что произошло. Вот почему пруд теперь так запущен.

Эш откинулся в кресле, пытаясь осмыслить услышанное, он был совершенно сбит с толку.

– И все же я никак не могу понять, почему вы не рассказали мне об этом раньше, – сказал он.

– А почему мы должны были рассказывать вам о психическом расстройстве одного из членов нашей семьи? Мы всегда стремились оберегать Друг друга, даже наши воспоминания. Вам не следовало об этом знать, мистер Эш. Во всяком случае до этого момента. Теперь я чувствую, что вы имеете на это право.

– Вы хотите открыть мне еще какую-нибудь тайну?

Она медленно покачала головой.

– Посторонние не должны знать обо всем, что происходит в Эдбруке, здесь есть свои секреты.

Няня Тесс допила бренди и встала из-за стола.

– Подождите! – уже на пороге остановил ее Эш.

Открыв дверь, она обернулась.

– Мой вам совет: уезжайте из этого дома. Ничего хорошего из вашего исследования не выйдет. Неужели вы сами не понимаете?

С этими словами няня Тесс вышла из кухни.

17

В лучах света, струившегося из окна комнаты, вился сигаретный дым, отравляя благоухающий воздух. С мрачным выражением лица Эш просмотрел свои записи, отложил в сторону мундштук с фильтром и потушил окурок сигареты в медной пепельнице. Он уже потянулся было к бутылке водки, опустошенной больше чем наполовину, но в этот момент раздался громкий стук в дверь.

Не дожидаясь ответа, в комнату заглянул Саймон Мариэлл.

– У вас есть несколько минут? – спросил он со своей надменно-презрительной улыбкой, которая уже начинала раздражать Эша. – Роберт просит вас прийти в гостиную.

– Хорошо, мне тоже хотелось бы с ним встретиться, – подавив в себе раздражение, ответил Эш.

Взяв со спинки стула пиджак, он направился к двери. Саймон успел уже отойти на некоторое расстояние, и Эш последовал за ним по коридору, чувствуя себя неуютно в царящем здесь всегда полумраке, пропитанном запахом пыли и старого дерева.

Он спустился по широкой лестнице, двигаясь не очень уверенно из-за выпитого с утра бренди и изрядного количества водки, которую он потягивал, сидя в своей комнате. Только сейчас он заметил, что покрывавший ступеньки ковер был очень старым и вытертым, особенно по краям.

В гостиной его ждали Роберт, Кристина и няня Тесс. Закрыв за Эшем дверь, Саймон присоединился к остальным, заняв место на диване рядом с Кристиной.

С холодной улыбкой Роберт отошел от большого окна и направился навстречу Эшу.

– Мне хотелось бы знать, можете ли вы рассказать нам о предварительных результатах ваших исследований, мистер Эш, – сказал он.

– Что за чертовщину вы здесь устроили, и что означают все эти глупые игры? – ответил ему Эш.

Кристина вздрогнула, пораженная таким ответом.

Однако тон Роберта по-прежнему оставался мягким, улыбка не исчезла.

– Я не совсем понимаю...

– То, что произошло прошлой ночью, и сегодняшнее поведение Кристины, которая привела меня к семейному склепу, где меня снова поджидал этот чертов пес...

– Но я не... – протестующе начала Кристина.

Эш резко повернулся в ее сторону.

– Вы совершенно случайно побежали в ту сторону, не так ли? А голоса, которые я слышал в лесу, лишь плод моего воображения? – Он снова повернулся к Роберту. – Некоторое время назад ваша тетя рассказала мне небылицу о якобы существовавшей еще одной вашей сестре – близнеце Кристины, которая много лет назад утонула здесь, в Эдбруке. – Он сердито взглянул на няню Тесс, напряженно застывшую на краешке кресла. – Ей почти удалось убедить меня в правдивости этой истории. Она так удачно укладывается в рамки вашего утверждения о том, что дом посещают призраки.

– Боюсь, что переживания, выпавшие на вашу долю, выбили вас из колеи, вы переутомились, – ровным голосом произнес Роберт. – С какой стати мы стали бы все это придумывать?

– Вот об этом мне и хотелось бы узнать от вас. Это что, своего рода заговор, разработанный вами и кем-то еще, чтобы дискредитировать меня? Возмездие за все раскрытые мною фальсификации появления призраков, мести шарлатанов, которых я разоблачил? Только не пытайтесь убедить меня в том, что все вы собрались вместе лишь затем, чтобы попытаться доказать несостоятельность всех моих прошлых исследований.

Роберт по-прежнему сохранял спокойствие.

– Поразительно, неужели вы сами не понимаете, как смешны? Да, ваша вендетта, объявленная многим медиумам и сверхъестественным явлениям, известна всем, но семью Мариэллов она совершенно не интересует. Мы не занимаемся такого рода вещами.

– Мне остается только верить вам на слово. Что я в действительности знаю о вас? О каждом из вас?

Эш переводил взгляд с одного на другого по очереди. Кристина казалась взволнованной, как будто чувствовала себя не слишком уверенно, в то время как няню Тесс явно встревожила его несдержанность. Саймон по-прежнему ехидно усмехался, хотя и пытался скрыть улыбку. Это еще больше вывело из себя Дэвида.

Роберт подошел к холодному и пустому камину и оперся на него рукой.

– Мы рассказали вам все, что сочли возможным и необходимым. Если вы считаете, что должны узнать больше, что ж, мы постараемся оказать вам любую помощь, сделать все, что в наших силах. Однако у меня создалось впечатление, что вы сомневаетесь в правдивости рассказа няни Тесс.

– Только потому, что она утверждает, будто сестра-близнец Кристины умерла много лет назад, то есть еще ребенком. Каким же тогда образом Охотник мог быть ее любимцем? – Он взволнованно провел рукой по волосам. – Об этом сказала мне мисс Вебб. Я не специалист по животным, но тем не менее прекрасно вижу, что пес далеко не так стар. Вот почему я уверен в том, что ее рассказ не более чем глупая ложь. – Он махнул рукой и покачал головой. – Все это заставляет меня размышлять о ваших истинных мотивах. Я никак не могу понять, чего вы надеялись добиться, дискредитируя меня таким образом.

– Мы всего лишь хотели узнать правду, мистер Эш, – ответил старший из братьев Мариэллов, – не более.

Кристина встала с дивана и приблизилась к мрачно взиравшему на нее Эшу.

– Дэвид, вы не думаете, что ваши собственные предрассудки заставляют вас сомневаться в нашей искренности?

– Я считаю, что, в отличие от ваших забав, мои так называемые предрассудки вполне разумны, – холодно ответил он.

– Так, значит, вы считаете, что все это лишь наши игры и забавы? – раздался с другого конца комнаты голос Роберта. – В таком случае, докажите свою правоту. А если не можете, то докажите, что все таинственные явления в этом доме, – а вы и на себе уже успели их испытать, – что все эти явления вызваны какими-то подземными источниками, просчетами в конструкции Эдбрука или, как вы их называете, электромагнитными импульсами. Докажите, что все эти “феномены” имеют естественные причины, что все это лишь видимость и обман.

Вы можете даже попробовать убедить нас в том, что мы ошибаемся в своей уверенности, будто Эдбрук находится во власти призраков. Нам всем будет весьма интересно выслушать ваши доводы, мистер Эш. Уверен, что и для Института парапсихологических исследований они тоже представляют значительный интерес.

– Ас какой радости я стану все это делать?

– Только из собственного профессионального любопытства, – хмыкнул Саймон. – Ради чего же еще?

– Думаю, что во всем этом есть нечто большее, – вновь заговорил его брат. – Речь идет о вашем собственном скептицизме, мистер Эш. Вы сами нуждаетесь в подтверждении своей правоты, во имя укрепления вашей веры. Я намерен утроить вашу обычную плату за такого рода исследование и, кроме того, внести значительную сумму на проведение Институтom экспериментов в этой области. Последнее я сделаю лишь в том случае, если вы докажете, что никаких призраков в Эдбруке на самом деле нет. – Он театрально развел руками. – Вы готовы принять вызов и мои условия?

Прежде чем ответить, Эш медленно обвел взглядом всех присутствующих.

– Хорошо, – наконец сказал он, – но вы должны пообещать мне, что сегодня ночью, что бы ни случилось, вы не выйдете из своих комнат. Только так я могу быть уверен, что вы не будете иметь никакого отношения к происходящим здесь событиям.

Роберт улыбнулся.

– Мы с Саймоном проведем ночь в Лондоне – завтра рано утром у нас деловая встреча в Сити. Так что вы можете быть совершенно спокойны относительно нас – мы не сможем предпринять здесь что-либо. Уверен, что Кристина и няня тоже согласятся с вашими условиями.

Няня Тесс отвернулась, но Кристина кивнула в знак согласия, глядя Эшу прямо в глаза. От ее прежнего волнения не осталось и следа.

– Вполне возможно, что к моменту вашего возвращения у меня будут готовы ответы на все вопросы, – сказал Роберту Эш.

– Надеюсь, – ответил тот. – Я очень на это надеюсь.

18

Какая-то фигура медленно двигалась по окруженной густым лесом долине, внимательно всматриваясь в отдаленные склоны холмов. Солнце уже клонилось к закату, и воздух становился все холоднее и холоднее.

Эш поднял воротник пиджака, пожалев, что перед уходом из Эдбрука не успел зайти в свою комнату и взять пальто. Он пошел быстрее – холод придал ему сил и бодрости, избавив от ощущения усталости, владевшей им до этого.

И все же, когда он наконец добрался до телефонной будки, стоявшей на пересечении шоссе и боковой дороги и как будто выросшей из-под земли среди высокой травы, он задыхался и чувствовал ужасную тяжесть в не привыкших к длительной ходьбе ногах. Ядовито-красная будка (такой цвет, конечно, сразу бросался в глаза) была очень старой, часть стекол в ней были разбиты, но Эш тем не менее надеялся, что местные власти все же поддерживают ее в рабочем состоянии. Ему потребовалось сделать немалое усилие, чтобы открыть дверь, но, когда это ему удалось, он поднял трубку и с облегчением услышал зуммер. Высыпав мелочь на полку, Эш отыскал нужные ему монетки, потом набрал номер, чуть подождал и опустил одну из них.

– Кейт Маккэррик, – произнес он в трубку.

В ожидании ответа он внимательно осматривал долину сквозь запотевшие от его дыхания стекла.

– Кейт? Это я, Дэвид.

– Дэвид! – послышался в трубке обеспокоенный голос Кейт. – Почему ты не позвонил раньше? Мы очень волновались.

– Я не мог, – ответил он. – Телефон в Эдбруке не работает. Такое впечатление, что он вообще отключен.

– В телефонном справочнике отсутствует номер Эдбрука.

Дэвид нахмурился и какое-то время молчал.

– Дэвид, ты слышал, что я сказала? В справочнике нет номера телефона Мариэллов!

– Да-да, я слышал, – устало произнес он. – Это вообще очень странная семейка. Послушай, тебе известно что-нибудь о Мариэллах, об их прошлом?

Сидевшая в своем кабинете в Институте экстрасенсорики Кейт сняла очки и положила их на стол.

– Только то, что написала в своих двух письмах мисс Вебб, то есть очень мало, или почти ничего, – ответила она. – Я могу поискать их и прочитать тебе, но сегодня у меня почти нет свободного времени – я готовлюсь к завтрашней конференции по парапсихологии. Ты же знаешь, как много... – она вдруг отодвинула от уха трубку, в которой раздался ужасный треск. – Ты меня слышишь, Дэвид? – спросила она, когда шум стих. – Ужасная связь!

– Сделай для меня все возможное, Кейт, – донесся до нее слабый голос Эша. – Я не совсем понимаю, с чем именно мне пришлось здесь столкнуться. Не знаю, дурачат они меня или говорят правду.

– Если у тебя там возникли проблемы, брось все и уезжай. Тебе совершенно незачем ввязываться в неприятности, – твердо и решительно сказала Кейт.

Эш протер ладонью запотевшее стекло и мрачно улыбнулся.

– Ты еще не знаешь, какое предложение мне сделали, – ответил он.

На линии вновь возникли помехи, и треск стал поистине оглушительным.

– Что ты сказал? Я плохо расслышала, – крикнула Кейт.

– Неважно! – закричал он в ответ. – Я доведу дело до конца. Случай весьма необычный. Все, у меня закончились монеты, больше говорить не могу. Позвоню тебе завтра.

– Я буду на конференции. Расскажи подробнее, что там у тебя происходит.

– Хотел бы я знать. Но Роберт Мариэлл поставил передо мной интересную задачу...

В трубке послышалось пиканье, предупреждающее о том, что время разговора заканчивается.

– Я позвоню тебе завтра вечером, – быстро проговорил он, – домой. И тогда расскажу обо всем.

Линия разъединилась, и в трубке вновь послышался зуммер.

– Дэвид! Черт!

Кейт молча уставилась на телефон, потом проворчала что-то себе под нос и положила трубку. Из другого конца комнаты на нее был устремлен пристальный взгляд Эдит Фипс...

* * *

Свернув с дороги, он, чтобы сократить путь, пошел к дому через парк. Ноги гудели от усталости и требовали отдыха, поэтому он остановился и привалился спиной к стволу дерева. “Стареешь, дружище”, – сказал он сам себе и полез в карман за сигаретами. Взглянув на стоящий вдалеке дом, он заметил, что фасад его поблек и кое-где обшарпан, и подумал, что лет сто назад особняк, должно быть, выглядел гораздо более величественным. Углы некоторых каменных труб откололись, штукатурка с них осыпалась, краска вокруг окон потрескалась и облетела, черепица на крыше в нескольких местах отсутствовала. Эш не понимал, почему Мариэллы позволяют разрушаться собственному дому. Трудное финансовое положение? Судя по всему, не столь уж плохое, если Роберт позволяет себе утроить плату за услуги исследователя, да к тому же еще жертвует приличную сумму Институту. Как бы то ни было, Эшу приходилось работать в таких же или даже еще более внушительных размеров особняках, которые потомки вот так же плохо содержали только из-за собственной беспечности, за исключением, конечно, тех случаев, когда смерть кого-либо из членов семьи расшатывала ее финансовые дела.

Он уже хотел было закурить, как вдруг краем глаза заметил что-то. Оказывается, он до сих пор не видел, что впереди еще кто-то наблюдает за домом. Фигура в белом...

Это была девушка с рассыпанными по плечам темными волосами.

Вытащив изо рта неприкуренную сигарету, Эш сунул ее в верхний кармашек пиджака. Он шел к девушке осторожно, словно боясь, что любой звук может заставить ее – ее образ – исчезнуть. Глупая мысль, подумал он, но продолжал идти крадучись.

Приблизившись, он услышал, что она напевает что-то, простенький мотивчик, который он уже слышал где-то раньше, но не мог вспомнить, где и когда. Неприхотливая, похожая на детскую и при этом странным образом завораживающая песенка.

Он подошел еще ближе и узнал эти узкие плечи и эти волосы.

Еще шаг – и он сможет дотронуться до нее.

Песенка оборвалась, и Кристина с улыбкой обернулась.

– Я не хотел испугать вас, – чувствуя себя неловко, виноватым тоном произнес Дэвид.

– Я ждала вас.

И тут Эш вспомнил, что ту же самую песенку Кристина напевала позавчера, когда они ехали со станции. Он обошел скамейку и сел рядом с девушкой.

– Неужели вам не холодно? – спросил он. Несмотря на то, что платье девушки было длинным, доходившим почти до щиколоток, а рукава закрывали запястья, сшито оно было из какой-то тонкой и легкой материи.

– Вас не было очень долго, – пожав плечами, ответила она.

– Телефонная будка довольно далеко отсюда.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Я должен был позвонить в Институт и доложить обо всем, что происходит, – пояснил Эш. – Правда, это легче сказать, чем сделать, потому что я сам мучаюсь в догадках. А почему не работает телефон в доме?

– Знаете, мы терпеть не можем телефоны. Это так ужасно – беседовать с какими-то неведомыми бесплотными голосами. – Она снова улыбнулась, хотя в глубине глаз вновь промелькнула насмешка.

Он сделал вид, что не заметил этого.

– Но как же вы без него обходитесь? Каким образом ваши братья ведут свои дела?

– Как-то обходимся.

Она вновь замурлыкала себе под нос все тот же мотивчик, словно разговор совершенно ее не интересовал.

Эш наклонился вперед, оперся локтями о камни и вместе с ней стал разглядывать Эдбрук.

– Почему вы оставили меня одного в лесу?

Песенка смолкла, и в тоне Кристины послышалось искреннее раскаяние.

– Я не хотела поступать с вами так, я думала, что вы идете следом за мной. Вы меня простили?

– А не было ли это очередной вашей проделкой? Не было ли это задумано вами заранее вместе с Саймоном и, возможно, Робертом? Не сговорились ли вы немного попугать меня?

Она снова запела, на этот раз печально, словно погребальную песнь.

– Чем занимаются ваши братья, Кристина? – настойчиво продолжал расспрашивать Эш. – Как удастся им содержать такое поместье, как Эдбрук?

– Я уже, кажется, говорила вам: отец оставил нам деньги. Вклады, акции, ценные бумаги – я не очень разбираюсь во всем этом. Из-за них Роберт и Саймон уехали в Лондон.

– И тем не менее вам не хватает денег, чтобы нанять слуг. Поместье слишком велико, чтобы няне Тесс управляться со всем в одиночку.

– Если необходимо, она нанимает людей. Весной и летом приходят садовники, чтобы привести в порядок земли вокруг. Но мы предпочитаем жить своей семьей.

– Но почему?

– Потому что мы есть друг у друга. Этого достаточно. Нам не нужны посторонние.

Эш повернулся и посмотрел ей прямо в лицо.

– Неужели у вас никогда не возникало желания уехать отсюда? Кристина, вы когда-нибудь покидали пределы Эдбрука?

– О да! – Она улыбнулась. – Да, очень часто. И каждый раз очень, очень надолго.

Но Эш в этот момент смотрел мимо нее, он увидел, что на другой стороне долины под деревьями кто-то стоит. Неясная фигура в тени, под сенью ветвей, маленькая девочка... расстояние не позволяло точнее определить ее возраст и рассмотреть черты лица. На ней были белые гольфы, что свидетельствовало о том, что она еще очень мала.

Кристина продолжала говорить, не замечая, что его внимание переключилось на нечто другое.

– Но меня всегда тянуло обратно в Эдбрук. Не думаю, что вообще смогла бы покинуть... Эш тронул ее за руку.

– Кристина, посмотрите туда. Вы видите ее?

Она взглянула в ту сторону, куда он указывал.

– Я никого не вижу.

– Там, возле деревьев.

Она прищурилась, пристально всматриваясь, потом отрицательно покачала головой.

– Ничего не вижу...

– Не может быть! – Эш удивленно посмотрел на нее и мягко повернул лицо девушки. Но теперь там действительно никого не было, Под деревьями никто не стоял...

19

Он шел по пустому дому; тишина, в которой слышалось лишь гулкое эхо его собственных шагов, действовала на него угнетающе. Эш был не один – Кристина и ее тетюшка оставались в своих комнатах. И все же ему никак не удавалось избавиться от ощущения полного одиночества. Ночь за окном была ясной, безоблачной, яркая луна блестела в небе, словно гордясь своей неоспоримой властью над миром. Казалось, стены дома не защищали от холода, а, напротив, аккумулировали, притягивали его к себе, отчего даже мебель внутри была холодной на ощупь.

Вечером ему пришлось ужинать в одиночестве, даже няня Тесс, ставя перед ним на стол еду, не проронила ни слова. Правда, Эшу тоже не хотелось в тот момент разговаривать с кем-либо. Справедливо предположив, что Саймон и Роберт все еще в Лондоне, он поинтересовался, где Кристина, и няня Тесс ответила, что ее племянница рано ушла спать, так как события предыдущей ночи, естественно, очень ее утомили. Она говорила об этом таким тоном, словно виноват во всем был именно он, Дэвид Эш.

Он проверил установленную в нескольких комнатах аппаратуру, желая удостовериться, что все сработает как надо, если что-то вдруг возникнет поблизости. Отыскав еще несколько подходящих мест, он рассыпал там порошок, потом убедился в том, что наружные двери заперты. Половицы под его ногами скрипели, а в тех местах, где пальцы касались стен или перил лестницы, на толстом слое пыли оставались следы. Он обратил внимание еще на одну деталь, не замеченную им прежде: в темных углах висела ажурная паутина – пыльная, грязная, особенно причудливо разросшаяся в тех комнатах, которыми редко пользовались. Дэвид с отвращением покачал головой. Мариэллы слишком уж много хотели от своей тетюшки, если воображали, что она одна в состоянии справиться со всеми заботами по дому. Ничего удивительного в том, что она вечно обеспокоена чем-то.

Когда в одной из комнат он протянул руку к выключателю, то почувствовал, что по ней бежит паук. От мерзкого ощущения его лапок на коже Эша передернуло и по телу побежали мурашки. Он увидел, как паук исчез в одной из щелей гладильной доски. Как и везде в Эдбруке, свет был тусклым, к Эш удивился, почему не видел этой комнаты прежде. Потом он вспомнил, что до сих пор она всегда оставалась запертой и что Мариэллы уверяли его, будто в ней нет ничего заслуживающего его внимания, а потому он потерял тогда всякий интерес к

этой комнате. Возможно, сейчас они открыли ее, желая дать ему возможность осмотреть весь дом.

Мебель покрывали пыльные чехлы, а над камином напротив двери висел портрет, на котором были изображены мужчина и женщина в вечерних туалетах. У него возникло странное ощущение, будто они пристально наблюдают за ним.

Сомнений в том, кто они, не возникало – женщина обладала удивительным сходством с Кристиной. Правда, черты лица ее были более резкими, чем у дочери, волосы светлее и причесаны по-другому, но глаза были теми же – художнику удалось передать скрытую в них жизнерадостность и сочетание насмешки и холодности. Казалось, они отражают некое высшее внутреннее сознание.

Мужчина представлял собой более суровую, жесткую копию Роберта, хотя был, конечно, значительно старше. Если даже тому человеку и было присуще чувство юмора, ему удалось великолепно скрыть его во время позирования. Угрюмое выражение лица и непреклонный взгляд раскрывали его внутреннюю сущность.

Томас и Изабель Мариэллы – покойные родители Роберта, Саймона и Кристины. Изабель – сестра Тессы Вебб.

Эш почувствовал себя неуютно под их немигающими взглядами и поспешил выключить свет и закрыть за собой дверь.

Проходя обратно через холл, он заметил, что дыхание его превращается в пар. Проверив показания висевшего поблизости термометра, он увидел, что температура упала очень низко. Всего девять градусов Цельсия. Как же холодно должно быть в доме, чтобы его хозяева включили систему отопления или хотя бы разожгли огонь во множестве имевшихся в доме каминов?

Он дошел до библиотеки, открыл дверь... и его ослепила яркая вспышка.

Эш закрыл руками глаза и выругался – должно быть, он оставил включенным детектор емкостного сопротивления. Из “Поляроида” на пол вылетел белый листок со снимком. Бобины магнитофона медленно вращались. Быстро моргая и защищая руками глаза от возможной следующей вспышки, он бросился к треноге с фотоаппаратом. Еще один белый листок вылетел и приземлился рядом с первым. Снова вспыхнул свет.

Нашупав кнопку выключателя на детекторе, он обнаружил, что она находится в нерабочем положении. Невозможно! Прибор не мог работать! Он дернул за провод, соединяющий детектор с фотоаппаратом.

Снова вспышка, яркий, ослепительный свет. Шорох фотобумаги. Бобины продолжают вращаться.

– Невозможно! – повторил он, на этот раз вслух.

Однако свет вспыхнул снова. Невероятно! фотографии вылетели из щели фотоаппарата. Он слышал, как все быстрее крутятся бобины.

Спотыкаясь и натываясь в темноте на мебель, Эш бросился к розетке. Почти ничего не видя, он наклонился, чтобы выдернуть вилку.

Вспышки прекратились. Последний листок фотобумаги упал на пол. Бобины магнитофона замерли и лишенная натяжения пленка между ними провисла, изогнувшись дугой. В наступившей тишине слышалось только его дыхание.

Эш в себя не мог прийти от потрясения. Непостижимо! Аппаратура была отключена и не должна была сработать таким образом! Неподсоединенный фотоаппарат не должен был снимать. Возможно, произошел какой-то сбой в подаче напряжения и этого оказалось достаточно, чтобы вывести из строя чрезвычайно чувствительный механизм детектора? Он взглянул на тускло горящие лампочки. Возможно, сбой произошел именно в тот момент, когда он открывал дверь, а вспышка помешала ему это заметить? И все же детектор оставался отключенным. Могло ли это иметь значение? Эш выпрямился. Он был озадачен и совершенно сбит с толку, но все же подумал, нет ли во всем этом какого-либо подвоха.

Он подошел к разбросанным по полу фотографиям, изображение на которых было неясным, словно окутанным туманом. Наклонившись, выбрал две, казавшиеся более

четкими, чем остальные. На одной видна была фигура в проеме двери, на другой та же фигура, но уже ближе к фотоаппарату. Он присел на корточки и принялся шарить руками по полу. На всех остальных снимках был тоже он – крупным планом вблизи и мельче, когда удалялся по направлению к розетке. Если не считать окружающей обстановки, больше на фотографиях ничего не было.

Эш аккуратно сложил все фотографии и сунул пачку в карман пиджака. Теряясь в догадках, он вышел из библиотеки, оставив все оборудование в прежнем положении. Прикрыв за собой дверь, он на секунду замер и прислушался.

Откуда-то слышались голоса. Приглушенные, больше похожие на шепот звуки.

– Кристина?! – громко позвал он. – Мисс Вебб?!

Тишина.

Одну за другой он открывал выходящие в холл двери. Но везде было пусто.

Эш поднялся по лестнице и пошел по коридору – теперь в противоположную от своей комнаты сторону. Остановившись возле спальни Кристины, он тихо постучал в дверь. Никакого ответа. Он позвал ее, но снова ответом была лишь тишина.

Он пошел дальше, намереваясь подняться по узкой лестнице, которая вела на верхний этаж. В прежние времена в комнатах наверху жили, вероятно, слуги, работавшие в Эдбруке, но теперь, насколько ему было известно, эти комнаты занимала тетушка Мариэллов. В отделанный простыми деревянными панелями коридор выходили несколько дверей. Эш постучал в каждую из них по очереди, но вновь никто не отозвался.

Совершенно сбитый с толку, не зная, что и думать, Эш некоторое время стоял неподвижно. Такое впечатление, что он остался совершенно один в Эдбруке, дом был пуст.

Когда он наконец спустился вниз, лицо его выражало непреклонную решимость. Мариэллы вновь играют с ним в свои глупые игры, стараются вывести его из равновесия, заставить нервничать, чтобы у него разыгралось воображение и он легче поддавался... чему? Чего они добиваются? Какова их цель? Неужели они действительно верят в то, что снова смогут испугать его? Неужели надеются, что он в страхе перед необъяснимыми явлениями попросту сбежит из дома? Что станет посмешищем в глазах всех людей его профессии? Он мрачно улыбнулся.

Нет, для этого потребуется нечто гораздо большее, чем игры и забавы этой семейки.

Он вдруг резко остановился и прислушался.

Снова голос, на этот раз один.

Кто-то напевает песенку.

Тот же однообразный мотивчик, который он уже слышал прежде, утром его мурлыкала Кристина.

Эш шагнул в холл, дошел до его центра и медленно повернулся кругом, пытаясь определить, откуда доносится звук.

Дверь, ведущая в подвал, была полуоткрыта. Голос слышался откуда-то снизу.

Он подошел к двери, и, хотя двигался он практически бесшумно, тихое пение прекратилось.

Он придвинулся к щели, замер и стал прислушиваться. Лицо обдало холодом. Ничего.

Эш открыл дверь пошире и принялся шарить рукой по стене в поисках выключателя, который, как он знал, должен быть где-то здесь, на верхней площадке лестницы, ведущей в подвал. Свет зажегся, но был еще более тусклым, чем везде, а тени стали еще чернее.

Он начал спускаться по стонущим под его тяжестью ступеням.

Наконец он оказался внизу, в просторном помещении с кирпичными стенами, вдоль одной из которых располагались погруженные в непроницаемую тьму ниши. С низких стропил свисали клочья паутины, пыль и паутина покрывали чехлы стоявшей здесь мебели и черепки разбитых скульптур, разбросанные по полу. Запах сырости и плесени, казалось, стал еще сильнее.

– Кристина, вы здесь, внизу? – он старался, чтобы голос, звук которого гулким эхом раздавался под сводами, не выдавал его волнения.

Ответом ему была лишь тишина.

– Если это еще одна ваша чертова выходка... – вновь заговорил он, с трудом сдерживая гнев.

В ничем не нарушаемом молчании ему слышалась насмешка.

Он поежился, чувствуя пронизывающий холод. Укрепленный на стропилах термометр показывал три градуса Цельсия. Тихий щелчок заставил его резко обернуться, фотоаппарат отреагировал на его присутствие, и теперь внутри камеры переводился кадр. Дэвид пошел к нему, раздался еще один щелчок, и он быстро выключил камеру. Тут он заметил, что магнитофон, стоящий на одной из полок рядом с вибрационным детектором, тоже работает. Интересно, он заставил его включиться или это сделал кто-то другой, до него? Он нажал на кнопку обратной перемотки.

Он закурил, в ледяной атмосфере подвала глубокая затяжка доставила особенное удовольствие. Наконец пленка перемоталась до конца, и он нажал на пуск. Секунду или две из магнитофона доносилось только шипение, потом послышался звук шагов, и он напряженно замер. Звуки становились все громче – кто-то спускался по лестнице. Пауза. Эш не понял, испытал ли он облегчение или разочарование, услышав собственный голос: “Кристина, вы здесь, внизу?”

Он нажал на “стоп” и отключил магнитофон от сети. Оперевшись спиной о стеллаж с вином, Эш глубоко затянулся, его не переставали мучить вопросы. Зачем? Чего, черт возьми, они добиваются? Какого дьявола затеяли эту игру? Он тщательно осмотрел все помещение и убедился, что никого рядом нет, еще раз похвалив себя за то, что настоял накануне вечером на том, чтобы собаку заперли на ночь где-нибудь вне дома. Он слышал голос Кристины? Либо он ошибся, либо здесь где-то были трубы или другие полые отверстия, сквозь которые доносились звуки извне. Конечно же, только так можно это объяснить. Он, правда, до сих пор не мог понять, каким образом им удалось подключить к сети оборудование в библиотеке, но факт остается фактом: они сумели это сделать. Завтра он непременно все выяснит, даже если для этого ему придется разобрать все приборы до последнего винтика.

В горле пересохло, и он вынужден был признать, что, несмотря на все разумные доводы, нервы его напряжены до предела. Идиот! Он позволил Мариэллам вывести себя из равновесия! Вне себя от злости он схватил с полки одну из бутылок и ладонью стер пыль с этикетки. “Chateau Cheval-Blanc” 1932 года. Прекрасный, должно быть, был год. Он сунул бутылку на место и потянулся к другой. Сколько же здесь редких, высочайшего качества вин, подумал он с некоторой завистью. “Chateau Climens”, 1929 год... Эш пошел вдоль стеллажей в поисках чего-нибудь покрепче. Вытащив бутылку “Арманьяка”, он ногтем большого пальца соскреб с горлышка воск. “Пусть только Мариэллы посмеют пожаловаться, – пробормотал он себе под нос. – У меня тоже есть повод предъявить им претензии”. Держа во рту недокуренную сигарету, он отвернул пробку. Откуда-то послышался сдавленный смешок. Он резко обернулся и на этот раз заметил тень, промелькнувшую в одной из ниш. От удивления он выронил изо рта сигарету, бутылка с бренди выскользнула из разжавшихся пальцев, разбилась вдребезги, и ее содержимое, забрызгав Эшу брюки, блестящей лужей растеклось по полу.

Жидкость тут же вспыхнула, и от испуганного крика Дэвида вздрогнули сами своды подвала.

Он в шоке отскочил назад. Увидев, что брюки на нем тоже горят, Эш лихорадочно принялся хлопать по ним ладонями, сбивая пламя и пятась все дальше и дальше.

Сдернув один из чехлов, он бросился обратно и накрыл им пылающую лужу. Потом принялся топтать по нему ногами, слыша, как хрустит раздавленное под его тяжестью стекло, но продолжая плясать на небольшом пятнышке, стремясь не пропустить ни дюйма и опасаясь, что сам чехол может вот-вот вспыхнуть.

У него не было времени задуматься, откуда раздался предательский звук, из-за которого случилось это неприятное происшествие, но он понимал, что, видимо, выпавшая у него изо рта сигарета заставила загореться бренди. Сейчас его заботило только одно: необходимо

сбить пламя, пока огонь не распространился дальше.

Через несколько минут битва была выиграна, и он обессиленно привалился к стеллажу, глядя на почерневшую тряпку на полу. От испуга и лихорадочных усилий все тело его покрылось липким потом. Его охватил жар, Эшу казалось, что он горит.

Он осторожно приподнял закопченный чехол. Огонь потух, на каменном полу не осталось ни единой искорки. Но когда он выпрямился, то увидел, что на стенах и потолке подвала пляшут оранжевые отблески.

Эш дико озирался вокруг. Этого не может быть! Огонь погашен! Но мелькающие тени свидетельствовали об обратном.

Ногам было жарко. Он отступил назад и принялся снова бить по ним ладонями. Но огня не было. Нет, огня не было, но тем не менее он явственно ощущал жар. Стало тяжело дышать, ему не хватало кислорода. Странно, но он слышал треск огня.

Но огня не было!!!

Для того, чтобы убедиться в неправдоподобности своих ощущений, он взглянул на термометр и к ужасу своему увидел, что ртутный столбик стремительно ползет вверх. Температура повышалась. Быстро, невероятно быстро!

Эш почувствовал слабость, жара лишала его последних сил. Дышать становилось мучительно больно.

Стекло термометра треснуло и разлетелось, и Эш отпрянул назад, инстинктивно прикрывая руками лицо от осколков.

Звук этого взрыва привел Эша в чувство и заставил действовать. Он, спотыкаясь, бросился к лестнице, на ходу рванув воротник рубашки, кашляя и задыхаясь от невидимого дыма. Он споткнулся о деревянные ступени, упал, чувствуя, насколько они горячи, и вновь заставил себя подняться, в отчаянии стремясь поскорее выбраться из подвала. Отблески пламени и тени плясали на стенах вокруг него. Он слышал треск горящего дерева. Еще немного, и начнут одна за другой взрываться бутылки, а их содержимое заставит огонь разгореться еще сильнее. Он чувствовал запах тлеющей одежды, ощущал натяжение кожи на голове, в то время как волосы стали сухими и жесткими.

Эш заставлял себя карабкаться все выше и выше, лихорадочно хватая ртом воздух, чувствуя, как раскаляется кожа. Он был почти наверху. Дверь в подвал оказалась закрытой.

Он протянул вперед руку, но тут же взвыл от боли, когда ладонь коснулась раскаленной дверной ручки.

Эш рухнул на колени и схватился за обожженную руку. Дышать было трудно и больно, от недостатка воздуха сознание мутилось. Достав из кармана носовой платок, Эш попытался обернуть им раскаленную ручку двери.

Но рука его соскользнула.

Внизу бушевало адское пламя, от его рева у Эша все сжалось внутри.

Преодолевая боль, он обеими руками схватился за обернутую носовым платком металлическую ручку. На этот раз ему удалось повернуть ее.

Замок открылся. Он потянул на себя дверь. И в глазах его вспыхнул ужас.

Над ним склонилась темная фигура. Это была девушка, волосы ее растрепались, а ночная рубашка, словно подхваченная дующим снизу ветром, развевалась вокруг тела.

20

Фигура наклонилась еще ближе. Черты лица ее находились в тени, и различить их пока было невозможно. Эш съежился, мускулы его напряглись, а когда она прикоснулась к нему, Эш не удержался и громко вскрикнул.

Когда лицо ее оказалось совсем рядом, его осветило невидимое пламя, и Эш увидел обеспокоенные глаза Кристины и ее руку, нежно касающуюся его плеча. Она одними губами произнесла его имя – звука ее голоса Эш не услышал. В зрачках ее глаз отражались отблески пламени, но постепенно они затухали, а жар за его спиной спадал, становилось прохладнее,

треск горящего дерева стих.

Внимание его привлекло какое-то движение за спиной Кристины. Ее сопровождал Охотник, однако он остался стоять в стороне, низко пригнув голову, дрожа от напряжения и не сводя пристального взгляда с лестницы, ведущей в подвал. Вырывавшиеся из его приоткрытого рта скулящие звуки больше походили на горестный детский плач.

Эш был настолько обессилен пережитым кошмаром, что смог встать на ноги только с помощью Кристины. Она подхватила его под руки, приподняла, но для того чтобы обрести равновесие, ему пришлось схватиться за косяк двери.

Когда Эш оперся на плечи Кристины, девушка буквально согнулась под его тяжестью. Он обернулся, чтобы взглянуть на бушевавшее внизу пламя, но обнаружил, что от огня и жара не осталось и следа.

Деревянные ступени по-прежнему вели в холодный сырой подвал, где единственная тускло светившая лампочка отбрасывала тени на каменные стены.

* * *

Эдит проснулась, но в голове ее все еще проносились картины ночного кошмара. Она резко села в кровати, охваченная ужасом, связанным с тем, что ей пришлось пережить во сне.

В горле пересохло, а в воздухе, которым она дышала в собственной спальне, казалось, по-прежнему витал дым из ее сна. В груди оставалось ощущение тяжести, дышать было трудно, от воображаемого дыма и пламени трахея словно сжалась, боль постепенно перемещалась, распространялась в груди.

Эдит хорошо были знакомы эти симптомы, она знала, что ощущение жжения внутри не было результатом ночного кошмара, оно было вполне реальным. Она с трудом дотянулась до лампы возле кровати, стараясь сдерживать охватывающий ее страх, смахивая вызванные не то болью, не то ужасом слезы. Онемевшими пальцами нащупала выключатель. Зажегся свет, и она увидела стоявшую рядом с лампой баночку с таблетками. Она торопливо отвинтила крышку и вытряхнула одну на ладонь. Эдит положила ее под язык и стала ждать, пока таблетка растает и уничтожит эту дьявольскую боль, хотя вполне допускала, что на сей раз терзающий ее грудь зверь откажется подчиниться. Однако мучительная боль постепенно ушла и дыхание выровнялось. Озноб прекратился, оставив после себя лишь слабую дрожь.

Иногда Эдит выплевывала таблетку, прежде чем та успевала раствориться окончательно, потому что вызванная ею головная боль пугала и мучила не меньше, чем боль в груди.

На этот раз, однако, Эдит не сделала этого.

* * *

Опираясь на девушку, Эш добрался до двери своей комнаты. Он шел, словно пьяный, но слабость и тошнота были вызваны не алкоголем, а пережитым ужасом. Даже дыхание требовало таких усилий, что Эша покачивало.

Кристина уложила его навзничь на кровать и подняла ему ноги. Потом подошла к бюро и налила в стакан водку.

– Огонь... – бормотал он, когда она вернулась обратно.

Кристина вложила ему в руку стакан.

– Там не было никакого огня, Дэвид. Неужели вы не поняли? Это все лишь часть того, что мы называем властью призраков. Они владеют домом.

Дэвид приподнялся, оперся на локоть и молча сделал большой глоток водки. Ядовитый вкус заставил его поморщиться. Лишь придя немного в себя, он взглянул на Кристину и покачал головой.

– Это невозможно. Жар...

– Он всего лишь плод вашего воображения, – мягко, но настойчиво пыталась убедить

его Кристина. – В подвале не было никакого пожара, сохранилась лишь память о нем.

Мысли в его голове путались.

– Ваша сестра... это правда, у вас была сестра-близнец. Она много лет назад устроила пожар в подвале...

В устремленном на него взгляде Кристины промелькнула жалость.

– Вам ничто не угрожает, Дэвид. Вы в полной безопасности.

– Она сгорела там, внизу...

– Вы весь дрожите. Позвольте, я вас укрою.

Кристина помогла ему снять пиджак, потом стащила с него ботинки. Укрыв его одеялом, она присела на краешек кровати и мягким движением руки убрала темные волосы с его лба. Ее пальцы гладили его щеку.

Ему пока не удалось выровнять дыхание.

– Кристина, скажите мне наконец, что все-таки происходит здесь, в Эдбруке? – умоляюще сказал он.

– А разве не вы сами собирались рассказать нам об этом? – ответила она вопросом на вопрос, но в словах ее не было при этом ни резкости, ни упрека. Рука девушки скользнула к его плечу. – Отдыхайте, Дэвид, и выбросьте из головы все неприятные мысли. Вы так бледны и выглядите таким усталым.

Дэвид, однако, не унимался.

– Вчера... вскоре после того, как я приехал... Мне показалось, я видел вас в саду вместе с Саймоном. Но это не могли быть вы...

– Постарайтесь успокоиться.

– Здесь есть еще одна девушка...

– Именно это мы и пытались вам объяснить. Дэвид, вам следует отдохнуть.

С трудом борясь с усталостью, он схватил ее за руку.

– Незадолго до этого я подходил к вашей комнате. Вас там не было...

В противоположность его возбуждению, голос ее звучал успокаивающе.

– Я ушла в свою комнату рано вечером и все время находилась там, как вы и просили. Должно быть, я заснула и не слышала, как вы стучали. Я сплю очень крепко, Дэвид.

– Но мисс Вебб... Она тоже не ответила, когда я постучал в дверь ее комнаты.

Кристина ободряюще улыбнулась, как улыбается мать, пытаясь успокоить испуганного ребенка, боящегося чудовища с красными глазами, которое прячется в туалете возле спальни.

– Няня часто принимает на ночь снотворное, ее уже много лет мучает бессонница. Сомневаюсь, что вам удалось бы ее разбудить, даже если бы вы вышибли дверь. – Она задумчиво провела рукой по одеялу, разглаживая складки. – Не знаю, возможно, вы все же разбудили меня. Мне снился какой-то кошмар. Я проснулась с неприятным ощущением, что происходит что-то нехорошее. Вот почему я нарушила ваши инструкции, Дэвид. Мне пришлось выйти из комнаты, чтобы выяснить, что случилось.

– Я очень рад, что вы сделали это, – ответил он и устало вздохнул, осознавая наконец, насколько он измотан. Глаза его на секунду закрылись, и он поставил стакан на грудь. Кристина взяла его, намереваясь убрать на место.

Дэвид снова открыл глаза.

– Расскажите мне о вашей сестре...

Кристина, глядя куда-то в сторону, покачала головой, словно давая ему понять, что эти воспоминания чересчур тяжелы для нее. По бледной щеке медленно скатилась слеза. Эш нежно притянул ее к себе.

– Я понимаю, Кристина, – прошептал он, – знаю, как это больно. Я тоже потерял сестру, и хотя это случилось очень давно... она... она...

Кристина подняла голову и пристально посмотрела ему в глаза.

– Почему вам так трудно сказать это? Она утонула, но вы по какой-то причине отказываетесь произнести это слово. Почему оно вас так пугает, Дэвид?

Ответ его прозвучал как-то холодно и бесстрастно, он словно констатировал факт.

– Потому что в этом виноват я.

В глазах Кристины промелькнуло не то неверие, не то смущение, а он повторил:

– Она утонула по моей вине.

Он устремил взгляд куда-то мимо Кристины, словно видел перед собой картины далеких времен. Его охватили воспоминания детства, так долго и тщательно скрываемые в самых далеких тайниках души, словно они могли, вырвавшись на свободу, подобно страшной болезни, опустошить мир. И вот теперь они разбили оковы и возникли из глубин сознания. Он плыл в бурном потоке, удивляясь, каким образом удалось воспоминаниям выйти из-под контроля, нахлынуть, чтобы мучить его, воскресить те времена и события, о которых он предпочел бы забыть навсегда. Но, как оказалось, ничто не пропало, не исчезло в лабиринтах памяти: душевные травмы могут быть скрыты, могут затаиться, затихнуть, пусть не окончательно, иногда просто ожидая подходящего момента, чтобы возникнуть из небытия. Однако они играным образом принесли ему облегчение. По мере того, как Эш говорил, перед его глазами, сменяя друг друга, возникали видения, а затем медленно уплывали, постепенно уступая место следующим. При этих воспоминаниях Эш внутренне содрогнулся.

– Джульетта была злой девочкой. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, я не могу забыть об этом. По правде говоря, у меня не осталось о ней ни одного светлого воспоминания. Не кажется ли вам, Кристина, что это ужасное признание? Моя сестра погибла будучи совсем еще ребенком, а я не могу сказать о ней ни одного доброго слова, не могу даже утверждать, что сожалею о ее смерти. Видите ли, она была двумя годами старше меня, и ее самым любимым развлечением было дразнить и мучить меня. Уверен, что она не желала делить со мной любовь наших родителей. Но ее шалости и проделки выходили далеко за рамки детской ревности...

Он словно вновь увидел себя маленьким мальчиком.

– ...В ее поддразнивании, в ее выходках всегда было много жестокости...

* * *

...Лицо маленького мальчика морщится, слезы текут градом, в то время как сестра с очаровательной улыбкой отламывает крыло от его новой модели самолета, и глаза ее при этом полны презрения...

...Маленькая ножка незаметно высовывается из-под стола, и мальчик, несущий стопку тарелок к раковине, спотыкается и падает...

...Мальчик, уже чуть постарше, просыпается от толчка и чувствует, как чья-то жесткая лапа гладит его по щеке. Дэвид кричит, в коридоре слышатся шаги, и его сестра быстро прыгает в свою кровать, а страшная лапа мгновенно исчезает под одеялом...

Эш погрузился в воспоминания, он снова видит то, что уже видел однажды...

...Дрожа от возбуждения, затаив дыхание, он следит, как белая рыба медленно и осторожно подплывает к леске; время от времени она вдруг резко дергается, шевелит плавниками, борясь с подводным течением. Рыба берет наживку, и рука мальчика напрягается, крепки сжимая удилище. Но вдруг он издает отчаянный, полный разочарования крик – ком земли с шумом падает в воду, поверхность которой тут же покрывается рябью, а рыба резко отскакивает от лески и быстро уплывает прочь.

Дэвид резко оборачивается и оказывается лицом к лицу с хохочущей над ним Джульеттой. Его звенящий от негодования и ярости крик лишь подзадоривает ее, и она веселится еще больше. Положив короткое самодельное удилище на тропинку, он бросается к сестре, сжимая кулаки и собираясь ударить ее, но она с легкостью увертывается и хватается с земли удилище. Она дразнит его, размахивая бамбуковой палкой, тыкая ею в живот брату, не позволяя ему приблизиться.

Острый конец удилища царапает щеку, на ней появляется кровь, и Дэвид кричит от боли.

Он проводит пальцами по щеке и потом внимательно смотрит на оставшиеся на них

красные полосы.

Девочка пятится от него назад, но отнюдь не от страха – она хохочет, издевается над ним, насмехается над его царапиной. Она подходит к самому краю берега и с презрительной усмешкой, портящей ее личико, поворачивается и медленно бросает удилище в реку. Бамбуковую палку подхватывает сильным течением и стремительно несет на середину бурного потока.

Отнюдь не один этот хладнокровный и презрительный жест приводит мальчика в ярость – это уже далеко не первая злобная выходка его сестры. Годы изощренных и жестоких издевательств копили в его душе отчаяние и гнев, но до сих пор ему удавалось прятать их глубоко в груди. И вот теперь долго сдерживаемая ярость смела все преграды и вырвалась наружу. Широко расставив руки и кипя от ненависти, он бросается к сестре, намереваясь схватить ее.

Точно так же, как прежние ее издевательства пробудили в нем ненависть, эта ненависть породила в душе ее страх. Пытаясь увернуться, она пятится назад.

Дэвид уже видит опасность, руки его вновь напрягаются, тянутся вперед, на этот раз чтобы удержать ее.

Но она не понимает его истинного намерения, а быть может, слишком презирает и ненавидит, чтобы позволить ему дотронуться до себя. Еще один шаг назад... И она падает...

Он успевает схватиться рукой за ее платье, и это резкое движение заставляет его потерять равновесие, тянет его вперед. Брат и сестра вместе падают, тела их тесно соприкасаются друг с другом. Они оба оказываются в реке.

Холодные, ледяные объятия воды. Мутное пространство, наполненное приглушенными звуками, теснящимися тенями. Лишающая возможности дышать серая мгла.

Мальчик выныривает на поверхность, но не благодаря силе воли или ловкости – просто подводные течения, словно поплавок, выталкивают его наверх. Он переворачивается на спину, удерживая над водой голову, и хватается ртом воздух, краем глаза успевая увидеть бегущего к реке отца и следующую за ним по пятам мать с зажатой в руке корзинкой для пикника. Рты их широко раскрыты в крике, но до него не доносится ни звука.

Чьи-то сильные руки вновь утаскивают его под воду, и он закрывает глаза, на которые, причиняя боль, давит мощный поток. Он понимает, что кричать нельзя, потому что горло и легкие тут же наполнятся холодной серой водой, но все-таки не в силах сдержать вопль.

Теперь уже его действительно подхватывают чьи-то руки, и в бурлящей воде он видит рядом с собой отца. Эти руки выхватывают его из других объятий, и он сейчас похож на сломанную куклу, за которую борются, вырывая ее попеременно друг у друга, два претендента – бешеное течение и властный человек. И постепенно человек выигрывает эту битву.

Дэвиду снова удается приподнять над водой голову, и на этот раз он видит темные волосы сестры, мелькающие пока еще не очень далеко, но стремительно уносимые прочь.

Дэвид чувствует, что ударяется о берег, руки матери, наконец-то бросившей корзинку, вытаскивают его, промокшего и обессиленного, наверх. Отец снова бросается в глубину, лихорадочными движениями будоража воду. Он ныряет, и на какое-то мгновение в воздухе мелькают его ноги, а женщина и прижавшийся к ней всем телом мальчик сидят на тропинке и в ужасе наблюдают за ним.

Время, кажется, тянется бесконечно. Но вот наконец отец появляется над водой, хватается ртом воздух и снова исчезает в глубине.

Для мальчика наступает вдруг Абсолютная тишина, вокруг него наполненная скорбью и страданием пустота, лишенная звуков и времени. Но движение осталось: течение бурного потока, трава, склоняющаяся под порывами легкого ветерка.

Бесконечное ожидание, полное неопределенности затишье.

Оно было нарушено воплем отчаяния отца, вновь вынырнувшего на поверхность и теперь уже окончательно осознавшего, что его дочь навсегда исчезла в холодной и мрачной глубине.

Дэвид вздрагивает, потрясенный беспредельным отчаянием и горем, прозвучавшими в крике, а мать еще теснее прижимает его к себе, обхватывает руками, словно пытаясь защитить ребенка, навсегда удержать его в безопасности.

Он прячет лицо у нее на груди, одним глазом косясь на реку, похитившую сестру. Отец приближается, крики и плач его становятся все громче... Взгляд мальчика затуманивается, а шум реки превращается в поистине оглушительный грохот...

* * *

...Голова Эша лежала на подушке рядом с головой Кристины, и перед его глазами стоял такой же, как и тогда, на берегу, туман. Лишающая возможности двигаться и даже дышать боль тоже была не менее острой.

– Я так и не осмелился сказать им, – ровным голосом произнес Эш, – я никому не сказал, что все случилось по моей вине, что это я столкнул Джульетту в воду.

– Но это ведь был несчастный случай! – ответила Кристина.

– Нет, я хотел, чтобы она утонула. Я словно обезумел в тот момент и желал ей смерти. Да, я пытался помочь ей, но... но когда мой отец выбрался из реки, я почувствовал облегчение, какая-то темная часть моего существа радовалась. – Это признание, сделанное после многих лет неуверенности и отрицания, до глубины души потрясло его. – Я не знаю, что мучило меня больше все эти годы – сознание вины за то, что я сделал, или угрызения совести за мои мысли после этой трагедии.

– И все эти годы вы казнили себя? Но вы ведь были маленьким мальчиком!..

– Я так боялся, что меня накажут. Меня не покидало сознание того, что я заслуживаю наказания за этот ужасный поступок. Мне казалось, что все узнают о нем и прочтут на моем лице мои мысли. А мои родители никогда не простят меня, когда узнают... Джульетта никогда не простит меня...

– Джульетта?

Эш перевернулся на спину и уставился в потолок, избегая встретиться глазами с Кристиной.

– Иногда мне кажется, что я вижу ее, как будто краешком глаза. Я замечаю какую-то зыбкую тень, а когда поворачиваюсь, она тут же исчезает. И все же что-то остается... Мне кажется, я вижу ее такой, какой она была тогда – одиннадцатилетней девочкой, и одета она в то же платье, что... что и в тот день.

Он закрыл глаза, и перед его мысленным взором явственно предстал образ Джульетты. Но не ее лицо – оно было как в тумане, черты лица невозможно было различить. Взгляд ни на чем не фокусировался. Еще более расстроенный этим неясным видением, призрачным обликом мертвой сестры, Эш снова открыл глаза.

– Ночью, накануне похорон, я услышал ее голос. Она звала меня. Я спал, и голос ее ворвался в мой сон. Когда я проснулся, она все еще продолжала звать меня. Тело ее лежало в открытом гробу на первом этаже дома. Я потихоньку прокрался туда – мне было очень страшно, но я не в силах был противостоять ее зову. Я должен был ее увидеть. Возможно, в глубине души я хотел, чтобы она вновь ожила, или, быть может, стремился снять с себя груз вины. – Дыхание его сделалось неровным, и он с трудом продолжал: – Джульетта пошевелилась, Кристина. Ее тело пошевелилось в гробу. И она говорила со мной.

Кристина как замороженная не сводила с него глаз. Он повернул голову к ней.

– Вполне возможно, все это было лишь ночным кошмаром. Не знаю. Я был совсем еще ребенком, и мне только что пришлось пройти сквозь страшное испытание. Но что-то говорило мне, что все происходит наяву. Родители услышали мой крик. Когда они нашли меня, я валялся на полу без чувств. Не выдержав, я потерял сознание.

В горле у него пересохло, словно оно действительно воспалилось от охватившего подвал невыносимого жара. Он облизал языком губы, но и язык был сухим, а потому ему не удалось даже смочить их.

– Две недели после этого я горел в лихорадке – заупокойные службы, похороны, горе моих родителей после столь свежей утраты – все это миновало меня. Они решили, что виной всему мое падение в реку. Я простудился. Можете ли вы в это поверить? Но я был рад, что они думали именно так.

– О, Дэвид, – тихо произнесла Кристина, касаясь его руки. – Это и есть причина, не так ли?

Он покачал головой, не понимая, о чем она говорит.

– Поэтому вы и посвятили свою жизнь исследованиям в области парапсихологии, стремлению доказать, что сверхъестественное не существует, что жизни после смерти быть не может? Неужели вы сами не понимаете? – Она крепче взяла его за руку. – Ваш скептицизм происходит от сознания вашей вины. Вы не хотели допускать даже мысли о возможности существования призраков. Вас испугал тот ночной кошмар, вы боялись даже думать о том, что это не был сон, что Джульетта действительно говорила с вами и действительно шевелилась в гробу. Вас приводила в ужас вероятность того, что все произошло на самом деле и что однажды Джульетта потребует возмездия. Дэвид, неужели вы до сих пор не понимаете, каким вы были глупым?

Она придвинулась ближе и поцеловала его в щеку. Эш обнял девушку. Слова Кристины привели его в смятение, однако он чувствовал, что в них есть значительная доля правды. Но он не мог так быстро смириться и признать логику ее рассуждений – слишком долго он носил в душе эту тяжесть. Ему необходимо было время, чтобы все хорошо обдумать. Ему нужен был отдых. Он должен был осмыслить то, что она сказала. А сейчас больше всего на свете ему нужна была Кристина.

Эш со стоном крепко прижал к себе девушку.

21

Веки дрогнули и открылись.

Комната была погружена в темноту, если не считать льющегося в окно лунного света.

Его обнаженное тело было влажным от пота. В горле саднило. Он вспомнил пожар.

Он вспомнил все.

Эш повернулся к Кристине, чувствуя необходимость в ее поддержке, и понял, что желание его все еще полностью не удовлетворено.

Но Кристины не было. Кровать рядом с ним оказалась пуста, а когда он позвал ее по имени, из темноты, окутавшей комнату, ему никто не ответил.

Там, где она еще недавно лежала, простыни были смяты и на них явственно сохранился след от ее тела.

Он коснулся этого места, как будто надеясь, что она каким-то чудом появится вновь, но ощутил такой холод, что вскрикнул и отдернул руку.

Впечатление было таким, будто рука его окунулась в ледяную жидкость, – казалось, что простыни не только сами были холодными, но излучали всей своей смятой поверхностью леденящий холод.

Он лег на спину, отодвинувшись как можно дальше от этого места. Его вновь охватил страх, мысли путались, но он чувствовал себя слишком усталым, чтобы сделать хоть какое-то усилие, слишком утомленным и измотанным душой и телом, чтобы подняться.

Веки были тяжелыми, глаза слипались.

22

Раскрасневшаяся от мороза Эдит Фипс быстро взбежала по лестнице, ведущей в Институт экстрасенсорики. На улице за ее спиной скопились в огромной пробке, как, впрочем, и всегда в час пик, автомобили – они едва ползли, а чаще вообще стояли, и водители вымещали свое раздражение на пассажирах или товарищах по несчастью, стоявших с ними

бок о бок, даже на колесах собственных машин, однако редко кто нажимал на клаксон. Сквозь двойные стекла входной двери Эдит увидела спускавшуюся сверху Кейт Маккэррик и с силой толкнула дверь, торопясь перехватить коллегу.

– Кейт!.. – задыхаясь, окликнула она, вбежав в вестибюль.

На лице Кейт отразилось удивление, однако она не остановилась и продолжала идти в направлении стола дежурного регистратора.

– Здравствуйте, Эдит. Извините, мне некогда, я опаздываю на конференцию. Вы вызвали мне такси? – обратилась она к дежурному.

– Оно уже ждет вас на улице, – коротко ответил он.

– Прекрасно. Это почта, ее нужно отправить сегодня же утром, – с этими словами Кейт выложила на стол целую кипу конвертов.

– Кейт, мне необходимо поговорить с вами, – сказала Эдит, беря под руку своего шефа.

– У меня нет ни минуты, Эдит, – ответила Кейт, поворачиваясь к взволнованной женщине-медиуму. – Я действительно опаздываю. Постараюсь позвонить вам позже. Вы будете здесь, в Институте?

– Да, у меня сегодня с утра три сеанса. Но это очень важно...

– Так же, как и конференция. Прежде чем она начнется, мне необходимо представить Друг Другу множество людей и успеть сделать еще очень многое. Если меня там вовремя не будет, с меня просто живьем шкуру сдерут.

Кейт осторожно протиснулась мимо Эдит и направилась к двери.

– Это касается Дэвида! – крикнула уже в спину ей Эдит.

Кейт на минуту задержалась у двери, уже держась рукой за вращающуюся створку и не зная, как поступить.

– Увидимся позже, – наконец решительно бросила она и вышла.

Дверь повернулась, выпуская ее из вестибюля. Эдит кинулась было следом, но, увидев, что Кейт садится в ожидавшее ее такси, остановилась, прикусив от досады нижнюю губу и понимая, что бежать за Кейт бесполезно.

Вместо этого она поднялась по лестнице и прошла в кабинет Кейт Маккэррик. Причем подъем этот потребовал от нее гораздо больше усилий, чем ей хотелось бы, и значительно утомил ее, хотя она сама отказывалась себе в этом признаться.

Бросив сумочку на стол шефа, она направилась прямо к шкафу с документами, вынула один из ящичков и стала быстро перебирать папки:

Найдя ту, на которой значилось “Мариэлл”, она вытащила ее из ящика.

Раскрыв папку, она задумалась, вспоминая, когда ее впервые заинтересовал Дэвид Эш...

23

– Эдит, познакомьтесь, это Дэвид Эш.

Когда Эдит вошла в комнату, навстречу ей поднялся со стула высокий темноволосый мужчина, и теперь он протягивал ей руку. Он вел себя очень сдержанно, но его скрытые возможности не укрылись от Эдит, и она подумала, что у этого человека очень интересное лицо и выразительные глаза...

Но мысли ее неожиданно были прерваны странным ощущением, можно даже сказать потрясением, когда они пожали Друг Другу руки. Его прикосновение вызвало у нее дрожь по всему телу, похожее чувство испытываешь, когда трогаешь кончиками пальцев поверхность мягкого бархата.

Пожатие его вдруг ослабло, словно и сам он испытал смущение, но потом снова сделалось крепким.

– Кейт много мне о вас рассказывала, – сказал он.

– Мне тоже хорошо известна ваша высокая репутация, – также быстро овладев собой, ответила она. Эдит улыбнулась в ответ на его улыбку, желая тем самым показать, что в ее словах нет никакой скрытой враждебности.

– Я очень удивился, узнав от Кейт, что вам потребовалась моя помощь.
– Хочешь верь, хочешь нет, но Эдит восхищается твоей работой, – сказала Кейт, сияющей улыбкой глядя на них обоих.

Эш удивленно поднял брови.

– Я ни в коем случае не ставлю под сомнение ваши доводы, мистер Эш, – сказала Эдит. – Среди людей моей профессии, без сомнения, немало шарлатанов. Мы и так вызываем немалое неудовольствие людей, а эти жулики еще больше дискредитируют нашу работу и ставят нас в смешное положение.

– Простите мне мои слова, – без обиняков ответил Дэвид, – но я уже привык к тому, что все вам подобные ополчились против меня и постоянно на меня нападают.

– Только не в тех случаях, когда мы сами подозреваем обман. Бывает, что проходит много лет, прежде чем удастся разоблачить такого рода обманщика, а когда это наконец происходит, страдаем и все мы. Их деятельность необходимо прекращать, и чем раньше это будет сделано, тем меньший вред успеют они нанести, мистер Эш. И главное – прежде, чем эти фальшивые медиумы успеют заполучить массу поклонников. Чем их больше, тем сложнее бывает разоблачить мнимого идола.

Эш знал, что это правда. Как и всякую религию (а ясновидение для многих было именно религией), эту можно было разрушить, только поколебав веру ее исповедников и разоблачив методы каждого шарлатана и обманщика в отдельности.

– Человек, которым мы просим тебя заняться в данном случае, совершенно вышел за все допустимые пределы, – сказала Кейт.

– За допустимые пределы? – переспросил Эш, обращаясь на этот раз к Эдит. – Следовательно, есть какие-то дозволенные рамки обмана, если он достаточно безобиден? Я правильно вас понял?

– Не стану отрицать – некоторые медиумы пользуются своего рода театральными эффектами, – ответила Эдит. – Но они никому не причиняют вреда. Это всего лишь средство достижения определенного психологического настроя.

Ей очень не понравилась ответная улыбка Эша. Кейт встала из-за стола, недовольная и обеспокоенная ходом этой встречи.

– Пожалуй, я пойду выпью чаю или кофе, а вы, Эдит, тем временем во всех деталях объясните Эшу суть дела, – сказала она. – Думаю, его это весьма заинтересует.

– Уверена, что так и будет, – кивнула Эдит, в то время как Дэвид с равнодушным видом доставал из кармана сигарету. – Да, я абсолютно в этом уверена.

* * *

Это было впечатляюще. Напряженная атмосфера и почти физически осязаемое ожидание. В огромном помещении царил мрак – свет был не просто тусклым, как это обычно бывает во время таких сеансов, он практически отсутствовал.

Эш внимательно изучал медиума, стоявшего в отдалении. Это была женщина, и Эш вынужден был признать, что выглядела она весьма впечатляюще. Черные как смоль волосы (несомненно крашенные) были гладко зачесаны назад и собраны в тугую пучок на затылке, густо накрашенные глаза, приподнятые в углах, словно кожа здесь была туго натянута; чувственные ярко-красные губы; крупный нос, весьма примечательный, но при этом совсем не портивший ее лицо. Естественно, одета она была во все черное: блузка с высоким воротником, длинная юбка, даже чулки и туфли были черными. Эш подумал, что ее облик вполне соответствует плате за сеанс. Если бы он заплатил такие деньги (а Эш не сомневался в том, что все это делается отнюдь не бесплатно), именно такой он хотел бы ее видеть – это неотъемлемая часть задуманного шоу. Звали ее Эльза Бротски, и Эш удивился, что она не действовала по полной программе и не прибавила к своему имени слово “медиум”. Да, все это было весьма впечатляющим и одновременно смешным и нелепым. Однако Дэвид ясно видел, что аудитория ее едва ли не боготворила.

Он внимательно оглядел возбужденных “гостей” – главным образом это были женщины и среди них несколько пожилых или среднего возраста мужчин, которые все же сохраняли видимость спокойствия. Женщины возбужденно перешептывались, стараясь, однако, говорить как можно тише.

Эшу никогда еще не приходилось бывать на сеансах такого рода. Спиритические сеансы, как правило, были очень многочисленными и проходили в до отказа набитых помещениях. Здесь же присутствовало не больше двадцати пяти человек, не считая, конечно, медиума и ее помощников. Все приглашенные на этот закрытый сеанс сидели на расставленных полукругом скамьях. Медиум расположилась на стоявшем перед ними стуле. Все остальное пространство оставалось свободным.

Пока Эш изучал присутствовавших, сидевшая напротив, на другом конце полукруга Эдит не сводила с него пристального взгляда.

За последние несколько недель она успела отчасти – только отчасти – узнать его и начала понимать, что его скептицизм (хотя, возможно, это не совсем точное слово) происходит из искреннего желания постичь истину. Он отнюдь не считал, что выполняет некую святую миссию, – его интеллект был чрезвычайно высоко развит, и потому для него неприемлемы были столь прямые, однозначные оценки, да и не было в этом человеке ничего от евангелического проповедника. Эдит чувствовала, что им движет нечто такое, что и сам он не в состоянии пока осмыслить и понять. “Для меня это всего лишь работа, а не призвание”, – сказал он ей в одном из недавних разговоров, но она сомневалась в том, что это на самом деле так. Понять этого человека было задачей отнюдь не из легких, возможно потому, что он и сам себя до конца не понимал. Она видела, что он охвачен чувством безысходности, разочарования, хотя нет – пожалуй, это было нечто большее, чем просто разочарование, нечто более глубокое – быть может, отчаянные поиски самого себя? Вероятно, однако, что она и в этом ошибается. Сама не зная почему, Эдит подозревала, что все может быть как раз наоборот. Какая странная мысль пришла мне в голову, подумала она. Можно ли допустить, что в основе желания узнать правду лежит отрицание существования самой этой правды? Эдит сознавала, что причиной ее смущения и растерянности относительно личности Дэвида Эша является тот факт, что в какой-то момент ее разум коснулся его сознания. Все это было так странно и таинственно.

Вместо того чтобы усилиться, тихий шепот голосов вдруг почти прекратился, и это оторвало Эдит от размышлений. Она вновь обратила все свое внимание на сидевшую отдельно от “гостей” женщину в черном, которая до этого момента не проронила ни слова – словно все это время концентрировала мысленную энергию для предстоящего сеанса. Сзади к ней подошли двое мужчин, больше похожие на охранников, чем на помощников, медиум подняла голову и с надменной улыбкой оглядела собравшихся.

Когда она заговорила, все остальные звуки стихли и наступила полная тишина.

– Благодарю вас за то, что вы пришли сегодня сюда. Мне кажется, что я уже чувствую волнение и возбуждение всех тех, кого мы так любим и кто покинул этот мир. Да! Да! Они с нетерпением ждут возможности побеседовать с нами.

Она медленно скользила взглядом по лицам присутствующих, словно стараясь запомнить каждого, а те в свою очередь дрожали от удовольствия и от испытываемого ими благоговения.

Щеки Эдит вспыхнули от мучившего ее стыда за свое участие в подобной аванюре. Чуть раньше Эш спросил ее, почему она так уверена в том, что эта женщина – обманщица. “Истинный экстрасенс угадывает это совершенно безошибочно”, – ответила она тогда, и слова против ее воли прозвучали довольно двусмысленно. Эдит поняла это и тут же добавила, что за последние годы эта женщина получила весьма значительную сумму гонораров и это уже само по себе вызывает сомнения в ее честности и порядочности, ибо люди, действительно владеющие “даром”, не позволяют себе извлекать из своего таланта чересчур большие прибыли. Брать плату за столь уникальные способности – это не путь, сказала она тогда Эшу, придавая в этом случае слову “путь” скорее духовный смысл, чем

некое отношение к происходящему. Он выслушал ее точку зрения, однако согласился он с ней или нет, сказать трудно.

Была и еще одна причина сомнений в честности Эльзы Бротски. Эдит объяснила Эшу, что причина эта весьма проста: эта так называемая медиум была слишком уж удачливой. Она ни единого раза не потерпела неудачи в своих попытках связаться с тем или иным духом, находящимся в потустороннем мире. В подобное невозможно поверить – каждый экстрасенс терпит неудачи, точнее, если говорить правду, их бывает гораздо больше, чем удач. А эта женщина, как выяснилось, работает совершенно безупречно. Эш поступил весьма невежливо – он принялся довольно откровенно размышлять вслух о зависти, которую испытывают друг к другу экстрасенсы, и Эдит пришлось напомнить ему, что она и Институт просят его всего лишь понаблюдать за этой женщиной, внимательно изучить ее и дать свое заключение. Иными словами – доказать их правоту или ошибочность мнения, не более того.

Попасть на сеанс не представило для них никакого труда – казалось, сюда пускали всех кого угодно (этот факт весьма озадачил Эдит: как правило, мнимые медиумы стараются вытянуть из своих потенциальных клиентов как можно больше информации, чтобы во время сеанса иметь максимально полные сведения и отталкиваться от них в полете своей фантазии; но в данном случае ни ею, ни Эшем никто даже не поинтересовался). Правда, им пришлось довольно долго ждать, пока подойдет их очередь, – список желающих стать “гостями” сеанса был длинным, эта женщина быстро набирала популярность и завоевала репутацию лучшей ясновидящей. Прошло почти два месяца, прежде чем Эдит и Эш получили отдельные приглашения (из предосторожности они воспользовались чужими именами), и Эдит пришлось придумывать повод, чтобы перенести свой визит на то же время, которое было назначено Эшу. Долгое ожидание имело и свои преимущества: у Эша было достаточно времени, чтобы узнать кое-что о прошлом Эльзы Бротски.

Эдит успела заметить в полумраке легкий кивок Эша в свою сторону. Она услышала, как ахнула сидевшая рядом с ней пожилая женщина, от которой сильно пахло мылом и пудрой. В небольшом пятне света она видела “медиума”, ее бледную кожу и кроваво-красные губы. Хотя полной темноты в помещении не было, внимание всех невольно обращалось на этот светлый крут, который тоже постепенно тускнел, словно вместе с “медиумом” погружался в транс.

Бротски вздохнула, и губы ее при этом раскрылись, став похожими на кровавые шрамы, горевшие в медленно гаснувшем свете. Вздох женщины был полон страсти. Она подняла руки, и двое ее помощников выступили вперед, чтобы поддержать их, в то время как руки почти коснулись сидевших ближе других к “медиуму” людей.

– Присоединяйтесь ко мне, – задыхаясь, произнесла она, и все присутствующие словно по команде взяли за руки.

Ладонь сидевшего справа от Эша пожилого человека была сухой и жесткой, как кора дерева знойным летом, в то время как влажная ладонь женщины слева больше напоминала кусок сырого мяса. Дэвид мысленно похвалил Эльзу Бротски за умение с таким эффектом организовать представление и внимательно наблюдал за тем, как ее голова все ниже и ниже опускается на вздымающуюся под тонкой блузкой грудь. Глаза ее какое-то время оставались закрытыми, но вдруг широко распахнулись, и она произнесла имя:

– Клэр.

Она еще раз повторила то же имя – голос был низким и чуть хриловатым.

Кто-то сидевший через два места от Эша шевельнулся и испуганно вскрикнул.

– Здесь, в этом мире, кое-кто желает побеседовать с Клэр, – раздался голос Бротски. Затем она слегка повернула голову и, словно обращаясь к кому-то слева от себя, произнесла: – Да, я знаю, Джереми, потерпите, пожалуйста. – Она снова обернулась к аудитории. – Учтите, Клэр, сегодня многие с нетерпением ждут своей очереди, чтобы поговорить.

Эш поморщился. Да-а... эта женщина времени зря не теряет. Немного театральных эффектов – и вот уже шоу в самом разгаре.

– Это, наверное, я, – раздался из темноты голос.

В ту же секунду возник еще один луч света и быстро двинулся вдоль того ряда, в котором сидел Эш. Наткнувшись на женщину, сидевшую с полуоткрытым ртом и горящими от возбуждения глазами, луч остановился. Женщина заморгала, ослепленная этим светом, хотя он отнюдь не был ярким.

Эш был заинтригован. Никогда прежде ему не приходилось видеть, чтобы во время сеанса вот таким образом высвечивали из темноты одного из участников сеанса.

– Джереми просит вас не беспокоиться, – обратилась Бротски к женщине. – Там, где он сейчас находится, он чувствует себя вполне счастливым, однако ему хочется, чтобы вы почаще навещали его так, как сейчас. Он хочет рассказать вам о многом. Вы исполните просьбу Джереми, Клэр?

Клэр лихорадочно закивала головой, глаза ее были полны слез.

– Он просит меня сказать вам, что не чувствует больше боли, даже в ноге. Вас обоих это так беспокоило, не правда ли, Клэр?

Женщина еще раз энергично кивнула, и слезы потекли ручьем.

– В следующий раз Джереми расскажет вам больше. Главное, не волнуйтесь, и теперь, когда вам удалось установить с ним контакт, не оставляйте его больше надолго.

– Не оставлю, – сдавленным голосом ответила женщина и, с трудом сдерживая рыдания, повторила: – Не оставлю...

Весьма умно и хитро, подумал Эш, теперь у нее есть еще одна постоянная клиентка, поклонница на всю оставшуюся жизнь. Интересно, она получает фиксированный гонорар или клиенты платят ей по собственному желанию – столько, сколько сочтут нужным? Хотя большого значения это не имеет – в порыве чувств люди обычно не скупятся и бывают весьма щедры.

– Здесь присутствует пожилой джентльмен с седыми волосами и красивой бородой, – снова послышался голос медиума. – Он желает побеседовать с кем-то по имени...

Сеанс продолжался в том же порядке. Луч света (Эш заметил, что им управляет человек, стоявший в темноте за спиной медиума и время от времени поправлявший положение источника света) останавливался то на одном, то на другом участнике сеанса, когда наступала их очередь беседовать с обитателями потустороннего мира. Режиссура спектакля была хорошо продуманной, но достаточно очевидной. Больше всего Эша поразил тот факт, что этой женщине в черном известно очень и очень многое не только о тех, кто присутствовал на сеансе, но и о их возлюбленных усопших. Никаких сомнений не может быть в том, что она предварительно получала о них информацию.

Создавалось впечатление, что Бротски выбирала кого-то из “гостей” как бы случайно, и луч, останавливавшийся на ком-то из них, создавал иллюзию, будто в помещении в данный момент присутствуют только двое. Великолепный психологический ход – прекрасная возможность для концентрации одного разума на другом. Разговоры мертвых касались главным образом вполне земных и обыденных вещей: походи к врачу и посоветуйся относительно этой постоянной боли в спине, радость моя, он тебе поможет, поезжай и отдохни в этом году за границей, там ты встретишь интересных для себя людей, обо мне не беспокойся, у меня все в порядке, скажи бабушке Розе, что ее Том здесь, со мной, и он с удовольствием встретится с ней, когда придет время, я всегда любил тебя, хотя иногда ты в этом сомневалась, я и сейчас люблю тебя, будь осторожна с той новой плитой, которую ты купила, ты права, головные боли могут быть вызваны утечкой, и, пожалуйста, не плачь больше обо мне, прошло уже пять лет, пора бы взять себя в руки и подумать о своей жизни, только не забывай меня и приходи поговорить со мной, да, конечно, я очень скучаю по тебе, мастер плохо сделал заднее крыльцо в доме, попроси его перестроить, ты права относительно своего шефа, он плохо к тебе относится, пора тебе, моя девочка, поискать другую работу... Все это, безусловно, имело большое значение для присутствовавших на сеансе, об этом свидетельствовала их реакция – они то плакали, то радостно смеялись.

Простота и банальность происходящего делали шоу еще более убедительным. Однако Эша убедить было далеко не так просто.

Не все участники сеанса получали весточки из другого мира, не получала их в том числе и Эдит, и сам Дэвид. Значит ли это, что “медиум” осуществляла “контакт” только в том случае, если у нее имелась информация? Даже если она использует лишь ограниченное число участников, остальные все равно окажутся под впечатлением от увиденного. Возможно, “контакт” становится реальным лишь после двух-трех визитов, а за это время Бротски и ее помощники успевают получить достаточную информацию о прошлом своих новых клиентов. Интересно, подумал Эш, кто заведет с ним разговор по окончании сеанса? Что ж, он готов к этому, у него есть несколько занятных сюжетов для дезинформации, и он...

Луч света замер на лице Эдит.

Эш был потрясен. Они ничего не знали о ней, им не было известно даже ее настоящее имя. С какой стати эта женщина, словно направляя луч света, указала рукой на Эдит, на совершенно незнакомого ей человека?

Тишина длилась всего несколько секунд, показавшихся, однако, вечностью. Эдит смущенно заерзала на стуле и взглянула на сидевшего напротив нее Эша.

Лицо женщины в черном напряглось и исказилось от ярости. Она перевела взгляд на Дэвида.

– Выставьте их отсюда! – истерически взвизгнула она.

Все участники сеанса, включая Эдит и Эша, буквально застыли от этой неожиданной яростной вспышки.

– Этих двоих! – рука “медиума” указывала по очереди на непрошенных гостей.

Один из помощников бросился вперед, вглядываясь в темноту и взглядом отыскивая второго чужака в этой компании. Дэвид вскочил и выставил вперед руку, намереваясь оттолкнуть этого человека, в глазах которого читался смертный приговор.

Эш выругался про себя. Такой поворот событий не входил в его планы. У него не было никакого желания вступать в открытый конфликт с мнимым медиумом, он собирался поговорить с ней с глазу на глаз и предупредить ее, что, в случае, если она не прекратит свою порочную практику, он выведет ее на чистую воду и публично назовет обманщицей, во всех деталях рассказав, как именно она дурачит людей и какую прибыль получает от этого. В прежних случаях такая угроза обычно оказывала действие, поскольку, будучи однажды разоблаченными, всякого рода шарлатаны и мнимые ясновидящие уже не в силах были восстановить свою репутацию и завоевать доверие клиентов. Они предпочитали тихо и красиво удалиться и поискать другие возможности одурачивания людей.

Все планы рухнули, мрачно думал Эш, видя, как приближается к нему помощник “медиума”. Неожиданно он получил удар такой силы, что тело его согнулось пополам. Удивительно, но этот удар не был физическим – охранник был в этот момент в нескольких ярдах от него. Эш резко обернулся и посмотрел на Бротски.

Устремив на него горящий ненавистью взгляд, она вся дрожала. От нее исходило нечто большее, чем ненависть – в глазах ее читались одновременно презрение, отвращение и страх. Она боялась его. Он чувствовал это совершенно явственно, но не мог понять, каким образом. Это не было похоже на то, как один человек узнает по поведению другого, что тот его не любит или не доверяет ему, нет – эта ненависть буквально захлестнула разум Эша, словно женщина способна была взглядом проникнуть в его мозг. Он вдруг представил себе, как из глаз ее струятся рентгеновские лучи, как они проникают сквозь кости черепа – и чужие мысли заполняют его мозг. И он вдруг ясно понял, каким именно образом эта женщина проделывает свои трюки. Конечно же, она не была ни медиумом, ни ясновидящей, но в определенном смысле она обладала великим даром.

Чьи-то руки вцепились в него железной хваткой.

– Ну-ка, ты, вон отсюда! – услышал он тихий угрожающий голос охранника, в котором звучала неприкрытая злоба.

Эш отпихнул от себя эти руки.

– А вы ведь не разговариваете ни с какими духами, – спокойно обратился он к сидевшей по-прежнему в луче света и кипевшей от ярости женщине.

Все остальные “гости” беспокойно ерзали на своих местах, переводя взгляд с “медиума” на посмеявшегося так с ней разговаривать человека и обратно. Кто-то недовольно заворчал, к нему присоединились другие. Их возмущение было обращено против Эша.

– Пора людям узнать, каким образом вы устраиваете это представление, – бесстрашно продолжал Эш.

Охранник вновь попытался схватить Дэвида, но он с еще большей силой отпихнул его от себя.

– Вы очень талантливы, – вновь заговорил он, стараясь перекрыть гул возмущенных голосов, – но только не в том смысле, в каком пытаетесь это представить.

К нему приближался второй охранник.

– Она телепат, – обратился Эш к окружавшим его людям, лица которых скрывались в полумраке. – Она обладает великим даром, но использует его, чтобы обманывать несчастных людей, таких как вы.

Он не был до конца уверен в том, что говорит, но все же его выводы были более чем догадкой – он явственно ощущал, как ее мысли проникают в его разум. Однако выражение ее лица после его слов убедило его в том, что он совершенно прав, ибо оно сделалось вдруг хитрым, а в устремленных на него глазах промелькнуло коварство. Потом она перевела взгляд на обращенные к ней лица участников сеанса. Лишь какое-то мгновение она колебалась, но быстро взяла себя в руки, как загнанный на охоте зверь, не утративший, однако, ловкости и стремления выжить.

– Нет! – прозвучал чей-то громкий крик.

– Она просто вытягивает из вас деньги, – настойчиво продолжал Эш.

Вокруг него раздавались возгласы неверия, отрицания очевидного.

– Послушайте, – терпеливо вновь заговорил Дэвид. – Я прислан сюда Институтом парапсихологических исследований специально для того, чтобы проверить эту женщину. Ее способность к ясновидению давно уже вызывает сомнения.

Если бы сейчас здесь присутствовала Кейт Маккэррик, она непременно застонала бы от неудовольствия. Это отнюдь не соответствовало тому, каким образом Институт предпочитал проводить свои исследования. По правде говоря, Эш и сам удивился собственной непростительной неосторожности. Возможно, виной тому была опасная близость двух похожих на вышибал охранников, от которых исходила неприкрытая угроза, а быть может, его вывело из себя неблагоприятное воздействие злобных мыслей этой женщины – он чувствовал, что они обволакивают его мозг, словно нечистоты.

– Вы ошибаетесь. Вы даже сами не понимаете, что говорите, – раздался голос одного из участников сеанса, которого тут же одобрительно поддержали остальные.

– Она помогла мне, – сказал еще кто-то.

– Благодаря ей я обрел душевный покой.

– Она вернула нам сына, – крикнула какая-то женщина.

– Нет, это не так, – настаивал Эш. – Она не делала ничего подобного. Я узнал о ее прошлом, она совсем не та, за кого себя выдает. Спросите ее о религиозном обществе, которое она девять лет назад организовала в Лидзе и которое перестало существовать, как только полиция заинтересовалась странными сборищами, происходившими за закрытыми дверями, – необычными ритуалами, в которых принимали участие обнаженные девушки, совершавшие непристойные акты с пожилыми мужчинами. Спросите ее о вдове из Честера, который еженедельно платил ей внушительную сумму денег за письмо, написанное рукой его покойной жены.

Со всех сторон все громче раздавались протестующие возгласы.

– Заставьте ее объяснить, почему она вынуждена была спешно уехать из Эдинбурга, – продолжал он, – тамошние власти не очень-то жалуют ясновидящих (последнее слово он произнес с явной издевкой), которые требуют, чтобы психически неуравновешенные пожилые леди переписывали на их имя свои поместья в обмен на обещание тепленького местечка в ином мире – рядом с их давно ушедшими друзьями и родственниками, которые

только и ждут возможности встретиться с ними.

– Не слушайте этого сумасшедшего! – яростно прошипела Бротски. – Большинство из вас знают меня и помнят, что я для вас сделала. И теперь вы поверите ему, а не мне? – Женщина по-прежнему, словно приросшая, сидела в кресле, крепко вцепившись в деревянные подлокотники.

– Те из вас, кто приглашен сюда не впервые, вспомните, сколько вы заплатили за эту привилегию? – обратился к людям Эш. – Подумайте об этом. Сколько стоил вам разговор с мертвыми?

Теперь уже оба охранника набросились на него одновременно. Схватив его за руки, они старались оттеснить его к двери. Эш отчаянно сопротивлялся, и тогда у самого его уха раздался шепот одного из головорезов.

– Для тебя же лучше, если ты сейчас тихо уберешься отсюда. Иначе твои ноги будут далеко не первыми, которые мне пришлось переломать в своей жизни.

Эш попытался что-то ответить, но грубая рука зажала ему рот. Он с силой ударил локтем в солнечное сплетение стоявшего за спиной охранника и с удовлетворением услышал, как тот захрипел. Рука, прижатая к его губам, упала.

– Кто-нибудь! Включите свет! – раздался взволнованный голос. – Я не вижу, что здесь происходит.

Однако свет по-прежнему оставался приглушенным. Единственное пятно света освещало то место, где находилась женщина в черном. Кто-то обратил внимание, что застывший взгляд ее в этот момент был прикован к сидевшим полукругом людям. Она не сводила глаз с кого-то, но с кого именно – в полумраке было невозможно понять.

Рот ее медленно открылся, а во взгляде округлившихся глаз явственно читалась тревога.

В помещении неожиданно наступила полная тишина.

– Не-е-е-е-ет! – жалобно прозвучал в этой тишине крик, больше похожий на стенание. Этот вопль женщины в черном слышали все, кто находился в комнате, и он поверг их в ужас, окончательно лишив дара речи.

Руки, по-прежнему державшие Эша, ослабли, будто из них ушла вдруг вся сила.

Луч света погас, но прозвучавший затем голос Эш узнал сразу, несмотря на то что не мог видеть среди собравшихся Эдит Фипс.

– Оставьте нас в покое, – эти слова Эдит произнесла свистящим шепотом, но они странным образом разнеслись по всему помещению.

Эш без труда освободился от державших его рук, не встретив при этом никакого сопротивления. Никто не шевелился. Прозвучавший из темноты голос был таким жутким, что заставил всех почувствовать, будто обладатель его стоит совсем рядом с каждым из них. При этом, однако, все понимали, что этот голос принадлежал кому-то из участников сеанса, сидевших сейчас полукругом на стульях.

И этот человек сейчас громко и тяжело дышал...

– Мы для тебя никто, оставь нас, – снова послышался тот же голос, он был женским... и в то же время нет...

Одна из участниц сеанса пронзительно вскрикнула – душераздирающий звук был вызван тем, что она почувствовала, как что-то ледяное коснулось ее, а потом двинулось дальше.

– Мы не хотим быть здесь, рядом с тобой. – Голос хотя и оставался тем же, все же несколько изменился, но по-прежнему принадлежал невидимой женщине. – Ты не имеешь права использовать нас таким образом, это причиняет нам страдание, заставляет нас возвращаться обратно.

– Эдит? – позвал потрясенный происходящим Эш. Он мог различать очертания ее фигуры, видел, как то вздымается, то вновь опускается ее грудь, но лицо ее при этом оставалось в тени и различить его черты было невозможно.

Она заговорила снова, хотя теперь голос ее еще меньше был похож на голос Эдит – в нем появились хриплые, какие-то мужские нотки и послышался гнев:

– Пусть они помнят нас такими, какими мы были. Ты поступаешь плохо, неужели... неужели ты сама не понимаешь этого? Это так нехорошо...

Все головы вдруг повернулись к сидевшей в пятне света женщине в черном, ибо это она говорила теперь тем же голосом, что и прежде Эдит. Глаза ее безумно блуждали, взгляд их был невидящим, она лихорадочно облизывала языком пересохшие губы, отчего они вновь становились блестящими.

– Ты вмешиваешься в то, чего не понимаешь, – продолжал голос. Артикуляция женщины совершенно не совпадала с произносимыми ею словами.

Эш повернулся к Эдит и увидел, что она обмякла на стуле, а сидящая рядом с ней женщина пытается ее поддержать, не позволяя ей упасть на пол.

– Ты должна прекратить, ты... Я не вижу тебя, мамочка... – Голос на полуслове изменился и теперь принадлежал ребенку – непонятно, девочке или мальчику. Бротски раскачивалась в своем кресле. – Приди и отыщи меня, мамочка, не оставляй меня здесь...

– Это мое дитя... – раздался чей-то плачущий, всхлипывающий голос.

– Да она же пытается одурачить вас! – воскликнул Эш, указывая на женщину в черном.

– Мы счастливы, мы счастливы... – послышался другой, уже не похожий на детский, голос.

И снова голос ребенка:

– Я хочу вернуться домой, в свою комнату...

Вслед за ним зазвучал старческий женский голос, хриплый, напоминающий карканье вороны:

– Я не вижу вас, я не вижу всех вас...

Потом голоса смешались, зазвучали все вместе, перебивая друг друга, словно кто-то настежь раскрыл невидимую дверь, – их было много, очень много, громких, доходящих почти до крика, тихих, едва слышных, выразительных и монотонных, – слова лились, сталкивались друг с другом, накладывались одно на другое, различить их было почти невозможно, бессмысленная какофония звуков оглушала, превращалась в однообразный ропот...

...мой брат проводит Рождество без меня боли больше нет я никого не вижу почему бы не рассказать Марте пожалуйста перестань если ты заглянешь под ковер на лестнице какой год мамочка приди и забери меня не слушай ее мы никогда тебя не забудем в этом мире я счастлив здесь нет грустные мысли когда наконец Дэвид так много все эти люди причинят тебе зло мамочка пожалуйста я жду тебя я буду ждать тебя там если есть Бог не плачь больше будь счастлива когда-нибудь прекрати это прекрати это прекрати это...

Последние слова прозвучали всеобщим криком.

Эдит резко дернулась и открыла глаза. Приподняв голову, она взглянула на освещаемое лучом света место. Она чувствовала, реально ощущала, что на лице ее высыхает кровь.

Та, которая выдавала себя за медиума, безуспешно пыталась встать со своего кресла. Спина ее изогнулась дугой, она с такой силой отталкивалась от подлокотников, что суставы напряглись и побелели. Глаза ее едва не выкатывались наружу, белки их были отчетливо видны, рот широко раскрылся, и губы напряглись, став вдруг совершенно тонкими. Щеки ввалились так сильно, что даже в луче света на ее лице проступили слабые тени.

Из рта ее показалось облачко пара, какое возникает при дыхании на морозе, однако Эдит и прежде, правда в очень редких случаях, приходилось видеть, как из отверстий на лице медиумов вылетает эктоплазма – физическое воплощение астральных тел. Она была уверена, что и сейчас наблюдает именно это, но поначалу поток так слаб, что не принимает пока определенные формы.

По-прежнему были слышны перебивающие друг друга голоса, но теперь намного тише, слабее, превращаясь в едва различимые мольбы. Звуки вырывались вместе с паром из открытого рта женщины, хотя ни язык, ни губы ее при этом не шевелились.

– Прекрати, прекрати, прекрати...

Слабое облачко пара исчезло, рассеялось, но по лицу ее скользили тени, странная игра

света едва заметно изменяла черты лица – другой становилась форма скул, тяжелела нижняя челюсть, густели брови – лицо постоянно менялось, принимало различные формы, однако все это было лишь игрой теней в неподвижном луче света.

Приглашенные на сеанс люди, до этой минуты слепо поклонявшиеся своему кумиру, не в силах были больше сдерживать свой ужас. Раздавались испуганные крики, постепенно превращавшиеся в тревожный гул голосов, перекрывавший все еще слышавшееся тихое бормотание, которое вырывалось из напряженно открытого рта женщины.

Молодая женщина, та, которой показалось, что она слышит зов своего умершего ребенка, попыталась пробраться поближе к “медиуму”, но в это время все остальные в страхе бросились к выходу, и она, сбита с ног, вновь рухнула на стул.

Две женщины, хныча и скуля, как испуганные дети, промчались мимо Эша, оттолкнув его в сторону, стремясь поскорее выбраться из этого кошмара. Следом за ними толпой бросились к выходу все остальные, они толкали и отпихивали друг друга, каждый хотел побыстрее оказаться у двери. Несмотря на то, что вид сидящей в кресле женщины в черном был весьма впечатляющим и малоприятным, Эш не мог понять причины их ужаса. Судя по всему, они догадывались, что она стала жертвой приступа какой-то странной болезни, что каким-то образом эта женщина (теперь, несмотря на весь свой скептицизм и нежелание признавать ее способность к ясновидению, он вынужден был все же признать, что она действительно экстрасенс) мысленно передавала окружающим собственный ужас – казалось, вся атмосфера вокруг была пропитана страхом, который, словно заразная болезнь, быстро распространялся и заражал всех, кто был в помещении, включая и самого Эша. Не сознавая он всей абсурдности подобного предположения и всего происходящего вокруг, он тоже бросился бы сейчас к выходу. Стоит ли удивляться, подумал он, что эти люди с таким благоговением относятся к этой женщине.

Почувствовав, что кто-то тронул его за руку, Дэвид буквально подскочил на месте.

– Дэвид, она в страшной опасности, – сказала ему Эдит Фипс.

Он с облегчением вздохнул, увидев, что Эдит уже оправилась после своего обморока и что она, в отличие от остальных, не паникует.

– Это самовнушение, – сказал он. – Я уже видел примеры подобной истерии прежде.

Эдит посмотрела на него, как на сумасшедшего.

– Нет, это нечто совсем иного рода. Мы должны помочь ей, пока еще не поздно. Нам необходимо вывести ее из транса.

Толпа вокруг них значительно поредела, большинство участников сеанса сгрудились возле двери, торопясь как можно скорее выбраться отсюда. Эдит и Эту хорошо видна была сидевшая в кресле женщина.

– О Господи! – выдохнула едва слышно Эдит.

Те немногие, кто не бросился к выходу и еще оставались в зале, включая двух помощников Бротски, буквально застыли на месте, словно загипнотизированные представшим перед их глазами зрелищем. Кто-то застонал. В следующую секунду послышался грохот – кто-то рухнул на пол.

Ибо лицо Эльзы Бротски в этот момент не имело ничего общего с ее обычным обликом.

Плоть вздулась и сделалась неровной. Кожа покрылась морщинами и складками, а кое-где на ней появились участки, где она была гладкой и тонкой, почти прозрачной. Подобную трансформацию уже невозможно было принять за игру света и тени – происшедшие изменения слишком бросались в глаза. Создавалось впечатление, что под этой кожей скрывается великое множество лиц, каждое из которых стремится заявить о себе, вырваться на поверхность, до предела растягивая поверхность кожи. Зрелище, столь же невероятное, сколь и ужасное, было тем не менее завораживающим.

Казалось, что лицо Эльзы Бротски вот-вот непременно должно взорваться.

Потрясенный всем увиденным, Эш как зачарованный внимательно следил за мгновенными трансформациями, сменявшими одна другую с огромной быстротой, хладнокровно и упрямо он ожидал завершения процесса, желая узнать, как далеко все это

может зайти. Дэвид совершенно не испытывал жалости к женщине, хотя и не мог не упрекать себя за это.

Увидев, что Эдит отходит от него и догадываясь, куда именно она направляется, он поднял руку, пытаясь остановить ее. На какой-то миг ее силуэт закрыл от него картину происходящего, но вот Эдит уже возникла в том же луче света, в эпицентре кошмара.

Эдит склонилась к измученной женщине и, положив руки на ее искаженное лицо, тихо заговорила с ней.

Эш бросился к ней, обходя по пути немногих оставшихся “гостей”, застывших на месте и полными смертного ужаса глазами смотревших на женщину в черном. Один из охранников повернулся к приближавшемуся Эшу, но даже не попытался преградить ему путь. Вместо этого он бросился прочь и вклинился в теснившуюся у выхода толпу. Его напарник от ужаса лишился способности двигаться и не мог, а быть может, не хотел подойти к беспомощной женщине. Третий помощник, тот, который управлял лучом света, выхватывая из темноты лица участников сеанса, вцепился в треногу, чтобы не упасть, и, словно не желая верить в реальность того, что видел, отчаянно тряс головой.

Бротски вдруг резко приподнялась, выгнулась всем телом, хотя руки ее по-прежнему оставались как будто привязанными к подлокотникам. Эдит, спотыкаясь, попятилась назад. Тело изогнулось дугой, живот округлился до невероятных размеров, как на последнем месяце беременности, спина оказалась втянутой. Голова ее при этом оставалась в прямом положении, подбородок лежал на тонкой материи, обтягивавшей грудь, – создавалось впечатление, что голову отделили от шеи и просто положили туда.

Страшнее всего были ее глаза: зрачки закатились и видны были только выпученные и тусклые, как у дохлой рыбы, белки.

В целом она представляла собой поистине жуткое зрелище, а лицо ее по-прежнему находилось в движении, гримасничая, словно горгулья.

Голоса настойчиво продолжали звучать – неземные речи слетали с неподвижных губ, представляя собой череду малопонятных глупостей и – гневных возгласов...

– ...не могу не кошка ты и я это совершенно другое помню то время длинный тоннель яркий свет мамочка пожалуйста мамочка цветы их здесь много прекрати оставь скажи всем ты конец смерть вся боль проходит не забудь под лестницей когда же ты перестанешь хватит мы не хотим этого мы хотим я чтобы нас оставили...

Из носа, а затем и из уголков глаз Бротски хлынула кровь.

Эш стоял перед ней, испуганный и потрясенный силой ее конвульсий. Не зная, что еще можно предпринять, он шагнул ближе и, как чуть раньше сделала это Эдит, взял руками ее голову, стараясь побороть отвращение, которое вызывала в нем вздувшаяся и шевелящаяся под его пальцами плоть.

В какой-то нелепой пародии на сладострастие она терлась о него животом, а ее красные, истекающие кровью глаза смотрели на него невидящим взглядом. Дыхание женщины было зловонным, словно отравленным исходящими из нее речами.

Спазматические движения сменились дрожанием, все тело сотрясалось, и Эшу стоило огромных усилий удерживать руки на ее лице. Спина женщины выгнулась еще больше, казалось, что она вот-вот сломается, живот поднялся выше и находился теперь на уровне груди Эша. Голова женщины, лежавшая между грудями, походила на гротескный, дрожащий и пульсирующий муляж.

Словно литания, перекрывая все остальные, звучало лишь одно слово:

– ...прекрати... прекрати... прекрати...

Невероятной силы дрожь достигла, видимо, наивысшей точки, потому что тело Эльзы Бротски вдруг замерло, застыло неподвижно.

Как показалось Эшу, женщина стала такой холодной, будто заледеневшей, словно он держал сейчас в руках мраморную статую.

Голоса смолкли. На смену им откуда-то из самых глубин тела женщины зазвучал на пронзительно высокой ноте похожий на похоронный плач вопль.

Поначалу тихий, отдаленный, он становился все громче, пока не вырвался из широко раскрытого рта оглушительным, душераздирающим визгом.

Прежде чем Эльза Бротски бесформенной массой осела перед его глазами, Эш успел услышать еще одно слово... Имя...

* * *

Эдит Фипс буквально терялась в догадках. Почему она дважды слышала имя Дэвида – в первый раз среди бессмысленного гула голосов и во второй – в этом последнем крике?

24

Эш шевельнулся в постели и провел рукой по лбу, пытаясь снять давящую изнутри боль. Он откашлялся, попробовав прочистить саднящее горло, потом нехотя открыл глаза и глубоко втянул в себя воздух, словно дыхание не было для него вполне естественным процессом.

Он шевельнулся еще раз, вяло, через силу подтянулся и сел на кровати. Тусклый дневной свет проникал в комнату, разогнав тени, ночью казавшиеся густыми и бесформенными, создававшие атмосферу таинственности. Эш что-то пробормотал – возможно, он ругал себя за полное отсутствие жизненной энергии.

Он с усилием поднял руку и посмотрел на часы. От удивления сон как рукой сняло. Давно перевалило за полдень – Эш проспал невероятно долго.

Он прислонился к спинке кровати и начал растирать руками лицо, чтобы окончательно избавиться от сонливости. Он чувствовал себя совершенно разбитым, пальцы затекли, тело казалось чужим, и он вспомнил, каким влажным оно было, когда он просыпался среди ночи. Не обращая внимания на то, что в комнате холодно, Эш сбросил с себя одеяло. Сухая кожа казалась очень бледной при свете дня. Простыни на кровати были скомканы, его беспокойные метания во сне уничтожили всякие следы чьего бы то ни было пребывания рядом с ним ночью. Однако на простыне остались пятна от спермы.

Эш медленно встал, морщась от пульсирующей боли во лбу, и потащился к окну. Опершись руками о раму, он выглянул в парк.

Вокруг все было тихо и спокойно. Ни ветерка, ни движения облаков на небе – оно было сплошь покрыто серыми тучами; до него не доносилось ни единого звука.

Да и сам дом, весь Эдбрук казался до странности тихим.

Эш сразу же обратил на это внимание, хотя мысли его заняты были в тот момент совсем другим – воспоминаниями о прошедшей ночи. Перед его глазами стояла Кристина – чистая и прекрасная в своей наготе, с рассыпавшимися по плечам темными волосами, обрамлявшими ее лицо, и длинными прядями, спускавшимися до кончиков грудей.

Он вновь мысленно коснулся ее и вновь ощутил ее чувственную ответную реакцию, почувствовал влагу ее тела и то, как оно содрогалось от наслаждения.

Эш отошел от окна, присел на край кровати и закрыл ладонями лицо. Куда она ушла? Почему Кристина бросила его среди ночи?

Даже не умывшись, он медленно оделся, ему и в голову не пришло принять ванну. Взявшись за дверную ручку, он с минуту помедлил, словно ожидая чего-то и недоумевая, почему ему так не хочется выходить из комнаты. Царившая в доме тишина нервировала Эша, ему казалось, что весь дом – каждый камень, каждая доска в нем – застыл в ожидании чего-то, ожиданием была пропитана вся атмосфера Эдбрука... Ожиданием чего? Эш злился сам на себя. Он, Дэвид Эш, прагматик и убежденный реалист, выдумывал теперь невесть что. Ну и фантазии лезут ему в голову! Эдбрук обыкновенный дом, не более. Однако история его хранила множество трагедий, и одна из них настолько ужасна, что память о ней, вполне вероятно, по-прежнему сильна и оказывает влияние на настоящее. Но все это не имеет никакого отношения к власти над домом призраков в настоящем смысле этого слова. Здесь

нет привидений, нет духов или видений, тревожащих жизнь нынешних обитателей дома. Хотя, возможно, в Эдбруке любят розыгрыши.

С этой мыслью Дэвид распахнул дверь.

Коридор был пуст, но ничего другого он и не ожидал. Однако было одно обстоятельство, вызывавшее у Дэвида суеверный страх, – весь дом казался необитаемым и одновременно погруженным... в меланхолическую печаль.

Эш прошел по коридору к лестнице и с галереи заглянул вниз, в холл. Даже воздух в Эдбруке казался древним и тяжелым. Хотя, возможно, это ощущение было связано с его собственным состоянием и не имело никакого отношения к действительности. События двух прошедших ночей травмировали его психику и совершенно измотали нервы. Несмотря на то, что он проспал большую часть дня, походка его была неуверенной, а мысли кружились и путались в голове.

Он подошел к комнате Кристины и тихонько постучал в дверь. Ответа не последовало. Эш не стал стучать еще раз и вошел в комнату.

Остановившись у порога, он, слегка приоткрыв рот, обвел взглядом комнату.

Ничего необычного в спальне Кристины не было. Кровать с латунными перекладинами в изголовье и в ногах была аккуратно застелена, на пуховом одеяле не было ни складочки. Старинная мебель искусно украшена резным орнаментом. Набивные шторы отведены в стороны и прихвачены великолепными застегками, а сквозь тюлевые занавески в комнату проникал дневной свет.

Ничего необычного, если бы не...

...Если бы не тот факт, что все это носило отпечаток старости и ветхости. Не было ни журналов, ни книг, не видно было никакой одежды или ночного белья, которые обычно бывают разбросаны по стульям и креслам. Все вокруг было серым, тусклым, как будто покрытым толстым слоем пыли.

Ни единого звука, никаких признаков того, что в этой спальне жил кто-то. Она больше походила на заброшенный музей.

На бюро, над которым висело овальное зеркало, стояли в серебряных рамках две фотографии, и Эш подошел ближе, чтобы получше их рассмотреть. Взяв в руки одну из них и стерев с нее пыль, он узнал изображенную на ней пару с портрета, который видел предыдущей ночью. Сидевшие в напряженно застывших позах родители Кристины холодно улыбались в объектив фотоаппарата. Второе фото, судя по всему, было сделано значительно раньше и запечатлело потомство Мариэллов. Он уже хотел взять в руки эту фотографию, но тут взгляд его упал на зеркало и он увидел в нем свое отражение. Несмотря на покрывавший зеркало слой грязи, он сумел разглядеть мешки у себя под глазами и черноту небритого подбородка. Он в смущении отпрянул и провел рукой по взъерошенным волосам, пытаясь привести их хотя бы в относительный порядок.

Сам не зная зачем, он дотронулся до кровати (возможно, это был жест истосковавшегося любовника, который ласково гладит белье своей возлюбленной, чтобы вновь испытать хотя бы видимость интимной близости), провел пальцами по покрывалу. Материя оказалась жесткой на ощупь.

Выйдя из спальни, Эш вернулся к лестнице и почти бегом спустился вниз, чувствуя в душе беспокойство из-за царившей вокруг неестественной тишины. Он обошел комнату за комнатой, проверяя, не нарушены ли оставленные им печати и нет ли где-либо следов порошка, прежде чем войти внутрь и отключить сработавшую при его появлении аппаратуру.

Заметно волнуясь и с трепетом в душе, он подошел к двери, которая вела в подвал, открыл ее и с верхней ступеньки лестницы попытался определить причиненный пожаром ущерб. За исключением кучки пыли, покрывавшей осколки разбитой бутылки бренди, он не увидел ни одного свидетельства случившегося здесь прошлой ночью: не было ни почерневших стен, ни обгоревших деревянных балок, ни запаха дыма и гари. Все это оказалось лишь иллюзией. В архивах Института экстрасенсорики хранилось множество описаний подобных случаев. Эш сам не понимал, что именно он почувствовал при этом –

облегчение или тревогу.

Из подвала он прошел через холл к кухне и остановился, прежде чем туда войти. Изнутри слышались какие-то звуки. Слабый шум, поскребывание.

Дверь была чуть приоткрыта, и Эш осторожно и медленно начал открывать ее.

Бегавшие по кухонному столу мыши не замечали его присутствия до того момента, пока дверь не раскрылась настежь, ударившись о перегородку. Крохотные существа, не потрудившись даже взглянуть на вошедшего, бросились врассыпную – некоторые из них шлепались на придвинутые к столу стулья, другие стремительно спускались по ножкам стола, причем каким образом им это удавалось, оставалось поистине непостижимым.

При виде этих меховых комочков с длинными, волочившимися хвостами у Эша мурашки побежали по коже. На столе их было всего около полудюжины, но они производили такой шум, что казалось, будто их сотни. Раскрошенный хлеб – половина буханки, возле которой лежал нож с тускло поблескивавшим лезвием, – которым лакомились мыши, был покрыт черной плесенью. Это зрелище и воспоминания о только что суетившихся здесь меховых комочках вызвали у Эша приступ тошноты.

Он бросился к раковине, стараясь не наступить на кого-нибудь из крохотных существ, хотя, по правде говоря, в тот момент его это мало волновало. Рвоты не было, он сплюнул лишь большое количество слюны, попавшей на спинки двух сидевших в раковине тараканов. Дэвид отпрянул, глотая поднимающуюся к горлу горько-кислую жидкость. Господи! Да этот дом просто утопает в грязи и мерзости! Что же произошло с Эдбруком за одну лишь ночь? Этот вопрос промелькнул у него в голове, но даже если бы он высказал его вслух, ответить было некому. Он протянул руку и повернул старинной формы кран. Послышалось бульканье, из крана неровными толчками хлынула бурая вода, чуть погодя она стала чистой и потекла ровной прозрачной струей. Над сгустками его слюны кружились, дергая тонкими ножками, черные мухи. Эш закрытил кран и отошел от раковины.

Задняя дверь оказалась незапертой, и он вышел на улицу, радуясь свежему, хотя и позимнему холодному воздуху. Вытирая тыльной стороной ладони губы и подбородок, он лихорадочно хватал ртом воздух, чувствуя, как постепенно усталость покидает его. Дэвид поежился от холода и с отчаянием в голосе произнес имя Кристины.

Эш не был уверен в том, что действительно надеется услышать ответ. И все же позвал ее снова.

И стал напряженно вслушиваться в тишину.

Стоя на возвышавшейся над парком террасе, он приложил ладони рупором ко рту и снова крикнул:

– Кри-и-и-сти-и-и-на-а-а!!!

Затем крикнул еще раз, но уже тише и практически ни на что не надеясь.

Кристина покинула Эдбрук, так же как, судя по всему, и няня Тесс. Эш остался совсем один, и его вдруг охватило странное и необъяснимое ощущение, что разрушающийся дом злорадно смеется над ним.

25

Красная “Фиеста” осторожно влилась в поток машин на шоссе, двигавшихся на северо-запад, и стала постепенно набирать скорость, словно радуясь своему освобождению от переполненных городских улиц.

Но на лице единственного сидевшего в машине человека радости не было. И вовсе не из опасения перед поджидавшими ее в дороге трудностями Эдит Фипс так крепко вцепилась в руль.

Эш шел по коридору к лестнице, на ходу натягивая на себя пальто и не потрудившись даже закрыть за собой дверь спальни. Он быстро спустился вниз, стараясь поскорее выбраться из этого дома, пустота и мрак которого безмерно подавляли его.

Холодный воздух по крайней мере избавил его от сонливости и апатии, и он чувствовал

острую потребность в энергичном движении, чтобы окончательно прийти в себя.

На последней ступеньке лестницы он на миг задержался и взглянул на стоявший в другом конце холла огромных размеров телефон. Эш решил попытаться еще раз. В конце концов он ничего не теряет, всего лишь несколько секунд. Он подошел к аппарату и поднял к уху тяжелую трубку. Губы его искривились в некоем подобии улыбки – линия не работала. Впрочем, ничего другого он и не ожидал.

Швырнув трубку на место, Дэвид рукавом пальто стер пыль с ладони.

Эш поспешил к выходу, и шаги его по деревянному полу гулко отдавались в пустом холле. Он открыл одну из створок двери, вышел на улицу и почти бегом спустился по ступенькам, ведущим от входа.

Он поднял воротник пальто и отвернул лацканы, прикрывая от холодного ветра грудь. Под его ногами громко шуршал покрывавший дорожку гравий.

* * *

Огромный грузовик с прицепом проскользнул так близко, что Эдит испугалась – ей показалось, что ее “Фиесту” сейчас затянет под колеса этого монстра. Во всяком случае, воздушный поток, созданный этой гигантской гусеницей, был таким сильным, что Эдит пришлось еще крепче вцепиться в руль, чтобы удержать машину на ровном ходу. Взглянув в боковое зеркало, она увидела, что у грузовика много последователей, правда значительно меньших размеров, водители которых, возможно, давно уже сгорали от нетерпения – быть может, с того самого момента, как выехали на трехполосное бетонное шоссе. Эдит взглянула на спидометр – на пятнадцать ниже допустимой. Что ж, наверное, она действительно сама виновата, однако не одна она ехала со скоростью 55 миль в час. “Нет, вы только посмотрите на нас, – проворчала она себе под нос, – прямо как процессия катафалков”. Она невесело улыбнулась, и эта улыбка как нельзя лучше соответствовала ее настроению. Откуда в ней этот ужасный, лишающий сил страх? Почему она так боится за Дэвида? Она не могла найти ответа. Интуитивное видение не всегда бывает ясным и отчетливым. В основном оно построено на чувствах, на подсознании, но на этот раз эмоциональное напряжение было чересчур сильным. И оно исходило от самого Дэвида, имело непосредственную связь именно с ним. Словно бедняжка посылал отчаянные сигналы бедствия. Но все было так зыбко, так туманно...

Она резко нажала ногой на тормоз, заметив вдруг всего в нескольких ярдах впереди себя другую машину.

Она приказала себе успокоиться. Что бы ни случилось, что бы ни происходило сейчас в доме, называемом Эдбрук, она ничем не сможет помочь Дэвиду, если ее бездыханное тело окажется распластанным на шоссе.

Господи, какие ужасные мысли лезут ей в голову! “Как не стыдно, Эдит, – упрекнула она себя, – ты ведешь себя плохо, очень плохо”.

Эдит рискнула бросить взгляд на раскрытую на пассажирском сиденье карту. Ей не хотелось пропустить поворот с шоссе на другую сторону, которая в свою очередь приведет ее на еще одну дорогу, а потом еще на одну, которая в конце концов приведет ее в Рэйвенмур.

Не сводя внимательного взгляда с шоссе, она сдвинула в сторону два письма, закрывавшие нужную ей страницу на карте, и быстро отыскивала номер необходимой ей дороги. Лежавшие вместе с картой письма были подписаны мисс Т. Вебб. “Еще очень далеко”, – пробормотала она себе под нос и вдруг резко вздрогнула – еще один грузовик с грохотом, обгоняя ее, промчался мимо.

* * *

Добравшись наконец до телефонной будки, Эш немного постоял внутри и отдышался, прежде чем набрать номер телефона Института. После прогулки быстрым шагом по свежему

воздуху у него по крайней мере прояснилось в голове. Несмотря на пройденный путь, он чувствовал себя бодрым и полным энергии. Возможно, для того чтобы снять усталость, ему не хватало именно такой вот прогулки по долине и свежего воздуха. В том что он так отвратительно чувствовал себя раньше, Дэвид винил дом, Эдбрук, с его вечным полумраком и затхлым воздухом. И, конечно же, события последних двух ночей, неблагоприятно повлиявшие на его психологическое состояние. Мариэллы явно разыгрывали его, пытались сбить с толку, но он не понимал, зачем им это было нужно. Неужели его действительно это интересовало? И разве его волновало, какие цели они преследуют? Как ни удивительно – да. Он не знал только, в какой именно степени. Мариэллы раздражали, бесили его и одновременно, признался он нехотя самому себе, странным образом привлекали, буквально завораживали его. Особенно Кристина. Прошлой ночью...

Он заставил себя не думать об этом. Ему необходимо было получить руководящие указания, выслушать мнение здравомыслящего человека и прояснить ситуацию. Ему нужно поговорить с Кейт Маккэррик, непреклонной, решительной, все понимающей и умеющей логически мыслить Кейт.

Эш порылся в карманах и выругался, обнаружив там только несколько пенни.

Толкнув тяжелую дверь, он вышел из будки и долго смотрел на раскинувшуюся перед ним долину и видневшийся в конце ее Эдбрук.

Однако пошел он совсем в другую сторону.

* * *

Ну вот, наконец-то, именно эта дорога, уходящая в сторону от шоссе, ей и нужна.

Эдит включила левый указатель поворота и с облегчением вздохнула, оказавшись после скоростного шоссе на тихой сельской дороге. Она не торопясь ехала мимо городков и поселков, наслаждалась возвышавшимися вдалеке холмами с мягкими очертаниями.

День клонился к вечеру, и кое-где уже зажигались первые огни.

* * *

К тому времени как Эш достиг окраины поселка, он уже едва тащил ноги. Плечи его поникли, ссутулились, а глаза не отрывались от дороги – двухмильный переход напрочь лишил его обретенной было (и, как оказалось, ненадолго) энергии.

Дома постепенно выстраивались в ровную линию, располагались уже не так далеко друг от друга, а кое-где даже целыми группами. В них уже зажегся свет, в некоторых Эш видел даже горящие камины. Мягкий свет этих огней вызывал ощущение теплоты и уюта, необходимого усталому путнику покоя, и в то же время это ощущение заставляло всякого, кто находился на улице, острее почувствовать собственное одиночество. Именно так чувствовал себя сейчас Дэвид Эш.

Облачка пара от его дыхания витали вокруг лица, таяли и растворялись, они были столь же мимолетны, как и кружившиеся в голове мысли. В сравнении с его разгоряченным от долгой ходьбы телом, вечерний воздух казался особенно холодным. Он шел мимо спящих ярким светом витрин магазинов, но впереди его ждал гораздо более гостеприимный свет.

Эш прибавил шагу, и в горле его пересохло от предвкушения того, что его ждет.

* * *

Эдит стояла возле “Фиесты”, наблюдая, как пожилой служащий бензоколонки наполняет бак, жалуясь на долгие ночи, на то, что приближается зима, что лето редко бывает хорошим и что цены на мясо непомерно высоки. Это была небольшая автостанция, и заправку машин бензином едва ли можно было назвать увлекательной работой, но она все же давала возможность хотя бы изредка поболтать с проезжающими здесь клиентами.

Да-да, Рэйвенмур отсюда совсем недалеко, да, он слышал о поместье под названием Эдбрук – это большой дом, много земли вокруг него... нет, оно тоже недалеко отсюда, меньше чем в трех милях, не доезжая городка, нет, он толком не знает, кто там живет, имена ему неизвестны, поместье-то вроде бы есть, а вроде бы и нет его, вы понимаете, дом стоит далеко от дороги, рядом нет ни соседей, ни тех, кто там работает; кто бы они ни были, они живут сами по себе; впрочем, он вообще мало что здесь знает (при этих словах он усмехнулся), потому что и сам в этих краях новичок, приехал сюда недавно вместе со своей второй женой, а через два года опять овдовел – лет десять-одиннадцать с тех пор прошло, и за это время у него не было повода общаться с обитателями больших домов, хотя леди, которая живет там, частенько останавливается здесь, чтобы заправить машину, – она у нее старинная, великолепная старая машина, но в отличном состоянии, такое впечатление, что они не часто пользуются ею; он точно знает, что эта леди оттуда, потому что однажды у нее не оказалось наличных денег и она выписала чек, а он вынужден был попросить ее оставить свой адрес, потому что так полагается; будь он проклят, если помнит сейчас ее имя, она никогда много не разговаривала, она не из тех, кто, как он, любит поболтать, а вот он получает огромное удовольствие от приятной беседы, а сейчас, если миссис поедет по этой дороге и на втором перекрестке повернет направо, то слева от нее будет небольшая долина, ее следует объехать вокруг, потом будет еще одна дорога, пошире, хотя и ненамного; а чуть дальше по ней будет уже Эдбрук.

Он остановился, чтобы перевести дух, и снова усмехнулся.

Да, он, конечно, знает это поместье, но ему до него нет дела. Он проезжал мимо пару раз, и оно его не впечатлило. Когда вам уже семьдесят, а точнее – семьдесят два, и вам все еще приходится работать круглые сутки, потому что вы к этому привыкли и другой жизни себе не представляете, так вот, когда вам уже за семьдесят, вы хорошо умеете чувствовать такого рода вещи. Миссис, конечно, понимает, что он имеет в виду? Уверен, что понимает. Ну вот, полнехонько, под завязку, можно ехать. Чек нужен? Нет? Ладно, тогда схожу за сдачей. Как насчет масла? Масло вам нужно? Нет? Да, эти маленькие консервные банки не требуют столько масла, сколько жрали старые колымаги. Говорят, это все прогресс. Возможно, но иногда кажется, что в некотором смысле все становится хуже, а не лучше. Ну, вы понимаете? Все вокруг становится другим, но время и жизнь не стоят на месте, и нужно как-то приспособливаться...

К великому облегчению Эдит, старик наконец направился в свою конторку, построенную из камня и выкрашенную в белый цвет. Она крикнула ему вслед, что сдачу он может оставить себе. Она уже села в машину и протянула руку к ремню безопасности, когда старик обернулся и в знак благодарности помахал ей.

* * *

Хозяин кабачка в Рэйвенмуре едва успел открыть дверь, чтобы посмотреть, какая нынче вечером погода (холод и даже мороз его не пугали, но в дождливую погоду любители выпить и поиграть в карты, за исключением самых заядлых и стойких, предпочитали не выходить на улицу), как вдруг на него буквально наткнулся человек в темном пальто. Парень был не из местных и какой-то весь растрепанный, взъерошенный. Ему не помешало бы и хорошенько побриться. Хозяин отступил, давая возможность посетителю войти.

Пробормотав извинения, Эш протиснулся мимо него и направился через вестибюль к бару. Хозяин последовал за ним.

– Сегодня холодная погода, – чтобы как-то за вязать разговор, сказал хозяин, обходя стойку бара.

Эш только молча кивнул в знак согласия и указал на отражавшиеся в зеркалах ряды бутылок за спиной бармена. Потом ткнул пальцем в бутылку водки.

– Большую, пожалуйста.

Эдит снизила скорость и почти прижалась лицом к ветровому стеклу, пытаясь рассмотреть надписи на прикрепленных к воротам почтовых ящиках. Потом включила на полную мощность фары, чтобы лучше было видно.

Да, вот оно. Подъехав чуть ближе, она смогла прочитать выгравированное на кирпичных столбах по обе стороны дороги название – Эдбрук. Ворота были открыты, и она, съехав с дороги, остановила “Фиесту” по другую их сторону. В вечерних сумерках она отчетливо видела тень большого дома, стоявшего в конце прямой подъездной дорожки. Света в доме не было.

Она ничего не чувствовала. Судя по всему, дом был совершенно пуст. Нет, она по-прежнему не испытывала никаких ощущений. И в то же время у нее не было желания входить в этот темный и мрачный дом. Если только Дэвид...

Эдит сняла ногу с педали тормоза и поехала вперед.

По обе стороны раскинулись просторные лужайки, за которыми виднелся лес, потом начался парк. В полумраке ей трудно было определить, в каком состоянии все это находится. Эдит вдруг тихо вскрикнула – в какой-то миг ей показалось, что в парке стоят люди, но тут же она поняла, что их путающая неподвижность объясняется тем, что они сделаны из камня. Она постаралась выбросить из головы мысль о том, что эти статуи пристально следят за ее приближением.

Дом словно рос на глазах, и вскоре сквозь ветровое стекло она могла видеть только освещенный фарами фасад, производивший весьма мрачное впечатление.

Она остановила машину недалеко от ведущих к входу в дом ступеней – под деревом, раскидистая крона которого нависала над посыпанной гравием площадкой.

Вполне безопасное расстояние, подумала она, издеваясь над собой, обеспокоенная собственной нервозностью. Со смешанным чувством любопытства и тревоги она вглядывалась в величественное здание, не понимая, почему оно действует на нее таким образом, – она по-прежнему не ощущала ничего, никакого намека на историю этого дома, на то, что скрывалось за массивными стенами.

Тогда откуда же этот страх? Он засел внутри нее, разъедал ее внутренности, как раковая клетка, потихоньку разрушающая находящиеся рядом здоровые клетки и ткани, медленно прокладывая себе путь и постепенно захватывая весь организм, совершая свое страшное дело при поддержке извне... и эта внешняя поддержка исходила из мрачного дома, перед которым стояла сейчас Эдит...

Ну же, Эдит, говорила она себе, ты чувствуешь что-то. Ужасную всеохватывающую пустоту, причины которой вполне реальны. Здесь царит ужас, и Дэвид Эш стал его частью...

Эдит отправилась в Эдбрук полная решимости избавиться от мучившей ее тревоги и предупредить Дэвида о грозящей ему опасности; сам он, напроць отрицая наличие у него великого дара, не в силах был понять и осознать масштабы этой угрозы. Судя по всему, его сенсорность не в силах была преодолеть воздвигнутые им психологические барьеры между собственным сознанием и подсознанием, а потому избрала иной путь. Нет, не совсем так. Та часть его сознания, которая колебалась между тем, во что он верил, и тем, что отрицал, исходя из доводов логики, этот сидящий внутри каждого (или почти каждого) из нас третейский судья – иными словами, это можно было бы назвать способностью к восприятию и постижению – так вот, эта способность вынуждена была отсылать его мысли в ином направлении. И Эдит оказалась именно тем человеком, кто уловил эти мысли, как и рассчитывал на то третейский судья. Сам того не подозревая, Дэвид послал сигнал опасности. Господи! Каким же благодатным материалом мог бы послужить разум Дэвида для любого психоаналитика. И вот теперь захлестнувшая Эдит тревога в значительной степени поколебала ее решимость.

Эдит готова была уже развернуть машину и поскорее убраться подальше от этого страшного места. Света в доме по-прежнему не было – такое впечатление, что Эдит здесь

совершенно одна. Может быть, Дэвид уже закончил свои исследования и вернулся в Лондон? Может быть, она напрасно так беспокоится? Нет, тут же возразила она себе. Любое предположение может быть спорным, но чувства не ошибаются. Если Дэвид действительно уехал отсюда, то это только к лучшему. Если в доме никого нет, еще лучше – она может возвращаться в Лондон с чистой совестью и сознанием того, что сделала все возможное.

Дом по-прежнему не вызывал у нее никаких ощущений. Как будто внутри него был абсолютный вакуум, всеобъемлющая пустота, ставившая ее в тупик. Но если там действительно ничего нет, незачем и бояться. Ничего – значит ничего, и нет повода для страха, не так ли, Эдит?

Она открыла дверцу машины. Поежилась от холода. Пересекла посыпанный гравием двор. Поднялась по трем широким каменным ступеням.

Одна створка входной двери была приоткрыта, и в образовавшейся щели видна была царившая в доме тьма.

Эдит нажала на кнопку звонка возле двери. В доме не раздалось ни звука. Она нажала еще раз, уже сильнее, и несколько секунд не снимала палец с кнопки. Но звонок не работал.

Она постучала в закрытую створку двери с такой силой, что костяшки пальцев тут же покраснели. И вновь никакого ответа. Тогда Эдит заглянула внутрь, оставив дверь нараспашку. Чернота чуть отступила.

– Эй! – крикнула она. – Эй! Кто-нибудь слышит?

От царившего внутри дома запаха Эдит передернуло. Пахло старостью, сыростью, вековой пылью... и чем-то еще. Странно, но она ощутила запах древесного угля.

Охваченная любопытством Эдит вошла в дом.

Поскольку на улице тоже было темно, Эдит не потребовалось много времени, чтобы глаза привыкли к чернильно-черной темноте внутри дома. Мрак словно рассеялся.

– О Господи! – тихо воскликнула Эдит.

И в ответ на ее возглас в проеме двери под лестницей в конце холла возникла тень.

26

Опершись локтями на стойку бара, Эш показал хозяину пустой стакан.

– Еще одну большую порцию.

Хозяин взял из его рук стакан и настороженно взглянул на Эша. Пьянство в обычном смысле этого слова не свойственно такого рода людям. Должно быть, у него есть для этого какие-то очень серьезные основания. Он повернулся к Эшу спиной и стал наливать в стакан водку.

– И пива? – спросил он через плечо.

– А почему бы и нет, – ответил Эш, туша в пепельнице сигарету, – я не за рулем.

Посетителей в кабачке прибавилось, хотя он был далеко не полон. В такую погоду людям не хотелось покидать уютные дома и выходить на улицу. Беседы велись вполголоса, и в баре слышался лишь приглушенный гул, изредка прерываемый криками и руганью, доносившимися из соседнего, меньших размеров бара, завсегдатаями которого были местные пьяницы.

Хозяин поставил перед Эшем стакан с водкой и открыл пивной кран, искоса поглядывая на взъерошенного гостя.

– Вы говорили, что остановились неподалеку?.. – осмелился наконец спросить он.

– Поблизости, – кивнул Эш, запуская руку в ведро для льда. – Но пешком оттуда идти оказалось чертовски долго. – Он бросил лед в стакан с водкой.

– Стало быть, где-то за пределами городка? – снова задал вопрос хозяин, медленно закрывая кран.

– Да, примерно милях в ста отсюда, – Эш изобразил на лице некое подобие улыбки, желая показать тем самым, что это всего лишь шутка. – Нет, конечно, милях в двух, я думаю. Но мне они кажутся сотней. В Эдбруке. Вы знаете это поместье?

– Эдбрук? – переспросил хозяин, и в голосе его слышался интерес. – Да, я знаю этот дом.

– В гостях у семьи Мариэллов. – Эш покачал головой и улыбнулся про себя.

Хозяин поставил на салфетку пинту пива и чуть наклонился к стойке.

– Довольно уединенное местечко. Вы долго собираетесь жить там?

– Нет, если это будет зависеть от меня. – Дэвид протянул хозяину два фунта. – Я собираюсь, если получится, уже сегодня ночью сесть в поезд до Лондона. – Если бы не... – Он пожал плечами и сделал большой глоток водки.

– Похоже, вам не очень нравится этот визит, – фамильярным тоном сказал хозяин и был весьма удивлен, когда Эш мрачно расхохотался в ответ.

– Я бы сказал, что Мариэллы довольно эксцентричные люди, – пьяно улыбаясь и покачивая головой, заявил Эш.

– Мариэллы?

– Да, все они – Роберт и Саймон, милая старая няня Тесс и даже... даже Кристина.

Хозяин выпрямился, и тон его вдруг утратил все свое дружелюбие.

– Мне кажется, вам не следует пить столько водки. Если вы собираетесь возвращаться туда сегодня вечером... – Он не закончил и направился к кассе. Кладя перед Эшем на стойку сдачу, он добавил: – Конечно, если вы действительно живете именно там.

С этими словами хозяин отошел, оставив Эша, который, хмуро посмотрев ему вслед, пожал плечами и принялся за пиво. Перебрав пальцем лежавшие на стойке монетки, он отыскал десятипенсовик, залпом допил водку и пошел к выходу. Походку Дэвида нельзя было назвать нетвердой, но это стоило ему немалых усилий.

Отыскав в вестибюле телефон-автомат, он опустил в щель монетку и поднял трубку. Набрав номер, Дэвид стал ждать.

– Ну давай же, Кейт, – бормотал он, не слыша ответа. – Почему тебя нет именно тогда, когда ты нужна мне?

Но на том конце провода никто не отвечал. Нетерпеливо вздыхая, Дэвид прислонился к стене, заметив вдруг, что шатается.

* * *

Телефон звонил и звонил, и вот наконец в двери кабинета Кейт Маккэррик повернулся ключ. Дверь распахнулась, и Кейт, бросив у порога на пол сумку, подбежала к столу и схватила трубку.

– Алло! – задыхаясь крикнула Кейт. Послышался щелчок, и связь прервалась.

– Черт... – проворчала Кейт.

* * *

Эш чертыхнулся и бросил на рычаг трубку.

Он прислонился головой к стене и уставился в потолок. В висках стучало, от выпитого спиртного кружилась голова. Какое-то время он стоял, не двигаясь с места, потирая пальцами лоб и глаза. “Ну и черт с ними, Эш, – уговаривал он сам себя. – Пусть проделывают свои чертовы трюки и играют в дьявольские игры с кем-нибудь другим. Какое тебе до всего этого дело?”

– Вот именно, какого дьявола! – произнес он уже вслух.

Неужели он просто болезненно реагирует на происходящее? Неужели все дело в том, что он разозлился на Кристину за то, что она сбежала от него, не оставив даже записки, как будто то, что было между ними ночью, не имеет для нее ровным счетом никакого значения? Он вспомнил, как она хотела его, быть может, даже сильнее, чем он ее, с какой страстью прижималась она к нему всем телом. Он вспомнил, как в конце концов откликнулась на ее призыв его плоть, и он, поначалу растерявшийся и ошеломленный, занимался с ней любовью

с таким же всепоглощающим желанием и страстью, как и она. Даже воспоминание об этих минутах было возбуждающим.

Но пожар! Эта мысль пронзила его и мгновенно вытеснила из головы сладострастные воспоминания. Получается, что огонь был не более чем плодом его воображения. Но этого не может быть, это невозможно! Он не мог выдумать эту жару, клубы едкого дыма. Господи! Что же в действительности произошло с ним в этом подвале?! “Выброси все это из головы, – настойчиво убеждал его внутренний голос. – Пусть они купаются в собственных несчастьях”.

Эш оттолкнулся от стены и нетвердой походкой направился к двери, стремясь поскорее оказаться на улице и вдохнуть холодного свежего воздуха. Он уже взялся было за ручку двери, но в этот момент она открылась и в вестибюль вошли двое – парень обнимал молодую девушку. Эш отступил в сторону, и парень, даже не взглянув на него, кивнул в знак благодарности. Они направились к бару – парень что-то шептал на ухо своей спутнице, а та тихо смеялась.

Эш вышел на улицу и поднял воротник, спасаясь от пронизывающего холода. Дверь за ним захлопнулась, отрезав от улицы уютный свет и тепло холла.

Увидев припаркованный к тротуару старый “Уолсли”, Эш буквально застыл на месте. Из темноты салона сквозь ветровое стекло на него пристально смотрела Кристина.

Он в нерешительности помедлил. Потом обошел машину и распахнул пассажирскую дверь. От резкого движения металлические петли заскрежетали. Дэвид наклонился и заглянул внутрь.

– Почему вы уехали? – в голосе Кристины слышался гнев.

Эш ушам своим не поверил.

– Почему я?.. Господи! Что я слышу?

– Вы никому не сказали, куда отправились.

Кипя от злости, Дэвид сел в машину.

– Мне некому было говорить! Что происходит, Кристина? Почему дом был совершенно пуст?

Кристина повернула ключ зажигания.

– Я задал вам вопрос, – резко сказал Эш.

– Мне хотелось, чтобы вы как следует выпались, я же видела, что вы совершенно измучены.

– Я спрашиваю вас, где вы были? – настойчиво повторил Дэвид.

Кристина нажала на сцепление, и “Уолсли” тронулся от поребрика.

– Подождите, куда это вы поехали?

– Обратно в Эдбрук, конечно, – ответила она, не отрывая взгляда от дороги.

– Я не уверен...

Кристина бросила на него быстрый взгляд.

– Но вы же не собираетесь сбежать? После этой ночи, я имею в виду.

Дэвид сжал пальцами разрывавшиеся от боли виски.

– То, что произошло между нами...

– Было весьма приятно. Разве сами вы не помните, как нам было хорошо?

– Мне трудно... Я очень неловко себя чувствую, Кристина... Я был так измотан, я, право, смущен...

Машина быстро проскочила по городку, миновала окраину и окунулась в царившую под деревьями буквально осязаемую тьму. Сквозь густые кроны не проникал даже лунный свет.

Эш устроился на сиденье вполоборота, так, чтобы видеть Кристину.

– Что все-таки происходит в Эдбруке, Кристина? Я не понимаю, что там творится. Вы и ваши братья устраиваете какие-то безумные игры по ночам?

Она молчала, пристально вглядываясь в дорогу, а “Уолсли” все набирал и набирал скорость. Теперь он отчетливо чувствовал исходивший от машины запах старости и ржавого металла.

– В Эдбруке нет никаких призраков, не так ли? – продолжал расспрашивать Дэвид. – Вы все это придумали? По какой-то причине вам необходимо было добаться до меня? Объясните мне, почему. Пожалуйста, объясните, зачем вам это.

Машина с такой скоростью вписалась в поворот, что завизжали шины.

– Бога ради, ответьте мне! Что вы задумали, Кристина?

Ее нога с еще большей силой нажала на акселератор.

– У вас ведь никогда не было сестры-близнеца, правда? Вся эта ложь была лишь частью вашей игры.

– Вы хотели уехать, не закончив расследование, – ответила Кристина.

– Вы что, не слушаете меня? Вы не слышали ни слова из того, что я говорил? У вас никогда не было сестры-близнеца, умершей в детстве. Правда, я верю, что в семье Мариэллиов действительно был шизофреник. – Машина вновь резко накренилась на повороте, и Эш крепко схватился за спинку сиденья. – Это ведь вы, Кристина, не так ли?

Она вся напряглась. В струящемся сквозь ветровое стекло лунном свете лицо ее казалось бледным и совершенно чистым, в тени оставался лишь лоб.

Испытывая разочарование и горечь из-за отсутствия какой-либо реакции с ее стороны, Эш в отчаянии полез в карман за сигаретами и зажигалкой. При этом он ухитрился даже улыбнуться, но улыбка вышла сардонической.

– Мне давно следовало бы догадаться. Все эти разговоры о том, что Мариэллы из поколения в поколение хранят свои семейные тайны... Безумие кого-либо из членов вашей семьи вы не только обсуждать не желаете, но даже признать не хотите.

Он щелкнул зажигалкой и заметил, что Кристина отпрянула от языка пламени. Нервозность, явственно сквозившая в ее искоса бросаемых на него взглядах, позабавила его и доставила почти детскую радость. Что ж, пусть огонь горит.

– Саймон и Роберт всегда защищали и оберегали вас, Кристина? И няня Тесс тоже?

Он поднес зажигалку ближе к ее лицу, не то для того, чтобы разглядеть его получше, не то для того, чтобы помучить. Машина замедлила ход и свернула на боковую дорогу, проехав мимо будки, из которой Эш перед тем безуспешно пытался позвонить в Лондон.

Кристина отодвинулась от него, но продолжала смотреть вперед. “Уолсли” снова начал набирать скорость. Время от времени она косилась на огонек зажигалки, словно тот против ее воли притягивал ее взгляд, оказывал на нее магическое действие. Но это длилось лишь доли секунды, потом глаза ее вновь обращались к дороге.

– Не знаю, каким образом вам и вашим братьям удавалось проделывать все эти фокусы – пожар в подвале и... – он безнадежно махнул другой рукой в воздухе, – ... и эта девушка... которую, как мне показалось, я видел в пруду. Ну конечно, вы все такие умные, такие хитрые... Но это не совсем так...

Он придвинул язычок пламени ближе к ее щеке.

Кристина отшатнулась и отвернула в сторону лицо, машина при этом опасно вильнула. Свободной рукой Эш схватил ее за запястье, пытаясь выровнять руль, в испуге, что они сейчас разобьются.

Когда он коснулся руки Кристины, у него вдруг возникло какое-то странное ощущение.

Он взглянул на ее руку, и незажженная сигарета выпала у него из рта. Вместо сжимающих руль пальцев девушки он увидел почерневшие кости с видневшимися кое-где сморщенными и засохшими остатками плоти. Он непроизвольно сжал руку, отчего хрящи суставов, как ему показалось, хрустнули и посыпались.

Голова Кристины медленно отодвигалась от бокового окна, и Эш мог видеть в профиль ее улыбку. Потом она повернулась к нему, и лунный свет упал на вторую половину лица.

Он закричал.

Кожа была сморщенной и обугленной, в глазных впадинах начисто отсутствовала плоть, отчего глазное яблоко казалось огромным и смотрело на него, как будто повиснув в пустоте. Череп с этой стороны был совершенно голым и блестящим, лишь кое-где с него свисали длинные пряди волос. Губы в уголках рта сгорели, их просто не было – торчали лишь зубы и

видны были темные десны. То, что прежде показалось Эшу улыбкой, превратилось в ужасную гримасу.

Эш выронил из руки зажигалку, и пламя тут же погасло. Он в шоке смотрел на обращенное к нему огромное глазное яблоко и на освещенное лунным светом уродливое подобие человеческого лица.

27

“Уолсли” не снижая скорости мчался по узкой дороге среди долины. Тонкие ветки деревьев и кустов хлестали по боковым стеклам машины, колеса оставляли глубокие следы в траве. Но Кристина, точнее говоря – то существо, в которое она превратилась, – не снимала ногу с педали акселератора.

Эш отпрянул от нее так резко, что ударился спиной о дверцу. Голова ее вновь повернулась в профиль, и его глазам опять предстала ее милая улыбка. Но перед Эшем стоял кошмар, увиденный им по другую сторону.

Впереди показались каменные столбы, высившиеся при въезде в Эдбрук. Не снижая скорости, “Уолсли” проскочил мимо них. Эша бросило вперед, он ударился головой о ветровое стекло, но боли не почувствовал. Черная громада дома стремительно приближалась и вырастала на глазах.

Они мчались по дорожке, по обе стороны которой темнели деревья парка. Он открыл было рот, чтобы крикнуть, а может быть, чтобы попросить ее остановиться, но в горле пересохло, и он не смог издать ни звука.

“Уолсли” вдруг резко развернулся и остановился. Из-под колес во все стороны полетел гравий, барабанной дробью простучав по каменной стене дома, а Эш едва не свалился с сиденья на пол.

Он круто повернулся и стал нащупывать на двери ручку, не осмеливаясь еще раз взглянуть на сидевшее рядом с ним в машине ужасное существо, отчаянно стремясь поскорее избавиться от близкого соседства с ним в тесном пространстве машины. Найдя наконец ручку, он громко втянул в себя воздух и издал какой-то звук, очень похожий на всхлип.

Эш почти вывалился из машины и не разбирая дороги бросился бежать, спотыкаясь и пошатываясь. В панике он не заметил, что в дальнем конце двора под низко нависавшими ветками дерева стоит еще одна машина. Ему показалось, что он услышал несущийся ему вслед из “Уолсли” сухой и скрипучий смех, вырывавшийся из обожженного горла существа, сидевшего на водительском месте.

Он почти взлетел по каменным ступеням, но на последней споткнулся и больно ударился о тяжелую входную дверь. Ухватившись за одну из медных ручек, он снова поднялся, опираясь другой рукой о деревянную створку.

Эш оглянулся через плечо и увидел, что водительская дверца машины открывается. До него донесся хриплый смех.

Он обоими кулаками забарабанил в дверь, не обращая внимания на распространяющуюся по рукам боль. Он хотел закричать, но горло перехватило, и из него не вырывалось ни звука.

Он не осмеливался смотреть назад, но голова его против воли поворачивалась в сторону машины, и боковым зрением он видел, что Кристина выходит из “Уолсли”.

В груди появилась невыносимая тяжесть, Эш едва не взвыл от ужаса, но продолжал молотить кулаками в двери, хотя уже почти потерял всякую надежду. Ему хотелось убежать отсюда как можно дальше, прежде чем эта страшная фигура приблизится к нему. Но неожиданно он ощутил такую слабость и усталость, словно силы вмиг покинули его. Ноги стали тяжелыми и как будто ватными. Даже не глядя назад, он чувствовал, что она уже возле первой ступеньки, слышал скрип ее туфель по камню. Крик ужаса замер в его груди.

Когда створка двери открылась внутрь, он едва не потерял равновесие.

Поведение и выражение лица няни Тесс едва ли можно было назвать гостеприимным.

Она уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но он, оттолкнув ее, влетел в холл и захлопнул за собой дверь. Женщина буквально застыла от удивления, и все приготовленные слова выскочили у нее из головы.

Дрожа с головы до ног, Эш трясущимися руками повернул ключ и с удовлетворением услышал щелчок замка. Однако и это его не успокоило. Он наклонился и опустил задвижку в специально сделанное отверстие в полу, потом проделал то же самое со второй створкой и привалился всем телом к двери, словно пытаясь таким образом укрепить преграду.

Увидев, как изменился Эдбрук, Эш не смог удержаться от стога.

Освещение стало еще более тусклым, словно и оно тоже подверглось всеобщему разрушению. Однако света все же было еще достаточно, чтобы разглядеть черноту закопченного потолка и стен, пыльную паутину и плесень во всех нишах и углах, длинные темные трещины на деревянных панелях, над которыми клочьями свисали куски рваных обоев. Пол был усыпан кусками отвалившейся штукатурки. И над всем этим витал дух пустоты, повсюду царил едкий запах разложения.

Стоя на ступенях лестницы, на него смотрели Саймон и Роберт Мариэллы.

– Ради Бога... Кристина! – выдохнул Эш, наконец обретя дар речи.

Братья улыбались.

За его спиной раздалось тихое постукивание.

Он резко обернулся, словно кто-то тронул его за плечо, и отошел в сторону от двери.

Стук прекратился.

И вдруг дверь затряслась от мощных ударов, раздался страшный грохот. Эш громко закричал. Створки, казалось, вот-вот готовы были сорваться с петель, дерево выгибалось внутрь под чьим-то мощным давлением с другой стороны, на его поверхности, образуя причудливый узор, появились трещины.

Не отрывая взгляда от двери, Эш медленно попятился назад, в ушах у него стоял нестерпимо громкий гул.

Давление снаружи вдруг прекратилось, и наступила полная тишина.

– Няня, открой, пожалуйста, дверь, – послышался в этой тишине голос Роберта.

К великому ужасу Эша тетушка Мариэллов подошла к двери и повернула в замке ключ.

– Нет! Не впускайте ее! – умоляющим тоном закричал Эш.

Няня Тесс колебалась, неуверенно глядя то на Дэвида, то на своего племянника. Роберт все с той же спокойной улыбкой кивнул головой. Няня Тесс наклонилась, чтобы поднять задвижку.

Удивительно быстрым движением она распахнула створку двери, за которой стояла скрытая тенью фигура.

Эш почувствовал, как изнутри него что-то уходит, из него словно вытягивали все тепло, отчего кровь и тело становились ледяными и застывали. Он хотел убежать, но двигался при этом медленно и неуверенно, с трудом переставляя ноги. Лестница показалась ему бесконечной, и подъем по ней стоил ему больших усилий.

Когда он пробирался мимо братьев, Роберт все так же улыбался, а Саймон посмеивался, глубоко засунув руки в карманы брюк.

Чтобы удержаться на ногах, Эш крепко держался за перила. Но постепенно к нему возвращалась способность соображать, он сознавал, что необходимо бежать, и чувство самосохранения брало верх над страхом, с каждым шагом прибавляя ему сил. Почти у самого верха он все же упал, но не остановился и на четвереньках дополз до последней ступеньки, потом поднялся на ноги и шатаясь побежал по коридору к той комнате, которая была отведена ему хозяевами.

Дверь была открыта, он влетел внутрь и с грохотом захлопнул ее за собой, а потом закрыл на ключ. Прислонившись влажным лбом к прохладному крашеному дереву, он попытался взять себя в руки и, отдышаться. Он прислушался к доносившимся из-за двери звукам, и ему показалось, что слышны чьи-то приближающиеся шаги.

Эш закрыл глаза, словно собираясь молиться.

Но вдруг он бросился к стоявшему неподалеку комоду. Крепко вцепившись в него, Эш начал подтаскивать его к двери, дергая то в одну, то в другую сторону, чтобы легче было двигать, и наконец вплотную приставил комод к двери, надеясь, что такую баррикаду преодолеть не удастся никому. Он стукнул ладонью по выключателю, и лампа под потолком, несколько раз мигнув, слабо осветила комнату тусклым светом.

Ни на секунду не сводя взгляда с двери, он попятился в другой конец комнаты, стараясь оказаться как можно дальше от воздвигнутой баррикады.

Вскоре послышался уже знакомый ему тихий стук.

Кто-то прошептал его имя.

– Оставьте меня в покое! – взвизгнул Эш, доведенный едва ли не до истерики. – Оставьте меня в покое!

Крик его превратился в стон, и он бессильно рухнул в стоявшее напротив двери кресло.

– Оставьте же меня в покое...

Шепот прекратился.

28

В Эдбруке все было тихо и неподвижно.

В темных коридорах и холлах не слышно было шагов, ничто не шевелилось в пыльных комнатах, слышалось только шуршание разного рода паразитов, поселившихся под обивкой продавленных диванов, или легкий шелест паучьих лапок. Даже слабый ветерок не тревожил шторы на окнах. Каменные стены охраняли покой этого дома. В окна заглядывал лишенный красок рассвет.

В комнате наверху, сидя в кресле лицом к забаррикадированной двери, беспокойно спал человек.

На Дэвиде Эше по-прежнему было помятое пальто, поднятый воротник которого закрывал шею. Небритый, заросший щетиной подбородок покоился на груди. В тусклом утреннем свете лицо его казалось отеком и усталым, по нему пробегали тени, лоб время от времени хмурился. Он видел сон...

* * *

...Мальчик просыпается и прислушивается. Кто-то зовет его шепотом.

– Дэвид...

Он выходит из спальни и, следуя зову этого нежного голоса, спускается вниз, в комнату, освещенную множеством свечей. В дальнем конце длинной комнаты стоит гроб.

С расширенными от страха глазами мальчик подходит ближе, заглядывает в обитый шелком ящик.

Лежащая в нем девочка вовсе не его сестра.

Она намного старше и даже в смерти очень красива.

Глаза ее открываются.

На лице появляется улыбка.

Эта улыбка превращается в гримасу.

Кристина протягивает руки, словно собираясь обнять его.

Она шепчет:

– Дэвид...

* * *

Испуганно вскрикнув, Эш проснулся. От его резкого движения валявшаяся возле ног пустая бутылка из-под водки покатила по полу. Он стал оглядываться вокруг, словно не понимая, где находится. Тусклый утренний свет, проникавший через окно, странным образом

смешивался с электрическим, льющимся с потолка, отчего все в комнате казалось необычным – не было ни густых теней в углах, ни ярких красок. Он несколько раз моргнул, пытаясь избавиться от рези в глазах. Даже не глядя в зеркало, он знал, что они опухли и покраснели. В горле пересохло. Эш несколько раз провел рукой по растрепанным волосам и попытался сглотнуть.

Но тут он вспомнил свой сон, и рука замерла на полпути. Взгляд его упал на тяжелый комод, придвинутый к двери, и Эш застонал, вспомнив, почему он стоит именно там.

Затаив дыхание, крепко вцепившись трясущимися руками в подлокотники, он заставил себя прислушаться. За дверью было абсолютно тихо, у Эша возникло почему-то ощущение, что не только в коридоре, но и во всем доме царит вакуум, абсолютная пустота, словно дом, как и Эш, в ожидании чего-то затаил дыхание.

Он с трудом поднялся с кресла, подошел к воздвигнутой баррикаде и, опершись на комод, снова начал прислушиваться, не раздастся ли тихое шарканье ног или шелест проносящегося по дому сквозняка. Ничего.

Он нетвердой походкой направился к окну, чувствуя, что координация движений полностью отсутствует, что ему пока еще трудно определить собственные ощущения. Дэвид выпянул в парк. Моросил дождь, от земли поднимался сырой туман, отчего стоявшие в саду скульптуры утратили четкость очертаний и были трудноразличимы.

По мере того как отступали вызванные тяжелым сном неприятные ощущения, к Эшу возвращалась решимость.

Достав из шкафа портплед, он принялся швырять в него одежду и прочие свои вещи, ничуть не заботясь об аккуратности и запихивая все как попало, лишь бы хватило места. Движения его стали резкими и постепенно обретали быстроту.

Под конец он бросил в портплед свои записи и диаграммы, вытащив их из бюро, служившего ему письменным столом, потом дернул молнию и выругался, когда машинка прижала торчащую изнутри ткань. Не желая больше тратить ни минуты, он оставил все как есть. Встав на цыпочки, он достал со шкафа чемодан и положил его на кровать. Несколько минут он молча смотрел на него, сознавая, что, для того чтобы заполнить его, ему необходимо пройти по всему дому и собрать оставленное в различных местах оборудование.

Он снова оглянулся на дверь.

Потом осторожно приблизился к ней и, собрав все силы, оттащил комод в сторону. После чего постарался отдышаться, не сводя при этом взгляда с торчавшего в замке ключа. Он не мог найти в себе силы повернуть этот ключ и открыть дверь...

...За дверью стояла няня Тесс.

– Господи Иисусе! – едва слышно вскрикнул Эш.

Она шагнула на свет. Лицо ее казалось еще более постаревшим, глубокие морщины избороздили кожу, а в его смущенном выражении было нечто безумное. Такие серые, совершенно лишенные красок лица бывают у людей после долгой и тяжелой болезни.

Она заговорила с ним очень тихо, словно боясь, что ее могут услышать, однако голос звучал чрезвычайно настойчиво.

– Вам следует уехать немедленно. Бегите отсюда, мистер Эш.

– Где они? – так же тихо спросил он.

– Неважно, – резко, словно упрекая его, ответила она. – Не спрашивайте меня ни о чем и немедленно покиньте этот дом. Это уже перестало быть игрой и превратилось в нечто гораздо большее. Случилось нечто такое, что в корне изменило ситуацию. Они сердятся на вас, мистер Эш. Они ужасно сердиты.

Она чуть отклонилась назад и оглядела коридор, словно желая убедиться в том, что он пуст. Потом снова приблизилась к Эшу и тихо зашептала почти ему в ухо:

– Рано утром на станции останавливается почтовый поезд. Вы еще можете успеть попасть на него, если поторопитесь.

Уговаривать Эша не потребовалось. Он вернулся к кровати за портпледом, и в это время взгляд его упал на раскрытый пустой чемодан. Однако он так и оставил его лежать,

отвернулся и пошел прочь. Все приборы и оборудование, неотъемлемая часть его работы, почему-то вдруг перестали представлять для него какой-либо интерес.

Схватив портплед, он бросился к двери и был неприятно удивлен, обнаружив, что пожилая леди исчезла. Он вышел в коридор. И застыл на месте.

В дальнем конце коридора, не сводя с него пристального взгляда, в угрожающей позе стоял Охотник.

Эш начал медленно отходить, ступая очень осторожно, опасаясь, что любое резкое движение, малейший признак охватившего его страха спровоцируют нападение ужасного чудовища. Он усилием воли заставлял себя не торопиться и не делать ничего, что могло бы возбудить собаку.

Охотник крадущейся походкой следовал за ним.

Эш крепче сжал ручку портпледа. Если этот зверь бросится на него, он сунет ему в морду портплед, воспользуется им как щитом. А что потом? Сколько времени сможет он сдерживать собаку? Если он вернется обратно в спальню, то окажется в ловушке. Может быть, ему следует позвать няню Тесс? Она, наверное, сумеет справиться с Охотником. Но почему она не подождала его? Или все это было лишь частью их плана – выманить его из комнаты и оставить на милость этого чудовища? О Господи! Да они что, все в этом доме сумасшедшие?

Охотник все время держался на расстоянии, но упорно следовал за своей жертвой. В темном коридоре Дэвид видел лишь две тускло светящиеся точки его глаз и бесформенную массу туловища с прижатой к нему головой, бесшумно скользившую вперед.

Эш не отрывал взгляда от собаки и не осмеливался смотреть по сторонам, но чувствовал, что находится уже совсем рядом с галереей на верхней площадке лестницы. Если бы он в этот момент оглянулся, то увидел бы поднимающуюся по лестнице фигуру. Только услышав за своей спиной характерный хрипловатый смех, он осмелился бросить через плечо взгляд.

Саймон был уже на верхней ступеньке. Но это был не совсем Саймон.

Даже в полумраке Эш мог видеть, что брат Кристины смертельно бледен, как будто его лицо и руки густо посыпаны белой пудрой, Полусгнившая, сморщенная, вся в пятнах кожа свисала клочьями. Видневшаяся в открытом воротнике рубашки шея была покрыта багровыми шрамами, резко контрастировавшими с неестественно белой кожей, на теле зияли раны и порезы, а голова уродливо перекосилась на сторону.

Несмотря на столь ужасный вид, Саймон улыбался.

Вне себя от ужаса Эш швырнул портплед в стоявшую на верхней ступеньке фигуру. Резкое движение заставило пса броситься вперед.

Эш слышал, как за его спиной лязгнули челюсти и раздалось грозное рычание. Даже не обернувшись, он, не тратя даром времени, перемахнул через перила и успел ухватиться за перекладину с другой стороны. Он висел, болтая ногами в воздухе, пока над его головой не появилась морда Охотника и он не услышал клацанье его страшных челюстей. Пальцы Эша ослабли, он выпустил перекладину, успел еще ухватиться за выступ балкона, но руки соскользнули. Он тяжело рухнул на пол и задохнулся от ужасной боли в лодыжке.

Эш лежал на спине, хватая ртом воздух и чувствуя, что все тело онемело от сильного удара. Постепенно онемение прошло, уступив место мучительной болезненности, и тогда Эш заметил витающие в воздухе облачка дыма, услышал треск огня и почувствовал, – хотя, конечно, это могло ему только показаться, – как охватывает жаром его лицо.

Потом до него донесся топот лап по ступеням.

Эш быстро перевернулся, встал на колени, потом с трудом поднялся на ноги, чувствуя ужасную боль в лодыжке. Он увидел, как Охотник обогнул столбик лестницы возле нижней ступеньки, поскользнулся на давно не метеном полу, но быстро обрел равновесие и бросился вперед.

Эш прихрамывая побежал, понимая, что его единственное спасение – преграда между ним и разъяренным зверем. Кухня далеко, в другом конце холла, – ему ни за что не добраться

туда. И Эш распахнул ближайшую дверь. Дверь в подвал.

Стена ослепившего его пламени заставила Эша попятиться. Защищаясь от жара, он поднял к лицу руки.

Тем не менее, он успел заметить, что внизу среди моря огня мечется какая-то фигура. Словно не замечая нестерпимого жара, человек стал подниматься по лестнице. Эш опустил слегка руки и, пораженный, не веря своим глазам, снова заглянул в подвал.

Охваченная пламенем фигура почти добралась до верхней ступеньки. Несмотря на то, что она ослепительно пылала, что-то в ней – в ее облике, в превратившемся в кипящую массу лице – показалось Эшу знакомым.

Выбирающийся из подвала живой факел оказался не кем иным, как Робертом Мариэллом.

29

Охотник остановился. В глазах его, словно близнецы, отразились две пляшущие огненные фигурки, словно человек горел внутри собачьего черепа. Пес трусливо задрожал и жалобно завыл.

Эш не стал больше ждать. Он бросился прочь от адского пекла, в которое превратился подвал, от объятый сверкающим пламенем фигуры, от которой исходил отвратительный запах горелого мяса.

Заметив, что жертва готова вот-вот улизнуть, пес пришел в себя и встряхнулся. Низко пригнув к полу голову, он осторожно обогнул горящего человека и вновь бросился в погоню.

Эш остановился лишь затем, чтобы швырнуть в своего преследователя один из стоявших в холле стульев, который упал прямо перед носом Охотника, заставив пса на мгновение прервать гонку. Саймон Мариэлл уже успел спуститься вниз. Пламя, сжигавшее его брата, причудливым образом освещало Саймона, делая облик еще более фантастическим. Из горла его вырывался сдавленный и тем не менее ядовитый смех.

Эш буквально ввалился в кухню и обернулся, чтобы захлопнуть за собой дверь. Это ему почти удалось, но в последний момент челюсти Охотника вцепились в рукав его пальто.

Наваливаясь всем телом на дверь, Эш пытался вырвать из собачьей пасти руку, изо всех сил прижимая дверью его морду. Наконец ему это удалось, и пес с зажатым в зубах лоскутом материи отлетел обратно в холл. Эш запер дверь и отступил назад, в то время как Охотник бросался на нее с другой стороны. Деревянные панели стонали, но, к счастью, выдерживали его натиск. Пес в ярости царапал лапами дерево.

Эш устремился к выходу через грязную и захламленную кухню, при каждом шаге морщась от невыносимой боли в лодыжке. Наконец он добрался до задней двери и распахнул ее настежь.

Холодный утренний воздух охватил его с ног до головы, словно поздравляя с обретением долгожданной свободы. Эш, ковыляя, выбрался наружу, радостно подставляя лицо под моросящий дождик и полной грудью вдыхая свежий и чистый воздух, стремясь как можно скорее освободить легкие от затхлости и плесени Эдбрука. Ему удалось вырваться оттуда, и сознание, что он избавился от всех этих ужасов, наполняло его энергией. Ему хотелось кричать и одновременно плакать и смеяться от распиравшей его изнутри радости.

Только добравшись до края террасы, он осмелился оглянуться на оставшийся позади дом. Намокшие от дождя стены казались еще темнее, а окна грязнее и чернее. И все же на первый взгляд это был обычный дом, построенный руками людей из кирпича, дерева и стекла. Старое здание, казалось, устало от долгой жизни, и в нем не было ничего зловещего, подумал Эш, если не знать, что творится за его стенами. Дэвид смахнул с ресниц капли дождя. Все, что произошло, не могло быть реальным, и все же это не было сном.

Тем временем кошмар, как оказалось, еще не закончился, – одно из стекол в окнах нижнего этажа разлетелось вдребезги, и в образовавшемся проеме возникла дьявольская морда Охотника.

Эш с трудом, припадая на одну ногу, спустился по ступенькам террасы в парк и заковылял по выложенной каменными плитами дорожке, понимая, что ему ни за что не убежать от своего преследователя. Оглянувшись через плечо, Эш увидел, что пес уже добежал до верха ведущей в парк лестницы и стал неторопливо спускаться по ней, словно сознавая, что его жертва никуда не денется. Из пасти собаки текла слюна, с морды клочьями падала белая пена; опустив голову, дрожа от сдерживаемой ярости, Охотник с утробным рычанием стелющимся аллюром бежал по дорожке.

Эш повернулся лицом к приближавшемуся чудовищу, как делал это уже раньше, вынужденный играть с ним в смертельно опасную игру, потому что бежать было еще страшнее. В том, что пес его серьезно покалечит, Эш не сомневался, вопрос состоял в другом: будут ли эти раны достаточно серьезными, чтобы убить его. Несмотря на холодный дождь, Эш вспотел – ему было жарко.

Охотник был от него всего лишь в нескольких ярдах, и расстояние между ними стремительно сокращалось. Эш скорчившись продолжал пятиться – он был одновременно испуган и зол, оттого что не может справиться со своим страхом перед этой собакой. В душе его все кипело, и он уже готов был разразиться бранью, хотя и понимал, что пользы от этого не будет. Но прежде чем слова сорвались с его губ, ноги его уперлись во что-то твердое. Все. Дальше отступать некуда: за его спиной была невысокая ограда, окружавшая заросший пруд со стоячей водой.

Охотник весь напрягся, готовясь к прыжку.

За спиной Эша разверзлась вода.

Забыв об Охотнике, он резко обернулся. На него надвигалось нечто столь ужасное, что Эш без сил рухнул на колени.

Остатки ее волос мокрыми слипшимися прядями свисали до плеч. Длинное, заляпанное грязью и слизью со дна пруда платье клочьями прилипло к телу вместе с полусгнившими водорослями, словно решило украсить себя всякого рода мерзостью, пока его обладательница покоится под водой.

Охотник завыл и лег на дорожке.

Отвратительными на вид сморщенными руками, от одной из которых остались лишь почерневшие хрящи, она вцепилась в край стенки, обратив к Эшу оскал зубов. Почти половина тела ее сгорела и обуглилась. Как и накануне вечером, на него не мигая смотрело огромное глазное яблоко.

Она подтянулась и вылезла из пруда, возле ее покрытых шрамами ног тут же образовалась лужа воды, стекавшей потоками с тела. При ее появлении Эш отпрянул от стенки, и вот теперь она наклонилась вперед и тянула к нему руки, с которых свисали тонкие скользкие водоросли, браслетами увившие ее запястья.

Эш с отвращением отшатнулся, и губы ее искривились, издав какой-то скрипучий звук, – возможно, это было его имя.

Внезапно почерневшая половина ее тела вспыхнула огнем, и она пронзительно закричала.

Ужас, охвативший все существо Эша, напрочь лишил его способности соображать. Он в шоке мгновенно вскочил на ноги и помчался прочь от омерзительного существа, все время слыша вопли и визг, словно они звучали внутри его опустевшего, без единой мысли, разума. По мере того как он удалялся от пруда, в голове постепенно прояснялось, а крики звучали все громче и громче, как будто исчезали все преграды на их пути. Но одновременно до него доносился и смех, тихий, как эхо, язвительный смех.

Он поскользнулся и упал в мокрую траву, острая боль пронзила теперь уже всю ногу – от лодыжки до самого паха. Не обращая внимания на мучительные спазмы, он снова вскочил и заковылял по запущенным клумбам, через заросли кустарника, стремясь поскорее добраться до деревьев и укрыться под ними. Вопли и смех стихли, остались где-то позади, хотя и не смолкли окончательно.

Дождь полил сильнее, еще более затруднив продвижение. Он бежал вытянув перед

собой руки, защищая таким образом лицо от хлеставших по нему веток, и наконец добрался до леса. Из-за лившихся по лицу дождевых струй он почти ничего не видел, а может быть, виной тому были слезы, туманившие глаза. Его не покидало ощущение, что он в лесу не один, он слышал приглушенный смех, тихие зовущие голоса, иногда видел в отдалении мелькавшие среди деревьев тени.

Он понятия не имел, куда именно бежит, им владело лишь одно желание – оказаться как можно дальше от поместья. Как только он выйдет из леса, он найдет дорогу в поселок и вновь окажется в упорядоченном мире нормальных людей. Хруст ветки в кустах заставил его резко отпрянуть влево, мелькнувшая под деревьями тень вынудила повернуть направо. Доносившийся откуда-то сзади смех гнал его вперед.

Вскоре он оказался на уже знакомой ему просеке. Он споткнулся и упал на четвереньки, чувствуя, как барабанит по спине дождь, который здесь в отсутствие деревьев лил еще сильнее. Эш наконец понял, где находится. Перед ним возникла каменная громада фамильного склепа Мариэлли.

Эш судорожно хватал ртом сырой воздух, он безмерно устал, плечи поникли, спутанные волосы прилипли к голове. Дождевые капли с гулким эхом стучали по серому камню мавзолея, постепенно смывая с него грязь, придавая более яркие оттенки укоренившемуся в трещинах лишайнику. На глазах у Эша дождь смыл черный налет с прикрепленной у входа таблички, на которой были выгравированы какие-то надписи.

Ему оставалось только прочитать эти постепенно появляющиеся надписи.

Томас Эдвард Мариэлл. 1896 – 1938

Изабель Элоиза Мариэлл. 1902 – 1938

Эш смахнул с век капли дождя, внимательно следя за тем, как заполнявший выгравированные бороздки грязный налет, смешиваясь с водой, потоками стекает вниз. По-детски шевеля губами, он беззвучно произносил то, что постепенно появлялось на этих табличках, и новая волна ужаса буквально пригвоздила его к месту.

Роберт. 1919 – 1949

Саймон. 1923 – 1949

Кристина. 1929 – 1949

Последняя цифра – дата их смерти – все росла и росла перед его глазами, увеличиваясь до невероятных размеров...

1949

Из темноты склепа до него донесся приглушенный детский смех.

Он увидел, что металлическая дверь широко распахнута. Изнутри слышались теперь совсем иные звуки – скрежет камня о камень. В полумраке мавзолея возникло какое-то движение. Плита, служившая крышкой гроба, сдвинулась в сторону. Рядом приподнялась еще одна такая же плита, словно кто-то с силой толкнул ее изнутри.

И снова послышался детский смех.

30

Он бросился напролом через заросли, спотыкался, падал, вскакивал снова, не замечая, как ветки больно хлещут его по лицу, по рукам, цепляются за одежду, пытаясь задержать его. Над головой пронзительно кричали птицы. Эш ни разу не оглянулся, боясь увидеть тех, кто, возможно, его преследовал. Он продирался через кусты, перепрыгивал через поваленные деревья, но упорно двигался вперед, пока наконец не увидел просвет.

С воплем облегчения Эш выбежал на дорогу.

Он позволил себе на минуту остановиться, чтобы перевести дух и прислушаться, не гонятся ли за ним его преследователи. Вокруг все вроде было тихо и спокойно. Кто бы (или что бы – у него не было времени выяснять это) ни прятался внутри склепа, он не бросился за ним в погоню. Тем не менее он снова двинулся вперед, неуклюже припадая на поврежденную ногу, которая болела теперь поистине невыносимо. В горле пересохло, дыхание было

тяжелым. Уже совсем рассвело, дождь почти прекратился и лишь слабо моросил.

Он не слышал шума приближавшегося автомобиля, пока тот не оказался в какой-нибудь сотне ярдов позади него. Наконец до него донесся рокот мотора, шелест шин и хруст попадавших под колеса мелких веточек. Эш оглянулся и сквозь пелену дождя увидел свет фар. Он попытался идти быстрее, но сил уже не было, каждый шаг давался ему все с большим трудом.

Фары осветили мокрую дорогу. Он все продолжал и продолжал идти вперед, отчаяние заставляло его упорно преодолевать метр за метром.

С ним поравнялся “Уолсли”, и Эш отскочил в сторону, чтобы не оказаться под его колесами. Окно со стороны водителя открылось, и оттуда высунулась рука.

– Мистер Эш! Пожалуйста, сядьте в машину. Вы совершенно обессилели и не сможете сами добраться.

Эш остановился, потом зашатался, согнулся пополам, хватая ртом воздух, его едва не стошнило, и он был близок к истерике.

– Что... что вам от меня нужно? – наконец смог вымолвить он.

В глазах женщины мелькнула жалость.

– Я только хочу помочь вам, – ответила она. – Пожалуйста, сядьте в машину и позвольте отвезти вас на станцию. Это ваш единственный шанс.

Эш понимал, что она совершенно права: он слишком устал, утратил не только физическую, но и психическую силу и не сможет дойти самостоятельно. Он оперся руками о капот машины.

– Только скажите мне, почему, – умоляюще попросил он. – Почему они так со мной поступили?

Мисс Вебб указала ему на пассажирскую дверь.

– Сядьте, мистер Эш, иначе вы упадете прямо на дороге.

По-прежнему опираясь на капот, он медленно обошел машину спереди, сознавая, что иного выбора у него нет и придется ей поверить. Он с трудом влез в машину.

“Уолсли” тронулся с места и начал постепенно набирать скорость. Эш по-прежнему никак не мог отдышаться, ноги и руки у него дрожали. Он с подозрением вглядывался в сидевшую рядом женщину. Няня Тесс тоже заметно изменилась, хотя перемены в ней не носили столь противоестественного характера, как у ее племянников. Лицо ее осунулось, волосы растрепались, морщины не только углубились, их стало значительно больше – теперь они сплошь покрывали бледную кожу.

– Они очень плохо поступили с вами, – промолвила она ворчливым тоном. – Я предупреждала их, я умоляла их не делать этого.

– Я ничего не понимаю, – со вздохом произнес Эш заплетающимся языком.

Она бросила на него быстрый взгляд и нахмурилась, увидев, в каком он состоянии.

– О, вы и не должны были понять что-либо. Они хотели запутать вас, сбить с толку и таким образом нагнать на вас побольше страха.

– Но зачем им было пугать меня?! – воскликнул он. – Что я им сделал?

Дворники очистили ветровое стекло от последних капель дождя.

– Они хотели доказать, что вы заблуждаетесь. Что все ваши теории относительно невозможности жизни после смерти в корне неверны. Они хотели, чтобы вы сами убедились... чтобы вы заплатили...

Он уставился на нее непонимающим взглядом.

– Никакой сестры-близнеца не было, мистер Эш, – тихо сказала она.

Эш презрительно фыркнул.

– Я догадался. Кристина страдает шизофренией, не так ли?

– Что? Вы по-прежнему ничего не поняли? После всего, что произошло? – Она снова взглянула в его сторону, но Эш избегал встречаться с ней глазами. – Такое впечатление, что в ее теле одновременно жили два существа. Одно совершенно нормальное, нежное и любящее, а другое – безумное и злобное. Мы сделали все возможное, чтобы скрыть это от

окружающих.

Ее руки, обтянутые потемневшей кожей, еще крепче сжали руль.

– После смерти Изабель и Томаса забота о ней полностью легла на плечи мальчиков и, конечно, на мои тоже. Мы все, как могли, оберегали ее и одновременно держали под постоянным контролем. Господи! У меня, у всех нас, просто сердце разрывалось, когда мы были вынуждены ради ее же безопасности и для нашего спокойствия запирать девочку на ключ.

Машина подъезжала к перекрестку, и мисс Вебб сбросила скорость. Эш едва удержался, чтобы не броситься к заросшей травой телефонной будке. Какой в этом сейчас смысл? Лучше уж поскорее добраться до станции и уехать как можно дальше от этого проклятого поместья. Няня Тесс выехала на главную дорогу, и машина снова стала набирать скорость. Дворники со скрипом бегали по совершенно сухому ветровому стеклу. Но женщина, казалось, не замечала ничего.

Она продолжала рассказ, и в голосе ее было столько печали и горя, что Эш понял, что воспоминания, несмотря на прошедшие годы, по-прежнему причиняют ей боль. Усталый и измученный, он внимательно слушал ее.

– В том, что в конце концов произошла эта трагедия, виноват Саймон. Видите ли, несмотря на то что он вырос, в душе он все еще во многом оставался ребенком. Мальчикам, конечно, неоднократно напоминали, что с Кристиной следует обращаться очень бережно и осторожно. Возможно, двойственность ее натуры просто утомила его – она могла быть веселой и игривой, а в следующую минуту превращалась в злобную, визжащую фурию. А быть может, в какой-то момент он вдруг стал бояться ее.

Она замолчала и тут только обратила внимание на скребущие по сухому стеклу дворники. К великой радости Эша, она наконец отключила их.

– В тот день Роберт должен был вернуться из Лондона после встречи со своими советниками по финансам, и я поехала встречать его на станцию. Я... я думала, что Саймон вполне сможет справиться со всем самостоятельно. Должно быть, это была еще одна его глупая выходка, своего рода игра...

Она замолчала.

– Рассказывайте... – тихо попросил Эш.

Она, казалось, собиралась с силами и наконец решила продолжить.

– Саймон запер Кристину вместе с ее любимой собакой в винном подвале. Он знал, что она не любит бывать там, ненавидит царящую внизу темноту, запах сырости и толстые стены без окон. Каким-то образом ей удалось зажечь огонь. Мне часто приходилось отбирать у нее спички – маленькие язычки пламени буквально завораживали ее. Кристина говорила мне, что когда пламя гаснет, от спички поднимается маленькое облачко – это крошечная спичечная душа устремляется на небеса.

Это воспоминание вызвало на лице няни Тесс горькую улыбку. Но тут же лицо ее снова мрачно застыло.

– Не знаю, была ли это очередная игра или она намеренно зажгла огонь. Теперь этого уже никто не узнает. Возможно, она хотела лишь попугать Саймона и таким образом заставить его открыть дверь. Но пламя вырвалось из-под ее контроля и стало быстро распространяться.

Когда мы с Робертом возвратились домой, в подвале вовсю бушевал пожар. Саймон скорчился перед открытой дверью и, плача, указывал рукой на огонь. Снизу доносились жуткие крики Кристины и ужасный вой Охотника.

Не обращая внимания на огонь и нестерпимый жар, Роберт бросился вниз...

Под колесами машины хрустнула валявшаяся на дороге ветка, и от оглушительного треска Эш резко дернулся.

Няня Тесс даже не обратила внимания на этот звук.

– Через несколько минут вверх поднялись двое. Первой бежала Кристина. Одежда на ней и половина тела пылали.

Старая женщина закрыла глаза, словно перед ее мысленным взором все еще стояла та страшная картина. Эш бросил тревожный взгляд на дорогу, потом снова взглянул на мисс Вебб. Она вновь смотрела прямо перед собой и уверенно вела машину.

– Мы не успели поймать ее. Она промчалась мимо, а наше внимание было отвлечено вторым... вторым человеком. Роберт был весь охвачен пламенем. Я... я представить себе не могу, каким образом он смог подняться по лестнице... он... он рухнул у наших ног... он так мучился... Господи! Какие же муки пришлось ему испытать!..

Мы пытались спасти его, пытались сбить пламя. Но безуспешно – все тело его представляло собой огромный огненный шар. Он так кричал... эти страшные крики до сих пор стоят у меня в ушах. Они разрывали тишину ночного дома. Даже приняв снотворное, я слышу во сне эти ужасные вопли – в них было столько муки...

– Вы нашли Кристину... – начал было Эш.

– Да. Она бросилась в пруд и утонула там. Я уже говорила вам раньше – ожоги оказались чересчур сильными и она не смогла выбраться из воды.

Эш прислонился головой к боковому стеклу и закрыл руками глаза.

– Господи Иисусе... – едва слышно прошептал он.

– В то время у нас еще были наемные рабочие. Они бросились в дом и сумели сдержать распространение огня до приезда пожарных. Если бы не они, Эдбрук сгорел бы дотла. Возможно, это было бы к лучшему.

И вновь на лице ее появилось некое подобие улыбки, но тут же исчезло.

– Саймон был безутешен и совершенно подавлен. В том, что произошло, он винил только себя, считая себя ответственным за смерть брата и сестры. Понимаете, несмотря на то, что они постоянно подшучивали друг над другом, они были очень близки, особенно после гибели родителей. Через несколько недель Саймон повесился на перилах лестницы.

Несмотря на все, что пришлось ему пережить, Эш недоверчиво посмотрел на старую женщину.

– Но это невозможно! – воскликнул он. – Этого просто не может быть! Я же видел их всех, я разговаривал с ними, я ел с ними за одним столом. Кристина привезла меня на машине!

Няня Тесс в ответ лишь покачала головой.

– Но Кристина... – настаивал Эш, – ...я прикасался к ней!.. Мы... ее тело было живым, теплым!..

И тут он вспомнил ледяной холод простыни в том месте, где лежала Кристина.

– Вы видели... вы разговаривали с неживым существом. Мы с вами были совершенно одни в доме, мистер Эш. И все же не совсем одни. С нами были Роберт, Саймон и Кристина, но только не как живые люди. И Охотник тоже – его несчастная душа так и не обрела покоя.

– Вы с ума сошли, – тихо, без всякого выражения произнес Эш.

Она вновь улыбнулась, но на этот раз в ее улыбке была не только печаль.

– Вы же чувствовали слабость, мистер Эш, когда находились в доме. Так неужели вы, при ваших-то знаниях в области парапсихологии, не догадались, что кто-то отбирает у вас психическую энергию, пользуется ею? Точно так же все эти годы они брали энергию от меня. Именно она служит им источником существования. Неужели вы так и не сумели это понять?

Они снова и снова появляются в Эдбруке и живут за счет моей энергии – ах, дорогая наша няня Тесс, хранительница Эдбрука, защитница детей и в жизни и в смерти – они продолжают играть в свои игры, словно их совместные выходки помогают их душам объединяться, связывают их друг с другом. Думаю, что ту игру, в которую они играли с вами, они считают лучшей из всех. Мне остается только надеяться и молить Бога, чтобы она стала для них последней.

– Но они были такими реальными... – уже без всякой уверенности в голосе сказал Эш.

– Это вам только казалось. Человеческий разум – область не менее таинственная, чем потусторонний мир, в котором они сейчас обитают. Они проникли в самые глубины вашего разума, отыскивали в нем наиболее глубоко спрятанные мысли и воспользовались ими.

Дэвид покачал головой – он по-прежнему отказывался ей верить.

– Скажите, ваш диктофон сейчас при вас? – спросила она.

Думая в эту минуту о чем-то другом, Дэвид машинально полез в карман пиджака и достал диктофон.

– Включите его, мистер Эш, – попросила она, и он был озадачен ноткой самодовольства, прозвучавшей в ее голосе. – Прослушайте записи, сделанные в Эдбруке.

Он послушно нажал на кнопку перемотки и подождал, пока перематывается пленка, потом нажал на пуск.

– Как погибли ваши родители, Кристина? – послышался искаженный записью голос Эша.

Тихий шелест движущейся пленки и атмосферные шумы.

– Вы были еще детьми, когда это произошло? – снова зазвучал его голос.

И вновь никакого ответа.

Эш нахмурился и перемотал пленку чуть дальше. Потом снова нажал на пуск.

– ...как вы знаете? Или знали... – это опять его голос. Эш вспомнил, что это часть вопроса, заданного им Саймону.

В ответ – тишина.

В полном смятении он снова перемотал пленку.

– ...и даже может влиять на электричество... – это его слова.

Никакого ответа. Потом его голос:

– Нет, я по-прежнему говорю о необъяснимых феноменах. Пожалуйста, продолжайте рассказ.

Еще некоторое время он слушал шипение пленки, потом раздраженно выключил диктофон. Засовывая его обратно в карман пиджака, Эш заметил, что впереди уже показались первые дома поселка.

– Но почему? Почему именно я? – со странной смесью недоумения и безнадежности спросил Эш.

Ее ответный вздох был столь же безнадежным, как и заданный им вопрос. Дэвид вдруг подумал, что няня Тесс сейчас мало чем напоминает ту женщину, которая еще совсем недавно встретила его в Эдбруке, – сдержанную, необщительную старую деву, незамужнюю тетюшку троих племянников.

– Заговор, – ответила она наконец.

Он непонимающе взглянул на нее.

– Заговор духов, – пояснила она, осторожно ведя машину по пустынной улице. – Союз между ними и кем-то еще, обитающим, так же как и они, в потустороннем мире. Они сговорились с кем-то, мистер Эш, и этот кто-то из числа ваших близких.

Эш замер, чувствуя, как по спине ползет холодок. Внутри него возникло ощущение еще большей угрозы. Он хотел вновь оказаться в реальном мире – и вот он, этот мир, за окнами машины проплывают дома и магазины, улицы освещены, дорожные указатели стоят на своих местах – обычная жизнь идет своим чередом. Но его по-прежнему преследуют аномалии, патологические явления, и они в данный момент находятся здесь, рядом с ним в машине. Голос няни Тесс звучал тихо и монотонно, но тем не менее каждое ее слово четко фиксировалось его сознанием. Он одновременно и верил и решительно отвергал все ею сказанное. Постепенно страх начинал брать верх над разумом.

– Причиной послужило ваше решительное отрицание возможности посмертного существования духа. Ради собственного спокойствия вы глубоко прятали свою веру в подобную возможность. Разве сознание вины в гибели вашей сестры не заставило вас воздвигнуть эту стену неверия? – Не дожидаясь ответа, она продолжала: – И разве вы, несмотря на то, что прошло уже много лет, все еще не боитесь, что она вернется, чтобы потребовать возмездия, чтобы заставить вас заплатить за то, что вы с ней сделали? Я уже говорила вам, что человеческий разум – область таинственная и непостижимая...

Машина подъехала к небольшому станционному зданию, и Эш увидел стоящий у

платформы поезд. Однако он по-прежнему оставался в машине. Все чувства его находились в полном смятении, он дрожал с головы до ног, голова слегка подергивалась, словно он хотел опровергнуть все только что сказанное.

Няня Тесс разволновалась, на глазах ее выступили слезы.

– Игра зашла слишком далеко. Я пыталась держать их под контролем, старалась изо всех сил, но... как всегда, не выдержала, уступила. Моя вина ничуть не меньше вашей – я обещала Изабель, что позабочусь о них, а вместо этого позволила всем им умереть. Всем... Разве может быть мне прощение?

Она опустила голову на руль и закрыла руками лицо. Эш с трудом мог различить то, что она говорила.

– Самое страшное уже случилось. Теперь люди станут задавать вопросы. Эдбрук и Мариэллы станут пищей для разговоров.

Эш почувствовал, что, несмотря на страх и смятение, его охватывает гнев.

– Ну уж я-то во всяком случае никогда и никому не расскажу о том, что произошло со мной в Эдбруке. Мне же все равно никто не поверит.

– Вы по-прежнему не понимаете, о чем речь? Игра зашла чересчур далеко. В нее оказался втянутым еще один человек, чье сердце оказалось не таким крепким, как ваше.

Она подняла к нему искаженное мукой лицо, обрамленное растрепавшимися волосами. Морщины на щеках стали еще заметнее. Няня Тесс медленно повернула голову и посмотрела через плечо на заднее сиденье. Несмотря на нарочитую неторопливость этого движения, глаза ее полны были страха, а выражение лица едва ли можно было назвать бесстрастным.

Эш проследил за ее взглядом, хотя внутренний голос настойчиво приказывал ему не делать этого.

С заднего сиденья на него смотрели широко открытые мертвые глаза Эдит Фипс. Рот ее был полуоткрыт, верхние зубы лежали на нижней губе, и этот вывалившийся зубной протез придавал ее лицу какое-то нелепое выражение, однако в чертах ее лица, во всем ее теле отсутствовали свойственные покойникам расслабленность и умиротворенность. Если бы труп мог обладать голосом, Эдит сейчас кричала бы от ужаса.

Эш резко отвернулся и уставился на приборную доску. Это уже был даже не ужас, ибо и это чувство имеет свои пределы – в те несколько секунд, что он смотрел на Эдит, все эмоции, достигнув, видимо, наивысшей точки, разом покинули его, превратив в пустую, бесчувственную оболочку.

Но в следующий момент он услышал, как хихикает няня Тесс, и увидел пляшущие в ее испуганном взгляде искорки безумия.

Мгновенно придя в себя, Эш бросился прочь из машины.

31

Он оттолкнул в сторону служащего вокзала, который в эту минуту входил в полутемный кассовый зал со стороны платформы. Он слышал, как человек выругался и что-то прокричал ему вслед, но не остановился. Поезд уже тронулся и медленно набирал скорость, словно груз, который он вез, был чересчур для него тяжелым.

Схватившись за ручку вагонной двери, Эш прихрамывая побежал рядом, стараясь не отставать, чтобы вскочить в вагон. Он едва не лишился ног, но все же каким-то образом успел ухватиться за дверную раму и ввалился внутрь. Дэвид без сил рухнул поперек сиденья в купе, но тут же подтянулся и сел прямо, прислонившись головой к стене. Дверь купе с грохотом захлопнулась. Поезд набирал ход. Голова Эша моталась из стороны в сторону, словно у пьяного, он бормотал что-то себе под нос, вслух отрицал возможность и вероятность всего, что пришлось ему пережить, судорожно хватался руками за воротник рубашки, как будто ему не хватало воздуха. По спине и шее струился липкий холодный пот.

Колеса поезда ритмично стучали, движение его по-прежнему было неторопливым, и Эш поблагодарил Бога за то, что он наконец-то уезжает из этого адского местечка,

называемого Эдбрук, со всеми происходящими в нем кошмарами, уезжает от Мариэллов, которые существуют только за счет горя и мучительных угрызений совести живых, от домоправительницы, их тетушки, сошедшей с ума от сознания своей вины в постигшей семью трагедии. Он уезжает от всех, уезжает от Кристины...

Он вновь оказался во власти эмоций, воспоминаний, сомнений и впечатлений. За время краткого пребывания в Эдбруке произошло слишком многое, чтобы он мог так быстро осмыслить все это. Он пережил минуты отчаяния и ужаса и минуты всепоглощающей любви. Он занимался любовью... Но с кем? С призраком? Нет, это невозможно, решительно невозможно.

Он в отчаянии затряс головой. Ибо на самом деле он знал правду.

Роберт, Саймон и Кристина были призраками, и все они сговорились еще кое с кем, когда-то ему очень близким, – с его сестрой, которая даже после смерти не перестала его презирать, которая строила против него козни даже из могилы. И этот заговор призраков превратился в страшную реальность.

Внезапно Эш застыл на месте. Он сидел спиной по ходу поезда и потому мог видеть постепенно удаляющуюся пустую платформу. Но теперь на ней появился человек, и голова его медленно поворачивалась вслед уходящему поезду.

Эшу улыбался Роберт Мариэлл.

Вскоре сквозь грязное стекло Эш увидел вторую фигуру. Саймон стоял без пальто, глубоко засунув руки в карманы брюк. На шее его больше не было шрамов, голову он держал совершенно прямо, а на обращенном к Эшу лице сияла беззаботная улыбка.

Снова пустой участок бетонной платформы... и снова кто-то стоит, запрокинув голову, и с детской непосредственностью разглядывает поезд. Она оставалась все той же маленькой девочкой. На ней было то же белое платье, в котором она утонула, а на ногах – белые гольфы. Рядом с ней неподвижно застыл Охотник.

Эш рванулся к окну, с грохотом опустил его вниз и высунулся наружу, протягивая к ней руки.

– Джульетта!!! – в отчаянии закричал он.

Теперь он отчетливо видел ее лицо, черты которого до сих пор помнил лишь смутно, не желая их узнавать, запрещая себе делать это и таким образом признавать факт столь неестественного ее существования. Он ясно различал ее губы, которые изогнулись в злобной усмешке.

Поезд уходил все дальше, видение исчезло, а сидевший рядом пес превратился в маленькую черную точку.

Эш плакал, и сердце его разрывалось от горя, он звал ее снова и снова, в отчаянии обращаясь к теперь уже неясной фигуре, по запыленному лицу, оставляя грязные полосы, текли слезы.

Чьи-то сильные руки жестко вцепились в его плечи сзади, изнутри купе. Он крепко ухватился за раму, боясь, что сейчас его вышвырнут на проносящуюся мимо твердую землю. Он начал сопротивляться, пытаясь развернуться, чтобы встать лицом к своему противнику. Острые ногти расцарапали ему лицо.

Глаза Кристины превратились в уродливые щели. Лицо ее было чистым, ожогов на теле не было, и все же это была не та Кристина, которую он знал. Перед ним открылась темная сторона ее существа, он увидел взбешенное порочное создание, которое Мариэллы при жизни тщательно скрывали от окружающих. Волосы ее были растрепаны, лицо исказила насмешливая гримаса. Серо-голубые глаза сверкали безумным огнем, за маской настоящей ведьмы бесследно исчезла красота девичьего лица.

Она безжалостно набросилась на него, ее белоснежное платье развевалось, словно под порывами ветра. Царапаясь и яростно плюя ему в лицо, она зажала Эша в угол купе. Эш был слишком испуган, чтобы сопротивляться, он лишь закрыл руками лицо, безропотно позволив ей избивать себя.

Но по мере того как боль становилась нестерпимой, он начал размахивать руками,

пытаясь отогнать воскресшую Кристину, выкрикивал ее имя. Ярость и отчаяние помогали ему постепенно преодолеть страх.

Вскоре он обнаружил, что борется с пустотой, но продолжал молотить руками по воздуху.

Прошло несколько минут, прежде чем он остановился и бессильно опустил руки. Еще какое-то время он испуганным взглядом обводил купе. Наконец Эш сумел взять себя в руки, выпрямился и остался стоять так, пошатываясь в такт движению поезда.

Почувствовав, что щека у него мокрая, Эш коснулся лица дрожащей рукой.

И надолго застыл, не сводя взгляда с испачканных кровью кончиков пальцев...

Эдбрук

Ночь только еще вступает в свои права. Над изрытой ямами подъездной дорожкой к огромному заброшенному зданию порывами вздыхает ветер. Словно пришедшая из другой эпохи машина стоит возле ведущих к входной двери каменных ступеней.

Дом кажется покинутым и всеми забытым, внутри него царит темнота.

Но в этой непроглядной тьме кто-то движется, переходит из комнаты в комнату. Пожилая женщина ходит по дому, тихо напевая, – эту песенку она пела, укачивая детей, которые выросли здесь. Но это было очень давно, ее детей уже нет.

В руках у женщины коробок со спичками. Она зажигает их одну за другой и оставляет горящими где попало.

Становится все темнее, и пустая каменная громада Эдбрука погружается во мрак. Но вот в одном из окон особняка разгорается оранжевое пламя. Вскоре теплое сияние появляется в другом окне...

Потом еще в одном...